

Тур Хейердал

Путешествие
на **"КОН-ТИКИ"**

ЛЕНИНГРАД

Annotation

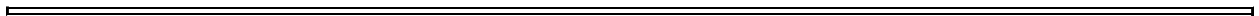
В книге Тура Хейердала "Путешествие на "Кон-Тики"" рассказывается о том, как шестеро отважных людей совершили одну из самых оригинальных экспедиций нашего времени - на плоту из Южной Америки в Полинезию через Тихий океан.

Среди участников экспедиции на "Кон-Тики" был товарищ детских игр Хейердала, Эрик Хессельберг - единственный настоящий моряк в команде - исполнял обязанности штурмана: производил астрономические наблюдения, определял местонахождение плота и отмечал на карте его курс.

Для чего предпринято такое путешествие? Как, когда, откуда заселялись острова восточной части Тихого океана? На эти вопросы читатель найдет ответ в удивительной книге отважного путешественника, ученого с мировым именем.

- [Тур Хейердал](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

Тур Хейердал

Путешествие на "Кон-Тики"

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРИЯ

Размышления. Старик с острова Фатухива. Ветры и морские течения. По следам Тики. Откуда пришли люди в Полинезию? Загадка Южных морей. Теории и факты. Легенда о Кон-Тики и белых людях.

Бывает иногда так: вдруг вы отдаете себе отчет, что находитесь в совершенно необычной обстановке. События происходили, конечно, постепенно и вполне естественным путем, но приходите вы в себя внезапно и с удивлением задаете вопрос: как же все это, собственно говоря, случилось?

Плывете вы, например, по морю на плоту в компании попугая и пяти товарищей. Совершенно неизбежно, что в одно прекрасное утро, как следует отдохнув, вы просыпаетесь и начинаете размышлять. В такое утро я записал во влажном от росы вахтенном журнале:

"17 мая^[1]. Море бурное. Ветер попутный. Сегодня я за кока. Нашел семь летучих рыбок на палубе, на крыше хижины - кальмара и в спальном мешке Турстейна - какую-то совершенно неизвестную мне рыбу..." На этом слове моя рука остановилась, и у меня безотчетно мелькнула мысль: какое необычное 17 мая!

Да, впрочем, и вся обстановка более чем странная - только небо и море. Как же все это, собственно говоря, началось?

Я повернул голову налево. Ничто не заслоняло мне вид безбрежного синего моря, пенящиеся волны катились одна за другой в вечной погоне за беспрестанно отступающим горизонтом. Я посмотрел направо, вглубь полутемной хижины. Там лежал на спине бородатый человек и читал Гете; пальцы его ног были просунуты сквозь бамбуковую решетку низкого потолка шаткой, крохотной хижины - нашего общего дома.

- Бенгт, - спросил я, отгоняя зеленого попугая, намеревавшегося устроиться на вахтенном журнале, - можешь ты объяснить, как дошли мы до жизни такой?

Золотисто-рыжая борода опустилась на томик Гете.

- Тебе это лучше знать, черт возьми! Сия отвратительная идея принадлежит никому другому, как тебе. Однако, каюсь, мне она кажется

великолепной.

Он передвинул пальцы на три планки ниже и преспокойно снова углубился в Гете. На бамбуковой палубе под палящими лучами солнца работало трое мужчин. И казалось, что эти полуголые, загоревшие, бородатые люди, с полосами соли на спине, всю свою жизнь только тем и занимались, что гоняли плоты по Тихому океану на запад.

В каюту влез Эрик с секстантом^[2] и пачкой бумаг:

- Девяносто восемь градусов сорок шесть минут западной долготы и восемь градусов две минуты южной широты. Хорошо идем, ребята, последнее время!

Он взял у меня карандаш и нанес на карте, висевшей на бамбуковой стене, маленький кружочек - маленький-маленький кружочек, последний из девятнадцати таких же кружков, образовавших на карте Тихого океана цепь, начинавшуюся от порта Кальяо на побережье Перу. Один за другим в хижину влезли Герман, Кнут и Турстейн: они сгорали от нетерпения посмотреть на новый маленький кружок, перенесший нас, в сравнении с последним, на сорок морских миль^[3] ближе к островам Южных морей.

- Смотрите, ребята, - с гордостью сказал Герман, - выходит, что сейчас мы находимся на расстоянии тысячи пятисот семидесяти километров от Перу!

- И до ближайших островов осталось только шесть тысяч четыреста тридцать, - осторожно заметил Кнут.

- А если уж быть абсолютно точным, то мы находимся в пяти тысячах метров от дна океана и лишь в нескольких десятках метров от луны, - шутливо добавил Турстейн.

Итак, теперь было точно известно, где мы находимся, и я мог продолжать свои размышления по поводу того, каким образом мы здесь очутились. Попугай не унимался - ему во что бы то ни стало было необходимо прогуляться по вахтенному журналу. А вокруг простиралось синее море, отражавшее такое же синее небо...

Может быть. все это началось прошлой зимой в одном из музеев Нью-Йорка? А может быть, еще десять лет назад, на одном из островков Маркизского архипелага, в центре Тихого океана? Возможно, что мы к нему подойдем, если только норд-ост не отнесет нас дальше на юг, к Таити или к островам Туамоту. Перед моими глазами отчетливо возник островок: его рыжевато-красные зубчатые скалы, зеленые джунгли, сползавшие по склонам к самому морю, и томящиеся в каком-то ожидании стройные покачивающиеся пальмы на побережье. Остров называется Фатухива.

Сейчас между нами и этим островком не было ни клочка земли, тысячи морских миль отделяли нас от него. Я представил себе узкую долину Оуиа, выходящую к морю, и вспомнил до малейших подробностей, как мы сидели там по вечерам на пустынном берегу и смотрели на все тот же безбрежный океан. Тогда я был с женой, а сейчас нахожусь в обществе бородатых пиратов. Мы ловили с ней всяких зверьков, насекомых и птиц, собирали фигурки божков и другие остатки исчезнувшей культуры. Особенно памятен мне один вечер. Цивилизованный мир казался непостижимо далеким и нереальным. Уже в течение почти целого года мы были единственными белыми на острове, добровольно отказавшись от всех благ, а также и зол культурной жизни. Мы жили в хижине на сваях, ее мы сами построили под пальмами на берегу, а нашей пищей было лишь то, что нам давали джунгли и Тихий океан.

Мы прошли суровую школу, и собственный опыт помог нам проникнуть в тайны многих любопытных проблем Тихого океана. И я, между прочим, думаю, что мы часто поступали и мыслили так же, как и те первобытные люди, которые прибыли на полинезийские острова из неизвестной страны. Надо сказать, что их потомки - полинезийцы - спокойно правили этой островной державой, пока здесь не появились люди белой расы: с библией в одной руке и с порохом и водкой - в другой.

В тот памятный вечер мы сидели, как это бывало часто и раньше, при лунном свете на берегу моря. Мы бодрствовали, зачарованные окружавшей нас романтикой, и ничто не ускользало от нашего внимания. Мы вдыхали аромат буйной растительности джунглей и соленый запах моря и слушали, как в листве и верхушках пальм шумит ветер. Все звуки через одинаковые промежутки времени тонули в грохоте огромных бурунов, которые набегали с моря, обрушивались на берег, пенясь и разбиваясь в кружева о прибрежную гальку. Миллионы блестящих камешков скрежетали, звенели, шуршали и затихали, а волны отступали, чтобы, собравшись с силами, вновь пойти в атаку на непобедимый берег.

- Странно, - сказала Лив, - что на той стороне острова никогда не бывает таких бурунов.

- Да, - подтвердил я, - эта сторона наветренная, и волны всегда идут в эту сторону.

И опять мы сидели молча и восхищались морем, которое, казалось, беспрестанно шептало, что оно катит свои волны с востока, с востока, с востока... Извечный ветер, пассат, волновал поверхность моря, вздымая ее, и гнал волны из-за далекого горизонта на востоке сюда, к островам. Скалы и рифы вставали преградой на пути непрерывного стремления моря вперед;

восточный же ветер легко перемахивал через берег, лес и горы и неудержимо устремлялся дальше на запад, от острова к острову, к солнечному закату. Испокон веков с востока из-за горизонта катились волны и плыли легкие облака. И первые люди, которые пришли на эти острова, знали об этом. Об этом знали также и птицы и насекомые, и растительность островов полностью находилась под влиянием этого явления. И мы сами знали, что далеко-далеко, за горизонтом, там, на востоке, откуда идут тучи, лежит открытый берег Южной Америки. До него восемь тысяч километров, и между ним и нами - одно лишь море.

Мы смотрели на проплывавшие над нами облака. На волнующееся, освещенное луной море и слушали полуголого старика, который сидел на корточках и не сводил глаз с угасавших угольков костра.

- Тики, - тихо говорил старик, - был богом и вождем. Тики привел моих предков на эти острова, где мы и теперь живем. Раньше мы жили в большой стране, там, далеко за морем...

Он помешал палочкой угольки, чтобы они не погасли. Старик сидел и думал. Его мысли были далеко в прошлом, и сам он был связан с ним тысячами нитей. Он поклонялся своим предкам и их подвигам, совершенным во времена богов. Он ждал часа, когда уйдет к ним. Старый Теи Тетуа был последним представителем всех тех племен, которые некогда жили на восточном побережье Фатухивы. Сколько ему было лет, он и сам не знал, но его коричневая, похожая на кору кожа была так испещрена морщинами, словно ее сотни лет жгло солнце и сушили ветры. Он был, бесспорно, одним из немногих людей на островах, кто еще помнил и верил в легендарные предания о великом полинезийском боге и вожде Тики, сыне солнца, о котором ему рассказывали отец и дед.

Когда мы той ночью легли спать в маленькой хижине на сваях, в моем сознании еще долго звучали под аккомпанемент глухого шума прибоя слова старого Теи Тетуа о Тики и забытой родине островитян за морем. Они звучали как голос далекого прошлого, который, казалось, хотел что-то рассказать в ночной тишине. Я не мог уснуть. Казалось, что время больше не существует и Тики со своими мореплавателями сейчас высадится на омываемый бурунами берег. И вдруг внезапная мысль пришла мне в голову.

- Лив, - спросил я. - ты заметила, что гигантские изваяния Тики в здешних джунглях удивительно похожи на каменные статуи - памятники исчезнувших культур в Южной Америке?

И мне ясно послышалось, что буруны ответили "да". Шум волн постепенно стих, и я уснул.

Возможно, что все именно так и началось. Вернее, все это послужило

началом целого ряда событий, а в конечном счете мы, шестеро, и зеленый попугай оказались на плоту, который отошел от побережья Южной Америки.

Помню недовольство отца, удивление матери и друзей, когда я, возвратившись в Норвегию, подарил зоологическому музею университета свои коллекции насекомых и рыб, собранные на острове Фатухива. Я решил бросить зоологию и посвятить себя изучению первобытных народов. Неразгаданные тайны Южных морей завладели мной. Должно же быть их правильное решение, думал я и поставил себе целью узнать, кто такой был сказочный Тики.

В последующие годы я изучал жизнь народов Тихого океана, а прибой и развалины в джунглях были для них словно фоном и беспрестанно стояли передо мной, как далекое и призрачное видение.

Постичь мышление и поступки первобытных народов путем чтения книг и посещения музеев так же бесполезно для современного исследователя, как считать, что перед ним откроются широкие горизонты, если он ознакомится с содержанием книг, уместающихся на одной полке.

Научные труды, дневники самых первых исследователей и бесчисленные коллекции в европейских и американских музеях давали богатый материал для решения интересовавшей меня загадки. С того момента, когда белый человек впервые ступил на острова Тихого океана, - а это произошло вскоре после открытия Америки, - ученые всех отраслей науки собрали многочисленные сведения о жителях островов Южных морей, о соседних с ними народах. Но, несмотря на это, до сих пор не существует единого мнения ни относительно происхождения полинезийцев, ни о причинах поселения их лишь на островах, разбросанных в восточной части Тихого океана.

Когда европейцы отважились наконец пуститься в плавание по величайшему из океанов, то они, к своему удивлению, открыли среди морей множество небольших гористых островов и плоских коралловых рифов, отрезанных друг от друга и от внешнего мира безбрежными морскими просторами. И все эти острова были заселены красивыми, рослыми людьми. Они прибыли сюда задолго до европейцев и встречали их на берегу; у них были и собаки, и свиньи, и куры. Откуда они сюда пришли? Они говорили на неизвестном другим народам языке. Белые люди, самоуверенно называвшие себя первооткрывателями островов, находили на каждом населенном острове возделанные поля и поселения с храмами и домами. А на некоторых островах были даже древние пирамиды, мощенные камнем дороги и каменные изваяния высотой с

четырёхэтажный европейский дом. Но объяснения этой загадки найдено не было. Что это был за народ, откуда он сюда пришел?

Нетрудно убедиться, что ответов на этот вопрос столько же, сколько было написано книг на эту тему. Специалисты в различных областях науки выдвигали самые разнообразные гипотезы, но рано или поздно их теории опровергались другими специалистами, которые в своих доказательствах исходили с других позиций. Одни предполагали и доказывали, что родиной полинезийцев были Малайский архипелаг, Индия, Китай, Япония, Аравийский полуостров, Египет, Кавказ, Атлантида и даже Германия и Норвегия. Но другие всегда выдвигали решающие возражения, которые разрушали хитроумные гипотезы, и весь вопрос снова оказывался неразрешенной загадкой.

Место зашедшей в тупик науки заняла фантазия.

Таинственные каменные изваяния и другие памятники культуры неизвестного происхождения на небольшом острове Пасхи, одиноко лежащем на полпути между ближайшими полинезийскими островами и побережьем Южной Америки, служили поводом для всевозможных догадок. Многие находили сходство между находками на острове Пасхи и остатками древних культур в Южной Америке. Может быть, море поглотило существовавшую некогда между ними перемычку? Или, может быть, остров Пасхи и все другие острова Южных морей, на которых были найдены схожие памятники древней культуры, - лишь остатки погрузившегося в океан континента?

Это довольно популярная теория, но ее не разделяют геологи и другие ученые. Так, например, зоологи, изучавшие насекомых и улиток на островах Южных морей, доказали, что эти острова не только сейчас, но и на всем протяжении истории человечества были совершенно обособлены как друг от друга, так и от ближайших материков.

Мы можем поэтому с полной уверенностью сказать, что предки полинезийцев - возможно, по собственному желанию, а может быть, и вопреки своей воле - прибыли некогда на эти затерявшиеся в океане острова на парусных лодках или на каких-то судах, гонимых течением. Присмотревшись пристальнее к жизни полинезийцев, нетрудно прийти к выводу, что переселение произошло всего лишь несколько столетий назад. Дело в том, что хотя полинезийцы живут на островах, разбросанных среди океана, на территории в четыре раза больше Европы, они до сих пор не утратили общности языка. Несколько тысяч морских миль отделяют Гавайские острова на севере от Новой Зеландии на юге, острова Самра на

западе от острова Пасхи на востоке, и, несмотря на это, все живущие на этих островах обособленные друг от друга племена говорят на диалектах одного и того же языка, который мы называем полинезийским. Письменности на всех этих островах не было; исключение составлял остров Пасхи, где коренное население сохранило несколько древних деревянных дощечек, покрытых непонятными иероглифами, которые ни они сами и никто другой прочитывать не мог. Но у них были школы, где главным предметом была история, которая преподавалась в виде поэтических сказаний. Следует добавить, что в Полинезии история и религия отождествлялись. У полинезийцев существовал культ предков, они поклонялись своим умершим вождям, начиная с Тики; а о самом Тики говорили, что он был сыном солнца.

Почти каждый остров имел знающих старину людей, которые могли без запинки перечислить имена всех вождей острова со времени появления на нем первых людей. В помощь памяти у них были, как у индейцев-инков^[4] в Перу, витые шнуры со сложной системой узлов. Современные исследователи собрали родословные со всех островов, сопоставили их и выяснили, что они поразительно совпадают как в отношении имен, так и числа поколений. Тогда ученые приняли в среднем жизнь одного поколения за двадцать пять лет и установили, что острова Южных морей были заселены не ранее конца V века нашей эры. Более поздние памятники культуры и вереница новых имен вождей говорили о том, что еще одна волна переселенцев достигла этих островов в конце XI века нашей эры.

Откуда же явились столь поздние переселенцы? Лишь немногие исследователи обратили внимание на то, что народ, прибывший на эти острова в сравнительно позднюю историческую эпоху, по некоторым признакам своей культуры принадлежал к каменному веку (неолиту). Несмотря на свою одаренность и во всех отношениях поразительно высокую культуру, эти мореплаватели принесли с собой каменные топоры особого типа, а также и другие орудия, характерные для каменного века, которые распространились на всех заселенных ими островах. Не следует забывать, что как в V, так и в XI веках нашей эры на земле не было ни одного народа, культуру которого можно было бы отнести к каменному веку. Исключение составляли отдельные племена, жившие обособленно в первобытных лесах, некоторые отсталые народности, а также Новый Свет, где индейские племена с самой высокой культурой не имели железа. Они пользовались такими же каменными топорами и каменными орудиями, как и жители островов Южных морей, когда там появились европейцы.

Таким образом, на востоке самыми близкими к полинезийской

культуре были разнообразные индейские цивилизации. На западе, в Австралии и Меланезии, жили лишь первобытные чернокожие племена, дальние родичи негров, а еще дальше лежали Индонезия и Азия, где каменный век ушел в далекое прошлое - возможно, намного раньше, чем где-либо в мире.

Вот почему мои мысли и внимание все больше и больше отвлекались от Старого Света, где многие пытались найти родину полинезийцев и не находили ее, и направлялись к Америке, к известным и неизвестным индейским культурам, которые до сих пор никто не принимал во внимание. Оказалось, что немало нужных мне следов можно найти и на самом близком к востоку от Полинезийских островов побережье, там, где сейчас находится территория южноамериканской республики Перу, простирающаяся от побережья Тихого океана высоко в горы. Здесь некогда жил неизвестный народ, создавший одну из самых своеобразных в мире культур. А затем он внезапно исчез в незапамятные времена, как будто его стерли с лица земли. После него остались гигантские каменные изваяния, изображавшие человека, и схожие с такими же статуями на островах Питкэрн, Маркизских и Пасхи. Остались, кроме того, огромные ступенчатые пирамиды, такие же, как на Таити и Самоа. Каменными топорами неведомые строители вырубали в горах глыбы величиной с железнодорожный вагон, переправляли их на многие десятки километров по бездорожью, ставили на ребро или устанавливали одну глыбу на другую и сооружали ворота, гигантские стены и террасы, какие до сих пор можно видеть на некоторых островах Тихого океана.

Когда первые испанцы пришли в Перу, в этой горной стране была великая империя инков. Они рассказали испанцам, что разбросанные по их стране и разрушающиеся гигантские сооружения были воздвигнуты белыми богами, которые жили здесь до того, как инки захватили власть. Исчезнувшие строители были, по их словам, мудрыми и миролюбивыми наставниками, пришедшими в незапамятные времена с севера. Они обучили диких предков инков строительному искусству и земледелию, ввели обычаи и установили законы. Эти боги не были похожи на индейцев; у них была белая кожа, длинные бороды и высокий рост. Они так же внезапно покинули Перу, как и пришли; инки взяли власть в стране в свои руки, а белые наставники навсегда исчезли с побережья Южной Америки в западном направлении, за Тихий океан.

И вот, когда европейцы впервые ступили на острова Тихого океана, они были поражены, что многие жители имели почти белую кожу и носили бороды. На некоторых островах целые семьи выделялись удивительно

светлой кожей, рыжеватыми или белокурыми волосами, серовато-голубыми глазами, почти семитскими чертами лица, с орлиными носами. У полинезийцев же, в отличие от них, была золотисто-коричневая кожа, черные волосы и плоские мясистые носы. Рыжеволосые называли себя "урукеху" и утверждали, что происходят они по прямой линии от первых вождей на островах, от белых богов - Тангароа, Кане и Тики. Предания о таинственных белых людях, праотцах жителей островов, широко распространены по всей Полинезии. Роггевен, открывший в 1722 году остров Пасхи, заметил, к своему удивлению, что на берегу были также и "белые люди". А жители острова Пасхи могли перечислить, кто из их предков имел белую кожу, вплоть до Тики и Хоту Матуа, которые некогда приплыли из-за моря, "из покрытой горами страны на востоке, которую сожгло солнце".

Я продолжал свои исследования и нашел в культуре, мифологии и языке Перу следы, представлявшие исключительный интерес. Это побудило меня еще более усердно и сосредоточенно взяться за выяснение, откуда же происходил Тики - праотец полинезийцев.

И я нашел то, что искал. Наконец-то я сидел и читал предания инков о царе-солнце Виракоча, верховном вожде исчезнувшего белого народа в Перу! В них было сказано:

"Виракоча" - это имя дали инки на языке племени кечуа^[5], и, следовательно, оно более позднего происхождения. Первоначально бога-солнца Виракоча называли Кон-Тики или Илла-Тики, что означало Солнце-Тики или Огонь-Тики, и это имя, по-видимому, было более принято в старые времена в Перу. Кон-Тики был верховным жрецом и богом-солнцем легендарных "белых людей", о которых говорили инки и после которых остались развалины огромных построек на берегу озера Титикака. Предание гласит, что на Кон-Тики напал вождь, по имени Кари, пришедший из долины Кокимбо. В битве на одном из островов на озере Титикака белые бородатые люди были наголову разбиты, а Кон-Тики и его приближенным воинам удалось спастись и пробиться к побережью. Оттуда они ушли и исчезли в море в западном направлении".

Я уже больше не сомневался в том, что белый вождь - бог Солнце-Тики, которого предки инков, как они утверждали, изгнали из Перу и сбросили в Тихий океан, - был одновременно белым богом - вождем Тики, сыном солнца, которого жители восточных островов Тихого океана считали своим праотцем - Мое мнение подтверждалось и тем, что отдельные подробности из жизни Солнца-Тики в Перу и древние названия поселений в окрестностях озера Титикака повторяются в исторических преданиях

жителей тихоокеанских островов.

Кроме того, на всех островах Полинезии я нашел также указания, в которых говорилось, что миролюбивые потомки Тики недолго безраздельно владели островами. В них рассказывалось о военных спаренных двойных каноэ^[6], величиной с ладью викингов, на которых прибыли северо-западные индейцы сначала на Гавайские острова, а затем дальше на юг, на другие острова. Новые пришельцы смешались с народом Кон-Тики и принесли островной державе новую культуру.

В Полинезию во второй раз пришли люди каменного века; они не знали металла и гончарного ремесла, они не умели ни прясть, ни ткать, ни возделывать хлебные злаки. Это случилось в конце XI века нашей эры.

И в один прекрасный день я окончательно продумал свою теорию о заселении Полинезийских островов. Оставалось только поехать в Южную Америку и доказать ее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ РОДИЛАСЬ

Мнения специалистов. Поворотный момент. В Доме моряков. Последняя попытка. Explorers Club^[7]. Новое снаряжение у меня в руках! Спутник найден. Триумвират. Художник и два десантника. В Вашингтон. Совещание в Пентагоне. Все желаемое получено. Денежный вопрос. В ООН. Мы вылетаем в Эквадор.

Очевидно, так все это и началось, у костра на одном из островов Южных морей, когда старик-полинезиец рассказывал предания и легенды своего племени. А много лет спустя я сидел и беседовал с другим стариком, на этот раз в темном кабинете, находившемся на одном из верхних этажей большого музея в Нью-Йорке.

Вокруг нас в шкафах под стеклом лежали в строгом порядке черепки - памятники ушедшей в прошлое действительности, следы, уводившие вглубь веков. Вдоль стен стояли полки с книгами. Многие из них были написаны одним человеком, а прочитали их вряд ли десять. Старик, сидевший за письменным столом, седой и добродушный, прочел их все, а некоторые были им написаны. Но сейчас я, наверно, задел его за живое, он беспокойно сжал подлокотники кресла, и у него было такое лицо, как будто я помешал ему раскладывать пасьянс.

- Нет, - сказал он, - никогда!

У деда-Мороза было бы, по всей вероятности, такое же выражение лица, если бы кто-нибудь вдруг осмелился утверждать, что на будущий год елка будет в ночь под Ивана Купала.

- Вы ошибаетесь, глубоко ошибаетесь, - повторил он и сердито покачал головой, как бы желая избавиться от высказанной мной мысли.

- Но ведь вы не прочли ни одной страницы и не знаете моих доводов, - попробовал я возразить, с надеждой кивая на лежавшую на столе рукопись.

- Доводы! - сказал он. - К проблемам этнографии нельзя подходить, как к тайнам детективного романа.

- Почему? - спросил я. - Свои выводы я обосновал на личных наблюдениях и на данных науки.

- В задачи науки входит только одно - исследование, - спокойно сказал он. - Не ее дело пытаться что-либо доказывать. - Он осторожно отодвинул в сторону мою рукопись и наклонился над письменным столом. - Не подлежит сомнению, что Южная Америка является родиной одной из своеобразнейших культур древнего мира. Бесспорно также, что мы не знаем, ни откуда пришли те, кто ее создал, ни куда они ушли, когда власть захватили инки - Но одно, во всяком случае, не подлежит сомнению: ни один из южноамериканских народов не переселился на острова Тихого океана. - Он испытующе посмотрел на меня и спросил; - И знаете почему? Ответ весьма простой: они не могли доплыть до этих островов. У них не было лодок!

- У них были плоты... - заметил я нерешительно. - Знаете, плоты из бальзового дерева. Старик улыбнулся и спокойно сказал:

- Ну что ж, попробуйте дойти из Перу до островов Тихого океана на бальзовом плоту.

Я промолчал, не зная, что ему возразить. Было уже поздно. Мы оба встали. Старый ученый дружески похлопал меня по плечу, проводил до двери и, прощаясь, сказал, что если мне понадобится помощь, то я могу без колебаний обратиться к нему. Но, по его мнению, мне следовало бы специализироваться либо по Полинезии, либо по Америке, но ни в коем случае не смешивать эти различные антропологические области. Затем он вернулся к своему столу, взял мою рукопись и, возвращая мне, сказал:

- Вы чуть не забыли ее здесь. Я посмотрел на так хорошо знакомый мне заголовок: "Полинезия и Америка; проблема доисторических взаимоотношений", сунул рукопись подмышку и сбежал вниз по лестнице на улицу, где меня сразу подхватил и понес людской поток.

В тот же день вечером я стучал в дверь старого дома, стоявшего в углу, в стороне от Гринвич Вилладж. Сюда я охотно приходил, когда чувствовал, что волновавшие меня вопросы усложняют мою жизнь.

Небольшого роста худощавый человек с длинным носом сперва приоткрыл слегка дверь, а затем с широкой улыбкой распахнул ее и впустил меня в квартиру. Он сразу провел меня в маленькую кухоньку; через несколько минут я уже накрывал на стол, а он тем временем готовил на газе двойную порцию какого-то непонятного, но приятно пахнущего кушанья.

- Хорошо, что ты пришел, - сказал он. - Как дела?

- Отвратительно, - ответил я. - Никто не хочет читать рукопись.

Он наполнил тарелки, и мы набросились на содержимое.

- Дело в том. - сказал он, - что все, к кому ты обращаешься, думают,

что с твоей стороны это лишь досужие домыслы. Сам знаешь, сколько здесь, в Америке, людей носится с самыми удивительными идеями. - Но есть еще одно обстоятельство, - заметил я.

- Да, - согласился он: - твой метод доказательств. Все они являются специалистами в одной какой-то области и не верят в метод работы, связанный с привлечением доказательств из различных отраслей знаний, от ботаники до археологии. Они сужают свой кругозор, чтобы иметь возможность более сосредоточенно вникать вглубь вопроса, заниматься деталями. Современная исследовательская работа требует, чтобы каждая отдельная отрасль науки изучалась сама по себе и как можно глубже. Редко, когда кто-нибудь собирает воедино данные различных отраслей науки, исследует их и обобщает.

Он поднялся и достал большую рукопись.

- Вот смотри, - сказал он, - это моя последняя работа об изображении птиц на вышивках китайских крестьян. Я писал ее семь лет, но зато ее сразу же приняли к печати. Сегодня нужны детали.

Карл был прав. Но решать загадки Тихого океана, не осветив их со всех сторон, было по-моему, равносильно игре в шахматы фигурами только одного цвета.

Мы убрали со стола, и я помог Карлу вытереть посуду.

- Есть какие-нибудь новости из Чикагского университета?

- Нет.

- А что сказал тебе сегодня твой друг из музея? Я несколько помедлил с ответом.

- Он тоже не проявил никакого интереса. Он сказал, что, так как у индейцев были только простые плоты, бесполезно обсуждать возможность открытия ими островов Тихого океана.

Маленький человечек принялся вдруг с ожесточением вытирать свою тарелку.

- Да, - сказал он наконец, - говоря по правде, мне это тоже кажется весьма существенным препятствием на пути признания твоей теории.

Я мрачно посмотрел на маленького этнографа, которого считал своим верным союзником.

- Постарайся понять меня правильно, - поспешил он заметить. - Я верю, что ты прав, но в то же время все это очень непонятно. Моя работа об изображении птиц подтверждает твою теорию.

- Карл, - сказал я, - я настолько уверен, что индейцы перешли Тихий океан на плотях, что готов построить такой плот и пересечь на нем Тихий океан. Я докажу, что это возможно!

- Ты сошел с ума!

Мой друг принял мои слова за шутку, но усмехнулся он все же с некоторым испугом.

- Ты не веришь, что это возможно?

- Нет, ты сошел с ума! На плоту?

Он не знал, что еще сказать, и вопросительно смотрел на меня, как бы ожидая улыбки, которая выдаст, что я шутил.

Но ждал он напрасно. Я понял, что никто не согласится с моей теорией: ведь между Перу и Полинезией простирается необозримая водная пустыня, через которую я хотел перебросить мост посредством доисторического плота.

Карл по-прежнему выжидающе смотрел на меня.

- Пойдем пройдемся и выпьем стаканчик, - предложил он.

Мы пошли и выпили четыре.

На той же неделе истекал срок платы за комнату. А в полученном мной в то же время письме из Норвежского банка сообщалось, что я не могу больше рассчитывать на получение долларов: валютные ограничения. Я уложил свой чемодан и поехал на метро в Бруклин. Здесь я устроился в норвежском Доме моряков; кормили там хорошо, а цены соответствовали моему кошельку. Я устроился в маленькой комнатке на верхнем этаже, а ел вместе с моряками внизу в большой столовой.

Моряки приезжали и уезжали. Они отличались друг от друга и по внешнему виду, и по росту, и по любви к крепким напиткам, но всех их роднила одна черта: они любили говорить о море и хорошо знали его. От них я узнал, что глубина и расстояние от берега не влияют на величину волн и силу шквала. Наоборот, шквал зачастую более коварен у побережья, чем в открытом море. Мелководье, отливы и подходящие к берегам морские течения могут быть гораздо опаснее своим бурным волнением, чем открытое море. Таким образом, судно, которое ходит вдоль открытого берега, может совершать плавание и в открытом море. Я узнал также, что в большую волну крупные суда обычно зарываются носом или кормой, так что тонны воды с силой обрушиваются на палубу и стальные трубы скручиваются в спираль, а небольшая лодка благополучно переносит ту же бурю, легко ныряя между гребнями волн, и чувствует себя, как чайка на волнах. Среди моих собеседников были люди, которым удалось спастись на шлюпке, тогда как их судно было разбито волнами.

Но вот о плотах все они имели слабое представление. Плот они не считали судном - нет у него ни киля, ни бортов. Просто это нечто плавающее на воде, на чем можно продержаться в случае нужды, пока не

снимет первое проходящее мимо судно. Правда, один из моих собеседников питал к плотам большое уважение: оказалось, что он провел на плоту около трех недель, когда немецкая торпеда пустила его судно на дно посреди Атлантического океана.

- Но управлять плотом нельзя, - заметил он, - его несет то боком, то кормой вперед, и вертится он, как заблагорассудится ветру.

В библиотеке я разыскал дневники первых европейцев, ступивших на тихоокеанское побережье Южной Америки. В них было много рисунков и описаний больших плотов индейцев, связанных из бальзовых бревен. Все они имели прямоугольный парус, килевые доски и длинное рулевое весло на корме; следовательно, ими можно было управлять.

Уже несколько недель прожил я в Доме моряков. А ответа не было ни из Чикаго, ни из других городов, куда я послал копии своей рукописи. Никто не хотел ее читать.

Однажды, в субботу, я взял себя в руки и отправился на Уотер-стрит, в лавочку судового поставщика. Здесь я купил морскую карту Тихого океана, и меня немедленно почтительно называли "капитаном". С картой подмышкой я сел на пригородный поезд и поехал в Оссинин, где я часто проводил конец недели у одной молодой норвежской четы, проживавшей в удивительно красивой местности. Хозяин дома был раньше капитаном, а теперь работал управляющим конторой пароходной компании Фред Ульсен Лайн в Нью-Йорке.

Я освежился в плавательном бассейне и полностью забыл свою жизнь в большом городе. Амбьерг принес на подносе коктейли, и мы уютно расположились на лужайке под знойными лучами солнца. Больше я не мог выдержать: развернул на траве карту и спросил Вильгельма, считает ли он, что плот может доставить людей целыми и невредимыми из Перу на острова Южных морей.

Несколько удивленный, он больше смотрел на меня, чем на карту, но ответил утвердительно. Я почувствовал себя так легко, как будто у меня под рубашкой был воздушный шар, - мореплавание было не только профессией, но и любимым развлечением Вильгельма. Я тут же посвятил его в свои планы. К моему изумлению, он прямо заявил, что это чистое безумие.

- Но ты ведь только что сказал, что это возможно, - перебил я его.

- Совершенно правильно, - согласился он. - Но шансы на успех равны шансам на неудачу. Ты никогда в своей жизни не ходил на бальзовом плоту, а теперь собираешься вдруг пересечь на нем Тихий океан. Может быть, это и удастся, а может, и нет. Древние перуанские индейцы поколениями

накапливали опыт в постройке плотов. При этом возможно, что из десяти плотов лишь один благополучно достигал цели, а остальные шли ко дну. Весьма вероятно, что в течение столетий погибли целые сотни плотов. Кроме того, ведь ты сам говоришь, что индейцы выходили в открытое море целыми флотилиями; и если один плот терпел крушение, то погибающих подбирали другие плоты. А кто вам поможет в открытом море? Даже если ты возьмешь с собой радиопередатчик, чтобы подать сигнал бедствия, то пользы от него будет весьма мало: найти среди бушующих волн, на расстоянии нескольких тысяч морских миль от берега, маленький плот - задача очень трудная. В шторм вас смоят с плота волны, и вы утонете, прежде чем кто-либо успеет прийти к вам на помощь. Лучше всего спокойно сидеть и ждать: авось кто-нибудь найдет время прочесть твою рукопись. Не будет ничего плохого, если ты время от времени будешь о ней напоминать.

- Я не могу больше ждать, скоро у меня не останется ни одного цента.
- Можешь переехать к нам... Между прочим, как же ты думаешь снарядить экспедицию из Южной Америки, не имея денег?
- Легче вызвать интерес к экспедиции, чем к нечитанной рукописи.
- А чего ты намереваешься добиться?
- Прежде всего опровергнуть одно из основных возражений против моей теории и, кроме того, привлечь внимание ученых.
- А если ничего не выйдет?
- Тогда мне не удастся ничего доказать.
- Но, в таком случае, ты дискредитируешь свою теорию. Не так ли?
- Возможно. Но ведь ты сам говоришь, что один плот из десяти все-таки благополучно совершал переход...

Но тут дети пришли играть в крокет, и мы больше не говорили на эту тему.

В следующую субботу я снова поехал в Оссинин и опять взял с собой карту. И когда я возвращался оттуда, то на карте была проведена карандашом длинная линия от побережья Перу до островов Туамоту в Тихом океане. Мой друг капитан потерял надежду убедить меня отказаться от замысла, и мы сидели часами, высчитывая приблизительную скорость хода плота.

- Итак, девяносто семь дней, - сказал Вильгельм. - но помни, что это возможно лишь при теоретически идеальных условиях и постоянном попутном ветре и, разумеется, лишь в том случае, если плот пойдет, как ты полагаешь. Тебе придется считаться с тем, что ты пробудешь на море четыре месяца, но, возможно, и гораздо больше.

- Хорошо, - удовлетворенно сказал я. - Будем считать, что для перехода требуется самое меньшее четыре месяца, а мы сделаем его за девяносто семь дней.

Вечером я сидел у себя на кровати, рассматривал карту, и моя маленькая комнатка в Доме моряков казалась мне особенно уютной. Я измерил ее шагами, насколько это мне позволили кровать и комод. Да, плот будет значительно больше. Я высунулся из окна, чтобы посмотреть на кусочек далекого звездного неба большого города. Оно было как раз над моей головой. сжатое высокими стенами домов. И если на плоту будет несколько тесно, то зато над нами будет бескрайнее небо со всеми его звездами.

На 72-й улице нью-йоркского Вест-Энда, недалеко от Центрального парка, находится один из привилегированных клубов Нью-Йорка. Лишь небольшая, ярко сверкающая медная дощечка с выгравированными на ней словами "Explorers Club" говорила, что за дверьми этого дома можно увидеть много необычного. Переступаешь порог этого помещения, и тебе кажется, что ты опустился на парашюте на какую-то неведомую землю за тысячи километров от нью-йоркских потоков автомашин, зажатых рядами небоскребов. Закрыв за собой дверь и оставив Нью-Йорк по ту сторону, сразу же оказываешься в мире охоты на львов, восхождения на высокие и крутые горы, полярных зимовок, причем одновременно испытываешь такое чувство, как будто сидишь в салоне комфортабельной яхты, совершающей кругосветное путешествие. Трофеи охоты на бегемотов и оленей, крупнокалиберные ружья, военные барабаны и копья, бивни, индейские ковры, изваяния божков, модели кораблей, флаги, фотоснимки и карты окружают членов клуба, когда они приходят в него на какое-нибудь торжество или на доклады о далеких странах.

После путешествия на Маркизские острова я был избран действительным членом клуба. Я был самым молодым членом и, бывая в городе, редко пропускал собрания. Поэтому, когда я однажды зашел в клуб в ноябрьский дождливый вечер, то немало был удивлен необычным видом привычной обстановки. Посреди пола лежала надутая резиновая лодка со сложенными в ней запасами различных съестных припасов и снаряжения, а вокруг нее на стенах и столах были развешаны и расставлены парашюты, резиновые комбинезоны, спасательные пояса, полярное снаряжение вместе с аппаратами для дистилляции воды и множеством других интересных вещей. Мне сказали, что недавно избранный членом клуба полковник Хескин из лаборатории отдела снабжения военно-воздушных сил сделает доклад и продемонстрирует ряд новых военных изобретений, которые, по

его мнению, можно с успехом использовать в научных экспедициях, направляющихся как в северные, так и в южные районы земли.

Когда доклад кончился, развернулась оживленная дискуссия. Поднялся известный полярный исследователь Петер Фреухен, высокий и плотный человек, и скептически потряс своей пышной бородой. Он не испытывал доверия к подобного рода новшествам. Во время одной из своих экспедиций в Гренландию он решился вместо эскимосского каяка и ледяной юрты испробовать резиновую лодку и палатку, и это чуть не стоило ему жизни. Сначала Фреухен чуть было не замерз во время пурги: от мороза замок-молния его палатки перестал действовать, и он не мог в нес попасть. Вскоре после этого ученый отправился на рыбную ловлю. И тут крючок задел за резиновую лодку, проколол ее, из нее стал выходить воздух, и она опустилась в воду, как тряпка. Ему и его другу эскимосу удалось добраться до берега на каяке, который поспешил к ним на помощь. Поэтому Фреухен был твердо уверен, что никакой самый гениальный изобретатель, сидя в лаборатории, не может придумать ничего лучше того, что создали для жизни в своем климате эскимосы на основании тысячелетнего опыта.

Дискуссия закончилась неожиданным предложением полковника Хескина: действительные члены клуба могут взять для очередной экспедиции любое из выставленных изобретений, при одном лишь условии: по возвращении сообщить лаборатории свое мнение о новом снаряжении.

На этом все кончилось.

В тот вечер я ушел из клуба последним. Я внимательно рассмотрел все детали совершенно нового оборудования, так неожиданно свалившегося мне прямо в руки. Ведь я мог получить его, когда только пожелаю. Это было как раз то, что мне было нужно: различное спасательное снаряжение на тот случай, если плот, вопреки ожиданиям, начнет разваливаться на части и поблизости не будет других плотов.

На следующее утро я сидел за завтраком в Доме моряков и думал о вчерашних впечатлениях. К моему столу подошел хорошо одетый, атлетического сложения молодой человек и расположился завтракать рядом со мной. Мы разговорились, и я узнал, что он, как и я, не имел никакого отношения к морю. Он окончил Высшую техническую школу и работает в Тронхейме, а в Америку приехал для закупки частей машин и для изучения холодильной техники. Молодой человек жил недалеко от Дома моряков и часто ходил сюда завтракать и обедать - ему нравилась хорошая норвежская кухня. Он поинтересовался, чем я занимаюсь, и я рассказал ему в общих

чертах о своих планах. Я заметил, что если к концу недели не получу положительного отзыва на свою рукопись, то на свой страх и риск начну готовиться к экспедиции через океан на плоту. Мой собеседник мало говорил, но слушал с большим интересом.

Четыре дня спустя мы снова встретились в столовой.

- Ну как, ты принял решение о путешествии на плоту? - спросил он.

- Да. - ответил я. - Отправляюсь.

- Когда?

- Как можно скорее. Медлить нельзя, иначе нагрянут штормы из Антарктики, и в Полинезии настанет период ураганов. Надо уже через несколько месяцев отправляться из Перу, а у меня еще нет денег, да и ничего не подготовлено.

- А сколько человек будет участвовать в экспедиции?

- Думаю, что не более шести. Так можно будет подобрать хорошую и интересную компанию, а кроме того, каждый будет нести вахту у руля только четыре часа в сутки.

Он помолчал несколько секунд, как бы размышляя над чем-то, а затем с горячностью сказал:

- Черт возьми, а мне очень хотелось бы участвовать в экспедиции! Я бы мог взять на себя всякого рода измерения и наблюдения. Тебе ведь надо будет подкрепить свою теорию точными данными о скорости ветра, о течениях и волнах. Ты должен иметь в виду, что путь будет проходить через огромные морские пространства, которые совершенно не исследованы - ведь они лежат в стороне от судоходных линий. Такая экспедиция, как твоя, могла бы провести интересные гидрографические и метеорологические наблюдения, и я бы имел возможность применить здесь мои познания в области термодинамики.

Что знал я об этом человеке? Только то, что говорило мне его открытое лицо, А оно говорило многое.

- Хорошо, - сказал я. - Отправимся вместе. Его звали Герман Ватцингер, и он был таким же "моряком", как и я.

Несколько дней спустя я повел Германа в качестве гостя в Explorers Club. Первым, кого мы там повстречали, был полярный исследователь Петер Фреухен. У него было одно прекрасное свойство: в толпе он никак не мог затеряться. Ростом под потолок, с большой окладистой бородой, он казался посланцем тундры - так и мерещился рядом с ним огромный серый медведь.

Мы подвели его к большой карте на стене и рассказали о наших планах перехода через Тихий океан на индейском плоту. Его мальчишеские

голубые глаза стали величиной с блюдечко, он слушал и дергал свою бороду. Затем стукнул деревянной ногой об пол, затянул потуже ремень и воскликнул:

- Вот это затея! Я бы отправился с вами! Этот бывалый исследователь Гренландии начал с того, что налил нам по кружке пива, а затем стал рассказывать о надежности судов первобытных народов и об их умении преодолевать любые препятствия как на суше, так и на море, приспособляясь к условиям природы. Он сам не только ходил на плотях по могучим сибирским рекам, но и буксировал вдоль побережья Арктики плоты, на которых были пассажирами местные жители. Рассказывая, он все время теребил свою бороду и повторял, что нам предстоят великие дела.

Благодаря горячей поддержке нашего плана Фреухеном дело сдвинулось с мертвой точки с опасной быстротой, и вскоре в скандинавской печати появилось сообщение о нашей экспедиции. После этого на следующее утро кто-то сильно постучал ко мне в дверь в Доме моряков - меня просили подойти к телефону. Я поговорил по телефону, а вечером того же дня Герман и я звонили в квартиру дома, расположенного в одном из фешенебельных районов города. Нас принял прекрасно одетый молодой человек в лакированных домашних туфлях и шелковом халате, накинутом поверх синего костюма. Он производил впечатление изнеженного человека и, извинившись за простуду, держал все время около носа надушенный платок. Но мы знали, что во время войны он был летчиком и совершал подвиги, сделавшие его имя известным в Америке. Помимо нашего невозмутимого хозяина, присутствовали еще два молодых журналиста, готовые, казалось, лопнуть от переполнявших их мыслей и энергии. Мы знали одного из них как талантливого корреспондента.

За бутылкой хорошего виски наш хозяин сообщил, что его интересует наша экспедиция. Он предложил нам финансовую помощь при условии, что мы напишем ряд статей для газет, а по возвращении выступим с докладами в ряде городов. Вскоре мы обо всем договорились и выпили за успешное сотрудничество между патронами и членами экспедиции. Итак, наши финансовые затруднения были разрешены, их взяли на себя наши патроны, и нам не нужно было больше об этом беспокоиться. Герману и мне предстояло теперь заняться подбором остальных участников экспедиции, ее снаряжением, постройкой плота и подготовкой к выходу в море до наступления периода штормов.

На следующий день Герман рассчитался у себя на службе, и мы засучив рукава принялись за дело. Я уже получил от научно-исследовательской лаборатории отдела снабжения военно-воздушных сил

обещание выслать через Explorers Club все, о чем я просил, и даже больше: наша экспедиция оказалась весьма подходящей для испытания их снаряжения. Это было хорошее начало. Главная задача состояла теперь в том, чтобы найти четверых подходящих спутников, готовых отправиться в плавание на плоту, а затем достать провиант для путешествия.

Людей, которым предстояло выйти вместе с нами на плоту в море, следовало подбирать весьма тщательно, иначе через несколько недель пребывания их с глазу на глаз могли начаться ссоры и недовольство. Я не хотел набирать экипаж из моряков, так как они вряд ли лучше нас были знакомы с плотами. Кроме того, мне не хотелось, чтобы в случае удачного исхода экспедиции ее успех приписали бы тому, что мы были более опытными моряками, чем древние строители плотов из Перу. Тем не менее нам нужен был человек, который умел бы обращаться с секстантом и отмечать на карте курс нашего плота - это должно было быть основой всех наших научных наблюдений.

- Я знаю одного художника, - сказал я Герману. - Он здоровенный малый, хорошо играет на гитаре и неистощим в шутках. Он окончил школу штурманов и, до того как посвятил себя целиком кисти и палитре, совершил несколько кругосветных плаваний. Я знаю его с детства, мы с ним не один раз участвовали в альпинистских походах у себя на родине. Напишу ему и предложу отправиться с нами. Он безусловно согласится.

- Пожалуй, подходит, - согласился Герман. - Нам надо найти еще кого-нибудь, кто умел бы обращаться с радио.

- Радио? - спросил я испуганно. - Зачем нам оно? Сам подумай: радио на доисторическом плоту!

- Не скажи... Радио мы возьмем из предосторожности, и оно ни капли не повлияет на твою теорию, если только мы не пошлем сигнала бедствия. Оно нам понадобится для передачи сводок о погоде и других сообщений. Принимать же предупреждения о надвигающихся штормах мы не сможем, так как в этой части океана их некому передавать. А если бы даже и имелась такая возможность, то какая бы от этого была польза для нас на плоту?

Своими доводами он постепенно отвел все возражения, которые были вызваны моей нелюбовью ко всякого рода клеммам и кнопкам.

- Как это ни странно, - сказал я, - но если речь идет о поддержке радиосвязи на больших расстояниях посредством небольших радиоаппаратов, то у меня найдутся замечательные знакомства. Во время войны я ведь был в радиоотделении. Лучшей кандидатуры, очевидно, не могли подобрать. Я непременно напишу Кнуту Хаугланду и Турстейну

Раабю.

- Ты хорошо знаком с ними?

- Да. Впервые я встретился с Кнутом в Англии в 1944 году. Он был радиотелеграфистом и уже имел награду от английского короля за участие в диверсии на заводе в Рьюкане, производившем тяжелую воду. Когда я познакомился с ним, он только что вернулся из Норвегии, выполнив очередное задание. Гестапо напало на его след. Нацистам удалось запеленгировать его передатчик, который был установлен в дымоходе больницы в Осло. Немецкие солдаты с автоматами в руках окружили здание и отрезали все входы и выходы. Начальник гестапо Фемер лично руководил операцией и ожидал во дворе, когда к нему приведут Кнута. Однако из больницы стали выносить убитых и раненых гестаповцев, а Кнут, отстреливаясь, спустился с чердака в подвал, перебежал через задний двор и под градом пуль исчез за стеной, окружавшей больницу. Встретились мы с ним в старинном английском замке, где была расположена секретная радиостанция. Он приехал из Норвегии с заданием установить подпольную связь с действовавшими в оккупированной немцами Норвегии радиостанциями, которых в то время насчитывалось более ста. Тогда я только что окончил курсы парашютистов, и мы готовились совершить массовый прыжок с самолета где-нибудь около Нордмарка. Но в это время русские вступили в район Киркенеса, и из Шотландии в Финмарк был послан небольшой норвежский отряд, чтобы перенять, так сказать, от русской армии дальнейшее ведение операции. Я получил приказ присоединиться к отряду. И в Финмарке встретился с Турстейном.

В том районе стояла самая настоящая полярная зима, и северное сияние полыхало днем и ночью на черном, как уголь, звездном небе. Замерзшие до синевы, хотя и одетые в меха, мы вошли наконец в Финмарк, представлявший собой пожарище, и тогда из небольшой хижины в горах к нам вылез веселый и голубоглазый человек с пышными светлыми волосами. Это и был Турстейн Раабю. В начале войны он бежал в Англию, где окончил спецшколу, а затем был заброшен в Норвегию, в район Тромсе. Здесь он сидел в укромном месте с небольшим радиопередатчиком неподалеку от немецкого линкора "Тирпиц". В течение десяти месяцев он ежедневно передавал в Англию донесения обо всем, что происходило на борту линкора. Потом оказалось, что он подключал ночью свой тайный передатчик к приемной системе немецкого офицера.

Затем Турстейн перебрался в Швецию, а оттуда снова в Англию. Некоторое время спустя его опять сбросили с радиопередатчиком в глушь

Финмарка, в тыл немцев. Когда немцы бежали, он очутился в нашем тылу, вышел из своего убежища и оказался весьма кстати со своим маленьким передатчиком: наша полевая радиостанция подорвалась на mine. Я могу биться об заклад, что Кнуту и Турстейну надоело слоняться дома и они охотно согласятся совершить небольшую прогулку на деревянном плоту.

- Написать не мешает, - предложил Герман.

Я написал короткие письма Эрику, Кнуту и Турстейну, причем не пытался их особенно уговаривать:

"Собираюсь отправиться на деревянном плоту через Тихий океан, чтобы подтвердить теорию о заселении островов Южных морей выходцами из Перу. Хотите участвовать? Гарантирую лишь бесплатный проезд до Перу, оттуда до островов Южных морей и обратно, а также хорошее применение вашим техническим знаниям во время плавания. Отвечайте немедленно".

На следующий день я получил телеграмму от Турстейна:

"Еду. Турстейн".

Другие также согласились.

Немало кандидатур было предложено на место шестого участника экспедиции, но каждый раз в последнюю минуту возникало какое-нибудь препятствие.

Тем временем Герман и я вплотную занялись проблемой продовольствия. У нас не было ни малейшего желания сидеть на плоту и жевать мясо пожилой ламы или сушеный картофель - кумару; ведь мы не ставили целью своего путешествия доказать, что сами были некогда индейцами. Нашей прямой задачей было проверить возможность путешествия на плоту инков, его мореходные качества и грузоподъемность, а также установить, пропустят ли стихии его к Полинезии с чужеземцами на борту. Наши предшественники индейцы могли, бесспорно, обходиться во время плавания сушеным мясом и рыбой и сушеным картофелем-кумарой: ведь это было их основной пищей и на суше. В пути нам предстояло узнать, могли ли они ловить в открытом море рыбу и собирать дождевую воду. Я считал, что мы должны были взять с собой тот фронтовой паек, который нам выдавался во время войны.

В это время в Вашингтон прибыл новый помощник норвежского военного атташе. В период кампании в Финмарке он командовал ротой, а я был его помощником. Это был исключительно живой человек, который с необычайной энергией преодолевал все возникавшие перед ним трудности. Бьерн Рерхольд принадлежал к тому типу людей, которые чувствуют себя несчастными, когда, преодолев очередные трудности, они не имеют перед

собой нового препятствия, за которое следует взяться.

Я написал ему письмо, в котором объяснил создавшееся положение, и просил его приложить всю свою находчивость, чтобы помочь нам установить связь с управлением снабжения продовольствием американской армии. Я рассчитывал на то, что лаборатория управления проводит опыты с новым полевым рационом, и надеялся получить его для испытаний, как мы получили снаряжение из лаборатории военно-воздушных сил.

Через два дня Бьерн позвонил мне из Вашингтона. Он уже беседовал с отделом внешних сношений американского военного министерства, и там хотели получить от нас более подробную информацию.

С первым же поездом Герман и я выехали в Вашингтон.

С Бьерном мы встретились в его кабинете в помещении военного атташе.

- Думаю, что все будет в порядке, - сказал он. - Завтра нас примут в отделе внешних сношений, если мы только получим от полковника соответствующее письмо.

Полковником был норвежский военный атташе Отто Мунте-Каас. Он очень приветливо встретил нас и, узнав, о чем идет речь, с большой охотой обещал дать рекомендательное письмо.

На следующее утро мы пришли к нему за обещанным письмом, но он вдруг встал и сказал, что лучше всего будет, если сам поедет с нами. В машине полковника мы поехали в Пентагон - военное министерство США. Впереди сидели полковник и Бьерн в своей изящной военной форме, а сзади Герман и я. Мы рассматриваем через стекла машины гигантское здание Пентагона, высившееся перед нами на ровном месте. В этом огромном помещении, где работают 3 тысячи человек, а длина коридоров равняется 25 километрам, и должна была состояться "конференция о плоте" с участием высших военных чинов. Все это было настолько невероятно, что я ущипнул себя за нос, чтобы проверить, не сплю ли я. Никогда, ни раньше, ни позже, плот не казался Герману и мне таким беспредельно жалким, как в тот момент.

После длительного хождения по коридорам и коридорчикам мы очутились наконец перед дверью отдела внешних сношений, а через несколько минут уже сидели в обществе тщательно отутюженных мундиров за большим столом красного дерева. Председательствовал сам начальник отдела внешних сношений.

Хмурый широкоплечий офицер, восседавший в конце стола, не мог вначале полностью уяснить себе, какое отношение имеет военное министерство к нашему плоту, но хорошо обоснованное выступление

полковника и благоприятный исход беглого экзамена, которому нас подвергли сидевшие за столом офицеры, расположили его постепенно в нашу пользу, и он с интересом прочитал письмо из лаборатории отдела снабжения военно-воздушных сил. Встав из-за стола, он отдал короткий приказ оказать нам через соответствующие инстанции необходимую помощь и, пожелав удачи, вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась, а молодой штабной капитан шепнул мне:

- Могу держать любое пари, что вы теперь получите все, что только ни пожелаете. Ваша экспедиция напоминает небольшую военную операцию и вносит некоторое разнообразие в нашу скучную канцелярщину, не говоря уже о том, что представляется удобный случай проверить пригодность снаряжения.

Отдел внешних сношений немедленно организовал нам свидание с полковником Люисом из исследовательской лаборатории главного начальника снабжения. Германа и меня повезли туда на машине.

Полковник Люис оказался добродушным великаном с отличной спортивной выправкой. Он немедленно вызвал начальников различных исследовательских отделов. Все они весьма доброжелательно отнеслись к нашей просьбе и перечислили уйму вещей, качество которых им желательно было проверить. Были превзойдены наши самые дерзкие желания: нам предложили почти все, что хотелось иметь, начиная с походного пайка и кончая мазью от загара и водонепроницаемыми спальными мешками. Затем нам все это показали. Мы пробовали различные рационы специального назначения в замысловатой упаковке, зажигали спички, которые моментально вспыхивали, хотя они долгое время лежали в воде, проверяли качество новых примусов и контейнеров для воды, резиновых мешков и специальной обуви; нам показали кухонную утварь и ножи, которые не тонули, и еще множество вещей, которые могли понадобиться экспедиции.

Я посмотрел на Германа. Он был похож на преисполненного надежд мальчишку, которого богатая тетя привела в кондитерскую. Впереди шел высокий полковник и демонстрировал все эти чудесные вещи; а когда мы закончили осмотр, штабной офицер составил список предметов, которые мы хотели бы иметь. Я уже считал битву выигранной и мечтал о том, как бы скорее вернуться домой, в гостиницу, принять горизонтальное положение и спокойно, не спеша все обдумать. Но высокий любезный полковник внезапно предложил:

- Ну, а теперь пойдем и поговорим с боссом. Он решит, сможем ли мы дать вам все это.

Я почувствовал, что душа у меня ушла в пятки. Нам предстояло, следовательно, еще раз пустить в ход все наше красноречие, и одним лишь небесам известно, что за человек был этот босс.

Босс - небольшого роста, мрачный, как могила, офицер - сидел за письменным столом. Он пристально оглядел нас своими острыми голубыми глазами, когда мы вошли в кабинет, и предложил нам сесть.

- Итак, что желают эти господа? - резко спросил он полковника Люиса, не спуская с меня взгляда.

- Да так, сущую безделицу, - поспешно ответил Люис. Он изложил в общих чертах нашу просьбу.

Босс терпеливо слушал, не шевельнув даже пальцем.

- А что мы за это от них получим? - спросил он невозмутимо.

- Мы надеемся, - примирительно сказал Люис. - что члены экспедиции напишут отчет о том, как отразятся на новых видах продовольствия, а также на различных типах снаряжения те тяжелые условия, в которых они будут применяться.

Мрачный, как могила, офицер за письменным столом, пристально глядя на меня, с непритворной медлительностью откинулся на спинку стула (я почувствовал, что погружаюсь все глубже и глубже в большое кожаное кресло) и холодно сказал:

- Не вижу, чем могут они нас отблагодарить. В комнате воцарилась мертвая тишина. Полковник Люис теребил кончик воротника. Все молчали.

- Но, - внезапно сказал босс с ударением, и в уголке его глаза сверкнула какая-то искорка, - мужество и предприимчивость многое могут сделать. Полковник Люис, выдайте им все, что они просят.

На обратном пути в гостиницу я сидел в такси в каком-то полубессознательном от радости состоянии, как вдруг Герман захихикал.

- Ты спятил? - тревожно спросил я.

- Нет, - откровенно захохотал он. - Я подсчитал, что мы получим, кроме других съестных припасов, шестьсот восемьдесят четыре банки консервированных ананасов - мое любимое блюдо.

Приходится сделать буквально тысячу дел и предпочтительно все сразу, если нужно подготовить на побережье Перу к отправке в путь деревянный плот с шестью пассажирами. А в нашем распоряжении всего лишь три месяца, и лампы Аладдина у нас не было.

С рекомендательным письмом от отдела внешних сношений мы вылетели в Нью-Йорк и встретились там с профессором Колумбийского университета Бером, председателем комитета географических исследований при военном министерстве. При содействии Бера, который

нажал на соответствующие кнопки, Герман получил наконец все необходимые для своих научных наблюдений инструменты и приборы.

После этого мы вылетели обратно в Вашингтон для встречи с адмиралом Гловером из гидрографического института военно-морского флота. Старый, добродушный морской волк вызвал всех своих офицеров и, представив им Германа и меня, сказал, показывая на карту Тихого океана, висевшую на стене:

- Эти молодые люди хотят внести поправки в наши карты течений. Помогите им!

События развивались дальше. Английский полковник Ламсден созвал совещание в помещении британской военной миссии в Вашингтоне, целью которого было рассмотреть стоящие перед нами задачи и шансы на благоприятный успех экспедиции. Мы получили уйму полезных советов, а также несколько предметов английского снаряжения, которые были доставлены на самолете из Англии для испытания в условиях плавания на плоту. Начальник санитарной службы горячо рекламировал какой-то таинственный "порошок от акул". Нам достаточно было бросить в воду щепотку этого порошка, если бы акулы чересчур обнаглели, и они моментально исчезли бы.

- Сэр, - спросил я вежливо, - мы вполне можем положиться на этот порошок?

- Вот это именно это мы и сами очень хотели бы знать, - ответил англичанин улыбаясь.

Когда времени в обрез и приходится вместо поезда пользоваться самолетом, а вместо ног автомобилем, то деньги тают, как снег под лучами солнца.

Мы израсходовали деньги, вырученные от продажи моего обратного билета в Норвегию, и вынуждены были обратиться за финансовой поддержкой к нашим нью-йоркским патронам. Здесь нас ожидало неожиданное и неприятное известие. Наш главный финансист заболел и лежал в постели с высокой температурой, а два других компаньона не могли ничего сделать до его выздоровления. Они подтвердили, что наше финансовое соглашение остается в силе, но в настоящее время ничем не могут нам помочь. Они попросили нас отложить на некоторое время экспедицию, но это было невозможно. Машина пущена в ход, и ее уже нельзя было остановить. Нам ничего больше не оставалось, как продолжать начатое дело; бросить или затормозить подготовку к путешествию было слишком поздно. Наши патроны решили расторгнуть соглашение и предоставить нам полную свободу - теперь мы могли действовать быстро и

самостоятельно.

И вот мы стояли на улице, засунув руки в карманы брюк.

- Декабрь, январь, февраль... - считал Герман.

- В крайнем случае, март, - сказал я. - А затем мы просто должны отправиться в путь.

Все было покрыто туманом, и лишь одно ясно - цель нашего путешествия. Мы не хотели, чтобы к нам относились, как к акробатам, переплывающим Ниагару в пустых бочках или сидящим в течение семнадцати дней на флагштоке.

- Если нам предложат жевательную резинку или кока-колу, то такая помощь нам ни к чему, - сказал Герман.

В этом отношении мы были глубоко единодушны. Мы могли достать норвежские кроны, но с ними нельзя было решить задачи, которые стояли перед нами на той стороне Атлантического океана, где мы сейчас находились. Можно попытаться получить где-нибудь заем, но вряд ли кто-нибудь согласится поддержать спорную теорию, а ведь именно для ее доказательства мы и собирались совершить переход на плоту. Мы скоро убедились, что ни печать, ни частные лица не хотели вкладывать деньги в предприятие, которое как они сами, так и все страховые общества считали просто самоубийством. Вот если мы вернемся целыми и невредимыми, тогда другое дело...

Все выглядело очень мрачно, и в течение многих дней мы не видели никакого выхода. И тогда вновь к нам на помощь пришел полковник Отто Мунте-Каас.

- Я знаю, ребята, что ваши дела плохи. - сказал он. - Вот вам чек, действуйте. Со мной рассчитаетесь, когда вернетесь с островов Южных морей.

Пример полковника оказался заразительным, и скоро частный заем достиг такой суммы, что мы смогли действовать, не прибегая к помощи посредников или каких-либо других лиц. Теперь мы могли вылететь в Южную Америку и приступить к постройке плота.

В далекие времена плоты в Перу строили из бальзового дерева; сухое, оно легче пробкового дерева. Бальзовое дерево растет и в Перу, только по ту сторону Анд, поэтому во времена инков мореплаватели отправлялись вдоль берега в Эквадор, где они валили громадные деревья на самом побережье Тихого океана. Мы собирались сделать то же самое.

В наши дни путешественнику приходится преодолевать несколько иные препятствия, чем во времена инков. Правда, к нашим услугам сейчас автомашины, самолеты и бюро путешествий, но зато для усложнения дела

существуют границы и таможенные чиновники. Они подвергают сомнению вашу личность, небрежно обращаются с вашим багажом, и если на вашу долю выпадет счастье получить разрешение на въезд, вас нагружают таким количеством анкет и бумаг с печатями, что вы не в силах удержаться на ногах под их тяжестью. Страх перед чиновниками с блестящими пуговицами был причиной того, что мы не рискнули явиться в Южную Америку с ящиками и чемоданами, набитыми различными подозрительными вещами. Ведь нам предстояло, кроме всего прочего, вежливо попросить на ломаном испанском языке не только разрешения на въезд, но и на выезд на плоту. Бесспорно, мы очутились бы за решеткой.

- Нет, - сказал Герман, - надо достать официальное рекомендательное письмо.

Один из наших друзей в распавшемся триумvirате был корреспондентом при Организации Объединенных Наций. В один прекрасный день он взял нас с собой туда. Сильное впечатление произвел на нас огромный зал заседаний; представители всех наций сидели бок о бок и молча слушали быструю речь представителя Советского Союза, который стоял перед гигантской картой мира, висевшей на стене.

Наш друг улучил подходящий момент и познакомил нас с перуанским делегатом, а затем и с представителем Эквадора. Утонув в глубоких кожаных диванах в одной из приемных комнат, они с интересом выслушали наш рассказ о плане путешествия через океан с целью доказать, что древние культурные народы, населявшие их страны, были первооткрывателями островов Тихого океана. Оба обещали информировать свои правительства и - заверили нас, что нам будет оказана всяческая помощь, когда мы прибудем в их страны. Проходивший через приемную Трюгве Ли, узнав, что мы его соотечественники, подошел к нам. Кто-то предложил ему отправиться вместе с нами на плоту. Но он возразил, что с него достаточно тех штормов, которые ему приходится выносить на суше... Заместитель секретаря ООН доктор Бенхамин Коэн из Чили, известный археолог-любитель, дал нам письмо к президенту Перу, который был его личным другом. В зале мы встретились также с норвежским послом Вильгельмом Моргенстиерне, он тоже оказал экспедиции большую поддержку.

Наконец мы купили два билета и вылетели в Южную Америку. Один за другим взревели четыре мощных мотора, и мы, обессиленные, откинулись в глубоких креслах, испытывая чувство огромного облегчения - ведь первый этап был пройден, и мы неслись прямо навстречу приключениям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ

Приземляемся на экваторе. Где достать бальзовые деревья? На самолете в Кито. Бандиты и охотники за головами. На "джипе" через Анды. В джунглях. Мы валим бальзовые деревья. На плоту по реке Паленкуэ. У президента Перу. К нам присоединяется Даниельссон. Снова в Вашингтоне. Десять кило переписки. Герман получает боевое крещение. Мы строим плот в морском порту Перу. Эксперты предостерегают нас. Перед отплытием. Плот получает имя "Кон-Тику". Прощай, Южная Америка!

Мы пересекли экватор, и самолет нырнул в молочно-белые облака, лежавшие до того под нами, словно снежная пустыня, сверкающая под яркими лучами солнца. Окна кабины застлал туман; постепенно он рассеялся и повис над нами тяжелыми облаками. Внизу ярко-зеленым ковром раскинулись волнующиеся джунгли. Мы летели над южноамериканской республикой Эквадор и приземлились в тропиках, в портовом городе Гваякиль.

Перебросив через руку пиджак, жилет и зимнее пальто, без которых еще вчера нельзя было обойтись, мы вылезли в настоящую оранжерею, где нас встретили легко одетые и быстро тараторящие южане. Рубашки прилипли к спине, как мокрый лист бумаги. Нас немедленно приняли в свои объятия таможенники и иммиграционные инспекторы, втолкнули в такси и доставили в единственную лучшую - действительно хорошую - гостиницу города. Первым делом мы разыскали ваннные комнаты и распростерли свои тела в ваннах, открыв до конца кран с холодной водой.

Итак, мы прибыли в страну, где растет бальзовое дерево, и теперь нам предстояло приобрести бревна для постройки плота.

Первый день ушел на изучение денежной системы и запоминание такого количества испанских слов и фраз, чтобы можно было выйти из гостиницы и вернуться в нее обратно.

На второй день мы уже осмеливались отходить все дальше и дальше от наших ванн, и когда Герман осуществил наконец мечту своего детства и

потрогал настоящую пальму, а я стал ходячей вазой с фруктовым салатом, мы решили, что пора начать переговоры о бальзовых бревнах.

К сожалению, это было легче сказать, чем сделать. Бальзы можно было достать сколько угодно, но нужных нам больших бревен не было. Прошли те времена, когда бальзовые деревья росли под рукой на побережье. В последнюю войну с ними разделались: тысячи деревьев были срублены и отправлены на авиазаводы, нуждавшиеся в пористой и легкой древесине. Нам сказали, что большие бальзовые деревья можно достать в глубине страны.

- Придется отправиться туда и самим их рубить, - решили мы.

- Это невозможно, - сказали нам представители власти. - Начался период дождей, все дороги, ведущие в джунгли, стали непроходимыми из-за грязи и разлива рек. Приезжайте в Эквадор через полгода, если вам нужны стволы бальзы, - дожди тогда прекратятся и дороги просохнут.

Безвыходное положение заставило нас обратиться к дону Густаво фон Бухвальду, эквадорскому бальзовому королю, и Герман развернул перед ним чертеж плота, на котором были указаны размеры бревен. Маленький, тощий бальзовый король энергично снял телефонную трубку и приказал своим агентам заняться наведением справок. Они перерыли все лесопилки и нашли бальзовые планки и доски различной длины и толщины, короткие чурбаны, но ни одного подходящего для нас бревна. На собственном складе дон Густаво оказалось два сухих-пресухих бальзовых бревна, но на них ведь далеко не уедешь. Было совершенно ясно, что дальнейшие поиски бесполезны.

- Большим участком бальзовых деревьев владеет мой брат, - сказал дон Густаво. - Его зовут дон Федерико, и живет он в Киведо. Это небольшой поселок в джунглях в глубине страны. Он снабдит вас всем чем угодно, как только кончатся дожди и вы сможете до него добраться. Сейчас ничего не выйдет - в джунглях льют дожди.

И если дон Густаво говорил - не выйдет, то и все бальзовые эксперты в Эквадоре заявляли в один голос: не выйдет. Итак, мы торчали в Гваякиле, но бревен для плота у нас не было, и мы могли попасть в джунгли, чтобы самим рубить деревья, лишь через несколько месяцев. А тогда это будет для нас поздно.

- Времени у нас в обрез, - сказал Герман.

- А бальзовые бревна мы должны достать во что бы то ни стало, - заметил я. - Плот должен быть точной копией древнего плота, иначе у нас нет никакой гарантии, что мы не погибнем.

В гостинице нам удалось раздобыть небольшую школьную карту, на

которой джунгли были зеленые горы - коричневые, а населенные пункты - маленькие красные кружочки. Достаточно было бросить беглый взгляд на карту, чтобы стало ясно, что джунгли простираются от побережья Тихого океана до склонов Анд, упирающихся своими вершинами в небо. И тут меня осенила идея. Совершенно ясно, что сейчас со стороны побережья добраться до Киведо и дальше, в джунгли, где росли бальзовые деревья, было невозможно. А что, если попытаться пробраться к деревьям из глубины страны, спуститься в сердце джунглей прямо с голых снежных вершин Анд? Это был единственный возможный выход из нашего положения.

На аэродроме оказался маленький грузовой самолет, который мог доставить нас в столицу этой удивительной страны - Кито, расположенную на плато в Андах, на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. В самолете мы были стиснуты между ящиками и мебелью и лишь урывками, и то пока не вошли в облака, видели под собой зеленые джунгли и сверкающие реки. Когда мы вышли из туч, плато было скрыто от нас бескрайним морем клубившегося тумана, но перед нами из моря тумана поднимались прямо в сияющее голубое небо горные склоны и голые скалы.

Самолет лез прямо вверх по склону горы, будто по невидимому фуникулеру, и хотя мы находились на самом экваторе, рядом с нами сверкали снежные поля. Затем мы проскользнули между горами, и перед нами раскинулось весеннее ярко-зеленое высокогорное плато. Здесь мы и приземлились, поблизости от одной из самых своеобразных столиц в муре.

Большинство населения Кито, насчитывающего 150 тысяч жителей, являются или чистокровными горными индейцами, или метисами. Кито был столицей их предков задолго до того, как Колумб и люди белой расы узнали о существовании Америки. Особый колорит придают городу древние монастыри, с их бесценными произведениями искусства, и другие великолепные здания испанского владычества, высящиеся над низкими жилищами индейцев, сложенными из высушенных на солнце глиняных кирпичей.

Между глинобитными стенами вьются лабиринтом узкие улочки, в которых кишат толпы горных индейцев в пестрых плащах и больших самодельных шляпах. Некоторые из них направляются на рынок, подгоняя вьючных осликов, другие сидят, сгорбившись, у стен и дремлют на солнце. Редкие автомашины с испанскими аристократами в костюмах для тропиков пробираются на сбавленной скорости, беспрестанно гудя, по улочкам, где нельзя разъехаться, мимо детишек, ослов и голоногих индейцев. Воздух здесь, на высокогорном плато, так кристально чист, что возвышающиеся

вокруг горы составляют как бы одно целое с городом и дополняют его, придавая ему еще более сказочный вид.

Наш друг Хорхе - летчик транспортной авиации, прозванный "бешеный пилот", - принадлежал к одному из старинных испанских родов в Кито. Он устроил нас в старомодной, смешной гостинице и затем с нами, а, когда и без нас, принялся искать способ переправить нас через горы и спустить в джунгли, в Киведо. Вечером мы встретились в старом испанском кафе, и Хорхе был начинен плохими известиями: мы должны были выбросить из головы мысль попасть в Киведо. Не было ни средств передвижения, ни проводников, чтобы переправить нас через горы, а тем более в джунгли. где начались дожди и где, застряв в грязи, можно было опасаться нападения индейцев. Только в прошлом году в восточной части Эквадора были убиты отравленными стрелами десять американских инженеров-нефтяников; там и сейчас живет большое количество диких индейских племен, которые разгуливают по джунглям совершенно голыми и охотятся с отравленными стрелами.

- Среди них до сих пор встречаются охотники за головами, - мрачно сказал Хорхе, увидев, что Герман невозмутимо продолжает уплетать бифштекс и запивать его красным вином.

- Думаете, что я преувеличиваю? - продолжал он тихо. - В этой стране все еще существуют люди, живущие продажей высушенных человеческих голов, хотя это и строго запрещено. Уследить за этим невозможно, и до сегодняшнего дня индейцы в джунглях отрубают головы своим врагам из других кочующих племен, дробят и вынимают кости черепа и заполняют кожу головы горячим песком; она сжимается и становится вряд ли больше головы кошки, причем не теряет своей формы, и черты лица также сохраняются. Высушенные головы врагов были когда-то ценными трофеями, теперь же они являются редким товаром на черном рынке. Посредники-метисы сплавляют эти головы покупателям на побережье, а те продают их по баснословным ценам туристам.

Хорхе посмотрел на нас с торжествующим видом. Если бы он только знал, что не далее как сегодня Германа и меня затащили в какой-то подъезд и предложили нам купить такие две головы по тысяче сукре^[8] за штуку! Сейчас человеческие головы часто подменяются обезьяньими, но предложенные нам экземпляры были головами настоящих, чистокровных индейцев. И такими подлинными, что сохранились все черты лица. Это были головы мужчины и женщины, но величиной с апельсин. Женщина была даже хорошенькой. хотя натуральной величины у нее были только ресницы и длинные черные волосы. Вспомнив это, я содрогнулся и

выразил сомнение, что мы можем наскочить на охотников за головами к западу от гор.

- Кто знает - мрачно возразил Хорхе. - Интересно, что бы вы сказали, если бы ваш друг внезапно исчез, а затем его голова в миниатюрном виде появилась на рынке? С моим другом такая история случилась, - добавил он, в упор глядя на меня.

- Ну, ну, расскажите, - сказал Герман. Он ел свой бифштекс ленивее и уже не с таким удовольствием.

Я медленно отложил вилку в сторону, и Хорхе начал свой рассказ.

Он жил вместе с женой на сторожевом посту в джунглях и занимался там промывкой золота и скупкой его у других золотоискателей. У него был друг, который регулярно приносил золото и выменивал его на товары. Однажды его убили в джунглях. Хорхе напал на след убийцы и пригрозил пристрелить его. Убийца подозревался в продаже высушенных человеческих голов, и Хорхе обещал сохранить ему жизнь, если он отдаст голову друга. Убийца немедленно доставил голову, но она была величиной с кулак взрослого мужчины. Хорхе был потрясен при виде головы, которая совершенно не изменилась, но стала очень маленькой. Сильно взволнованный, он отнес ее домой и показал жене. Она взглянула на нее и потеряла сознание. Хорхе вынужден был спрятать голову своего друга в сундук. Но в джунглях было сыро, и голова покрылась зеленой плесенью. Хорхе пришлось время от времени вынимать ее из сундука и просушивать на солнце. Он подвязывал ее за волосы к веревке, на которой сушилось белье, и жена, увидев ее, всякий раз падала в обморок. Но однажды в сундук забралась мышь и причинила голове друга ужасные неприятности. Хорхе расстроился и похоронил голову друга со всеми церемониями в небольшой ямке недалеко от аэродрома.

- Как бы то ни было, он все же был человеком, - сказал Хорхе в заключение.

- Хороший обед, - сказал я, чтобы переменить тему.

Мы возвращались домой, когда было темно. Мне вдруг показалось, что шляпа Германа съехала ему глубоко на уши, и меня охватило какое-то неприятное чувство. Но он только надвинул ее поглубже - с гор дул холодный ветер.

На следующий день мы сидели у нашего генерального консула Брюна и его жены под эвкалиптовыми деревьями их загородной асиенды. Брюн сомневался, что в результате задуманной нами поездки в Киведо наши шляпы окажутся для нас чересчур велики, но... в тех местах, куда мы собирались, было немало разбойников. Он показал нам вырезки из

местных газет, в которых сообщалось, что с наступлением сухой погоды в район Киведо будут посланы солдаты для борьбы с кишевшими там bandidos^[9]. Ехать туда - сплошное безумие, и мы ни за какие деньги не найдем ни проводников, ни транспорта. Во время беседы мы увидели пронесшийся мимо нас "джип", принадлежавший американскому военному атташе, и у нас мгновенно созрел план. В сопровождении генерального консула мы отправились в американское посольство, где встретились с военным атташе. Это был подтянутый, жизнерадостный молодой человек, одетый в форму цвета хаки и в высокие сапоги. Смеясь, он спросил нас, почему мы блуждаем здесь, по вершинам Анд, когда местные газеты утверждают, что мы находимся на плоту в открытом море.

Мы объяснили, что наши деревья все еще растут в джунглях Киведо, сидим здесь, на крыше материка, потому, что не можем до них добраться, и попросили атташе одолжить нам или самолет и два парашюта, или "джип" с шофером, который знал бы хорошо местность.

Военный атташе посидел немного молча, потом встал, безнадежно покачал головой и сказал, улыбаясь, что, поскольку мы не хотим ничего третьего, он согласен удовлетворить нашу вторую просьбу.

На следующее утро, в четверть шестого, к подъезду гостиницы подъехал "джип"; из машины выпрыгнул инженер-капитан - эквадорец - и сказал, что прибыл в наше распоряжение. Он получил приказ во что бы то ни стало доставить нас в Киведо, будет грязь или не будет грязи. "Джип" был полон канистр с бензином: по дороге не будет ни бензоколонок, ни встречных автомашин. Наш новый друг капитан Агурто Алексис Альварес, в связи с сообщениями о bandidos, был вооружен до зубов ножами и огнестрельным оружием. Мы прибыли в страну с мирными намерениями, в пиджаках и галстуках, рассчитывая купить на побережье лес за наличные, и все наше снаряжение состояло из мешка с консервами, подержанного фотоаппарата, который мы купили впопыхах, да пары прочных брюк цвета хаки. Генеральный консул навязал нам свой внушительный парабеллум с запасом патронов, достаточным для того, чтобы уничтожить всех, кто попытался бы перебежать нам дорогу. И вот наш "джип" понесся по безлюдным узким улочкам, окаймленным светлыми глинобитными стенами, казавшимися призрачными при свете луны, затем мы выбрались за город и помчались с головокружительной быстротой по хорошей песчаной дороге на юг, через горы.

Дорога была все время хорошей, вплоть до горной деревушки Латакунга, где домишки индейцев без окон теснились вокруг белой деревенской церкви, в садике которой росли пальмы. Здесь мы свернули на

тропу для мулов, которая, извиваясь между горами и долинами, вела на запад, в самое сердце Анд. Мы попали в мир, о котором даже никогда не грезили. Это был мир горных индейцев, мир, лежащий за тридевять земель, вне времени и пространства. На всем пути мы не встретили ни одной повозки, ни одного колеса. Нам попадались лишь голоногие пастухи в красочных пончо^[10], которые гнали разбежавшиеся стада чопорных, важных лам; время от времени по дороге встречались целые семьи индейцев. Муж обычно ехал впереди на муле, а сзади трусила его маленькая жена, надев на голову все имеющиеся у нее шляпы и привязав к спине мешок с малышом. Она бежала, а ее ловкие пальцы все время пряли шерсть. Ослы и мулы лениво и не спеша тащились сзади, нагруженные хворостом, тростником и глиняной посудой.

Чем дальше мы ехали, тем реже встречались нам индейцы, говорящие по-испански, и вскоре лингвистические познания Агурто оказались такими же бесполезными, как и наши. В горах кое-где виднелись поселения из нескольких хижин. Глиняные встречались все реже и реже, и все чаще попадались лачуги из прутьев и сухой травы. Казалось, что под действием горного солнца на скалистые стены Анд и хижины и люди с морщинистыми и коричневыми от загара лицами вышли из самой земли. Они были такой же частью гор, каменистой почвы, горных пастбищ, как и горная трава. Нищие и малорослые горные индейцы отличаются выносливостью диких зверей, живостью детей и первобытных народов; чем меньше они говорили, тем больше смеялись. Куда мы ни смотрели, повсюду видели сияющие лица с белыми, как снег, зубами. Не было никаких признаков того, что белый человек заработал или потратил здесь хотя бы один шиллинг. Здесь не было ни рекламных щитов, ни дорожных указателей; но если на дорогу выбрасывались консервная банка или клочок бумаги, их сейчас же подбирали как нужную в хозяйстве вещь.

Дорога шла то вверх, по выжженным солнцем склонам, без единого куста или деревца, то спускалась в долины, засыпанные песком и поросшие кактусами, пока она не поднялась круто вверх, к самому высокому гребню, у пика которого простирались снежные поля. Там дул такой пронзительный, холодный ветер, что мы замедлили ход, чтобы не замерзнуть в своих рубашках, и вспомнили о жаре джунглей. Местами нам приходилось долго ехать напрямик между горами через каменистые осыпи и травянистые заросли, пока мы снова не выбирались на тропу. Наконец мы добрались до западных склонов Анд, где горы круто обрываются в долину. Дальше тропа для мулов была вырублена прямо в скале и напоминала узенькую полочку. Куда ни кинешь взгляд, повсюду утесы и узкие ущелья.

Все свои упования мы возложили на нашего приятеля Агурто, согнувшегося над рулем и откидывавшегося назад всякий раз, когда мы оказывались на краю пропасти.

Мы добрались до самого высокого гребня горной цепи Анд, и сильный порыв ветра ударил нам прямо в лицо. Горы теперь круто обрывались в джунгли, казавшиеся бездной, отделенной от нас 4 тысячами метров. Но вскоре мы перевалили через хребет, и головокружительный вид на море джунглей исчез, мы вошли в густое море облаков, клубившихся, как пар над котлом ведьмы. Теперь тропа пошла прямо вниз - все ниже и ниже, петляя по ущельям и склонам, мимо обрывов и скал. Воздух становился все влажнее, теплее и насыщеннее дыханием оранжереи, поднимавшимся от джунглей.

Потом пошел дождь. Сначала небольшой, а затем он полил как из ведра, забарабанил по "джипу", и вскоре мы ехали в сбегаящих с гор потоках шоколадного цвета. Мы, так сказать, стекли с сухих горных плато вниз, в новый мир, где деревья, камень и глинистые склоны казались мягкими и пышными от покрывавших их мха и зелени. Повсюду распускались листья, они достигали гигантских размеров и висели на склонах холмов зелеными зонтами, с которых потоками текла вода. Вот и первые передовые посты джунглей - деревья с густой бахромой и бородой мха, со свисающими вьющимися растениями. Вокруг нас булькала и плескалась вода. Спуск становился все более и более отлогим, и джунгли надвинулись на нас армией зеленых великанов, поглотивших маленький "джип", шлепавший по затопленной глинистой тропе. Воздух был сырой, теплый и насыщенный ароматами растений.

Уже стемнело, когда мы добрались до холма, на котором виднелось несколько хижин, крытых пальмовыми листьями. Мы промокли под теплым дождем до нитки и расстались с "джипом", чтобы провести хоть одну ночь под крышей. Напавшая на нас в хижине орда блох захлебнулась на следующий день под дождем.

Нагрузив "джип" бананами и другими южными фруктами, мы тронулись дальше, вглубь джунглей. Мы спускались все ниже и ниже, хотя и думали, что уже давным-давно находимся на самом дне. Грязи становилось все больше и больше, но это нас не останавливало, тем более что разбойники находились где-то в неизвестном направлении.

"Джип" не сдавался до тех пор, пока нам не преградила путь широкая река, стремительно катившая по джунглям свои мутные волны. Мы стояли как вкопанные, не решаясь свернуть по берегу ни вправо, ни влево. Невдалеке на поляне виднелась хижина, около которой несколько метисов

растягивали на залитой солнцем стене шкуру ягуара. Вокруг них шлепали по воде собаки и домашняя птица, наслаждавшиеся разложенными на солнце для сушки бобами какао. Когда появился "джип", все оживились. Индейцы, говорившие по-испански, рассказали, что река называется Паленкуэ, а Киведо лежит на том берегу, как раз напротив. Моста через бурную глубокую реку не было, но они соглашались переправить нас и "джип" на другой берег на плоту. Это удивительное сооружение находилось у самого берега. Кривые стволы, толщиной в руку или ногу, были связаны древесными волокнами и бамбуком. Шаткий плот был лишь в два раза длиннее и шире нашего "джипа". Затаив дыхание и положив под каждое колесо по доске, мы втащили джип" на плот. Большая часть стволов скрылась под грязноватой водой, но плот не затонул, а потащил нас, "джип" и четырех полуголых, шоколадного цвета парней, которые отталкивались длинными шестами.

- Бальза? - спросили Герман и я в один голос.

- Бальза, - кивнул головой один из парней и небрежно ударил ногой по стволам.

Нас подхватило течением и понесло вниз по реке. Напрягая все силы, паромщики направляли плот шестами через реку наискось, в тихие воды у противоположного берега. Это была наша первая встреча с бальзовыми деревьями и наше первое путешествие на плоту из бальзы. Мы благополучно причалили к той стороне и торжественно въехали на машине в Киведо. Весь поселок состоял из одной улицы, вдоль которой вытянулись по обе стороны небольшие из просмоленного дерева дома с крытыми пальмовыми листьями крышами, на которых неподвижно восседали грифы. Жители поселка, молодые и старые, черные и коричневые, бросили свои дела и высыпали на улицу из дверей и окон. Галдящая человеческая волна хлынула к нашему "джипу". Вскоре индейцы были повсюду - на машине, под машиной и в машине. Мы судорожно цеплялись за свою собственность, тогда как Агурто делал отчаянные попытки вывести "джип" из толпы. Но одно колесо спустило, и "джип" встал на одно колено. Мы были в Киведо и должны были перенести взрыв радужных приветствий.

Плантация донна Федерико лежала несколько ниже по реке. "Джип" с Агурто, Германом и мною, хромя из стороны в сторону, въехал по узкой тропинке между манговыми деревьями во двор; нам навстречу выбежали старый тощий житель джунглей дон Федерико и его племянник Анхело, небольшой мальчик, который жил вместе с ним в этой глуши. Мы передали привет от донна Густаво, и вскоре "джип" уже без нас стоял во дворе под тропическим ливнем, обрушившимся с новой силой на джунгли. В честь

нашего приезда дон Федерико устроил в своем бунгало^[11] пир. На вертеле жарились молочные поросята и цыплята, а мы тем временем сидели перед огромным блюдом с южными фруктами и рассказывали о цели нашего приезда.

Ливень джунглей, непрерывно шумевший за открытыми окнами, приносил с собой теплый, сладкий запах душистых цветов и земли.

Дон Федерико загорелся, как юноша. Конечно, ему пришлось с детства иметь дело с плотами из бальзы. Пятьдесят лет назад, когда он жил у моря, индейцы Перу ходили вдоль берегов на больших бальзовых плотках и продавали в Гваякиле рыбу. Они привозили на плоту по несколько тонн сушеной рыбы, которую складывали в бамбуковой хижине посередине плота; там же были жена, дети, собаки и куры. Сейчас, во время дождей, трудно достать бальзовые деревья таких размеров, какие индейцы, брали для постройки своих плотов: потоки воды и грязь сделали недоступными плантации бальзы. Туда не добраться даже верхом на лошади. Но дон Федерико сделает все, что в его силах. Возможно, что недалеко от его бунгало в лесу и растет несколько бальзовых деревьев, но ведь много нам и не нужно.

Вечером, когда дождь немного стих, мы прошли под манговыми деревьями вокруг бунгало. У дон Федерико была богатейшая коллекция диких орхидей, которые свешивались с веток деревьев из половинок скорлупы кокосовых орехов, заменявших цветочные горшочки. Они отличались от своих цивилизованных сородичей восхитительным ароматом. Герман наклонился к одному цветку, чтобы понюхать его, но в тот же миг над его головой мелькнуло из листьев что-то похожее на длинного, тонкого, блестящего угря. Мы не успели опомниться, как в воздухе просвистел хлыст Анхело и на землю упала извивающаяся змея. В следующую секунду мальчик прижал ее вилкообразной палкой к земле и размозил голову.

- Mortal^[12], - сказал Анхело и, поясняя свои слова, показал в пасти змеи два изогнутых ядовитых зуба. Мы поспешили домой; нам казалось, что повсюду в листве прячутся ядовитые змеи. Впереди шел Анхело со своим трофеем, безжизненно болтавшимся на палке. Дома Герман принялся снимать кожу с зеленого чудовища, а дон Федерико тем временем рассказывал всевозможные фантастические истории о ядовитых змеях и удавах в разрезе размером с тарелку. Вдруг мы увидели на стене тени двух огромных скорпионов, величиной с омара. Они бросались друг на друга, хватили друг друга клешнями. Борьба была не на жизнь, а на смерть; их

хвосты с ядовитым жалом были все время подняты, и каждый из них выжидал удобного момента, чтобы нанести врагу смертельный удар. Это была ужасная картина, и, только пододвинув керосиновую лампу, мы поняли, что это она виновница сверхъестественных размеров теней двух обыкновенных скорпионов, величиной с палец, которые дрались на краю комода.

- Оставьте их, - усмехнулся дон Федерико. - Один из них будет убит, а победитель нам нужен, чтобы уничтожить тараканов. Все будет чудесно, только не забудьте проверить, чтобы не было щелей в сетке от москитов над вашей кроватью. И затем, прежде чем одеваться, встряхните как следует свою одежду.

Меня часто кусали скорпионы, и ничего, не умер, - сказал, смеясь, старик.

Спал я хорошо и просыпался, вспоминая об ядовитых тварях, всего несколько раз, когда ящерицы или летучие мыши затевали слишком шумную возню около моей подушки.

На следующее утро мы встали рано, решив отправиться на поиски бальзовых деревьев.

- Ну-ка, встряхнем хорошенько одежду, - сказал Агурто, и пока он говорил, из рукава его рубашки выпал скорпион и моментально скрылся в щелочке в полу.

Сразу же после восхода солнца дон Федерико разослал своих людей верхом на лошадях поискать, нет ли где бальзовых деревьев, к которым можно было бы добраться по тропам. Наш отряд состоял из дона Федерико, Германа и меня. Вскоре мы оказались на поляне около огромного старого дерева, к которому нас привел дон Федерико. Оно намного возвышалось над другими деревьями и имело не менее 3 футов в диаметре. По обычаю полинезийцев, мы должны были, прежде чем срубить дерево, дать ему имя. Это дерево мы назвали "Ку", в честь полинезийского божества американского происхождения. Затем я занес топор и ударил по дереву так, что эхо разнеслось по всему лесу. Но рубить полное соков бальзовое дерево - то же самое, что пытаться разрубить колуном кусок пробки. Топор отскакивал от дерева, и я поработал не так уж много, когда Герману пришлось стать на мое место. Топор переходил из рук в руки, летели щепки, и пот лил с нас градом в душных джунглях.

К середине дня Ку напоминал петуха, стоящего на одной ноге и содрогавшегося от наших ударов. Но вот дерево качнулось и тяжело рухнуло на землю, ломая по пути ветви и небольшие деревья. Мы обрубали со ствола сучья и принялись уже было сдирать кору зигзагами, по способу

индейцев, как вдруг Герман бросил топор, подскочил, прижал руку к ноге и закрутился в военной пляске полинезийцев. Из его штанины выглянул глянцеви́тый муравей, величиной со скорпиона, с длинным ядовитым жалом в задней части тела. Он был одет в такую же толстую скорлупу, как омар. Мы долго не могли раздавить его каблуком.

- Конго, - сочувственно заметил дон Федерико. - Эта маленькая тварь похуже скорпиона, но для здорового мужчины он неопасен.

В течение нескольких дней Герман чувствовал ломоту в теле, оно все как бы одеревенело, но это не мешало ему разъезжать вместе с нами верхом по джунглям в поисках больших бальзовых деревьев. Время от времени мы слышали стук и треск, а затем что-то глухо падало в девственном лесу. Дон Федерико довольно кивал головой. Это означало, что его индейцы-метисы повалили еще одно бальзовое дерево для плота. В течение недели к Ку присоединились Кане, Кама, Ило, Маури, Ра, Ранги, Папа, Таранга, Кура, Кукара и Хити - одним словом, у нас было двенадцать могучих бальзовых деревьев, получивших имена легендарных полинезийских героев. Эти имена появились на островах вместе с Тики из Перу, совершив путешествие через океан. Из джунглей мы выволокли блестящие от выступившего сока деревья на лошадях, а последнюю часть пути их протащил имевшийся у дона Федерико трактор. Он доставил их на берег реки к бунгалу.

Однако полные сока сырые деревья были далеко не такими легкими, как пробка. Каждое из них весило безусловно около тонны, и мы горели нетерпением увидеть, как они будут держаться на воде. Мы подтащили их одно за другим к самому краю берега и привязали к концу каждого бревна трос, свитый из прочных лиан. чтобы при спуске на воду его не унесло течением вниз по реке. Затем одно за другим мы столкнули все бревна с берега в реку. Нужно было только видеть, какие фонтаны взлетели при этом в воздух! В воде деревья несколько раз перевернулись, а затем всплыли, погрузившись в воду лишь наполовину. Балансируя, мы прошли по ним, и они остались в том же положении. Мы связали бревна прочными лианами, сорвав их с верхушек деревьев, и вскоре у нас было два временных плота, связанных между собой так, что один мог буксировать другой. Мы погрузили на плоты бамбук и лианы, необходимые нам для дальнейшей работы, и вместе с Германом прыгнули на первый плот. Нас сопровождали двое парней какой-то таинственной смешанной расы, с которыми у нас не было никакого общего языка.

Не успели мы отдать концы, как бурные массы воды подхватили наши плоты и стремительно понесли их вниз по реке. Огибая первый мыс на

нашем пути, мы в последний раз увидели сквозь сетку дождя наших замечательных друзей; они стояли на берегу около бунгало и махали нам руками. Затем мы забрались под навес из банановых листьев, предоставив управление плотом нашим коричневым умельцам, которые с огромными веслами в руках расположились один на носу, а другой на корме плота. Они все время с удивительной легкостью удерживали его на самой середине бурного течения, и мы, танцуя по воде, неслись вниз, лавируя между затонувшими деревьями и отмелями. По обоим берегам реки неприступной стеной тянулись джунгли. Мы шли мимо деревьев с густой листвой, из-под которой выпархивали попугаи и какие-то неизвестные нам птицы с ярким оперением. Несколько раз мы видели аллигаторов, которые бросались в реку и скрывались в ее мутных водах. Но вскоре мы увидели еще более интересное чудовище. Это была игуана, колоссальная ящерица, чуть не в полтора метра длиной, с большим горловым мешком и гребнем на спине. Она лежала и дремала на глинистом берегу. Можно было подумать, что она спала здесь с доисторических времен. Ящерица не пошевелинулась, когда мы проплывали мимо нее. Рулевые дали нам понять, что стрелять не надо. Мы увидели еще одну игуану, но поменьше, около одного метра в длину. Она убегала по толстой ветви, свесившейся над водой. Почувствовав себя в безопасности, она улеглась, отливая синим и зеленым цветом, уставившись на нас своими холодными, как у змеи, глазами. Игуана не спускала с нас взгляда, пока мы проплывали мимо нее.

Немного позднее мы проходили мимо небольшого, поросшего папоротником холмика и увидели на нем игуану еще больших размеров, чем первая. Она сидела неподвижно с поднятой к небу головой, как китайский дракон, высеченный из камня, и не повернула головы, пока мы огибали холмик и не исчезли в джунглях.

Чуть дальше запахло дымом, и мы миновали несколько крытых соломой хижин, стоявших на отвоеванной у джунглей земле на самом берегу реки. Наш плот возбудил пристальное внимание мрачных жителей этого селения - потомков индейцев, негров и испанцев. На берегу лежали их лодки, выдолбленные из дерева.

Когда наступало время обедать, мы сменяли своих друзей у руля, и они принимались жарить рыбу и печь плоды хлебного дерева на небольшом костре, разгораться которому не давала окружающая его сырая глина. В нашем меню, кроме того, были жареные цыплята, яйца и южные фрукты. Тем временем плоты, а с ними и мы быстро неслись мимо джунглей к морю. Что нам были теперь дожди и ливни! Ведь чем сильнее лил дождь, тем стремительнее становилось течение.

С наступлением темноты на берегу начинался оглушительный концерт. Жабы и лягушки, цикады и москиты беспрерывно квакали, трещали, жужжали, составляя многоголосый хор. Время от времени в темноте раздавались пронзительное мяуканье дикой кошки и крики то одной, то другой птицы, испуганной ночными разбойниками джунглей. Иногда в темноте ночи мелькал огонь очага, в хижине индейца слышались пронзительные голоса людей и лай собак. По большей части мы сидели одни под звездным небом, слушая оркестр джунглей, пока сон или дождь не загоняли нас в хижину из листьев, и мы засыпали, предварительно вынув пистолеты из кобуры.

Чем дальше мы спускались вниз по реке, тем чаще попадались хижины и плантации индейцев, и вскоре на берегу показались уже целые деревни. Мы обгоняли выдолбленные из дерева каноэ. На них плыли индейцы, отталкиваясь длинными шестами. Время от времени встречались небольшие бальзовые плоты, груженные связками зеленых бананов.

Там, где река Паленкуэ впадает в реку Рио Гуаяс, уровень воды был так высок, что между Винсесом и Гваякилем, лежавшим на берегу моря, курсировал колесный пароход. Решив сэкономить время, мы с Германом сели на пароход, где получили по койке на борту, и поплыли вниз, через густонаселенную долину к побережью океана. Наши коричневые друзья взялись пригнать плоты следом за пароходом.

В Гваякиле мы с Германом расстались. Он остался ожидать у устья реки Гуаяс прибытия плотов, чтобы погрузить их на какое-нибудь каботажное судно и доставить в Перу, где должен был руководить строительством настоящего плота по древнему индейскому образцу. Я же вылетел на самолете в столицу Перу - Лиму; мне предстояло подыскать подходящее место для постройки нашего плота.

Самолет шел на большой высоте вдоль побережья Тихого океана. С одной стороны виднелись пустынные горы Перу, а с другой - далеко внизу под нами ослепительно сверкало море. Это было место, откуда мы предполагали пуститься на плоту в плавание. С борта самолета море казалось бескрайным. Далеко-далеко на западе море и небо сливались, образуя длинную, чуть заметную линию горизонта. Я никак не мог избавиться от мысли, что даже за горизонтом пятую часть суши омывают такие же водные пустыни, какие отделяют нас от Полинезии. Я попытался представить себе, как мы закачаемся через несколько недель на нашем плоту, который будет только пятнышком в раскинувшемся сейчас под мною голубом море, и тотчас же отогнал эту мысль: она вызвала у меня такое же неприятное чувство, какое испытываешь, когда ожидаешь

команды прыгнуть с самолета с парашютом.

Прилетев в Лиму, я поехал на трамвае в порт Кальяо, чтобы подыскать место, где бы мы могли начать строить плот. Не нужно было много времени, чтобы убедиться, что весь порт забит судами, подъемными кранами, складами, таможнями, портовыми конторами и прочими сооружениями. Немного дальше была свободная бухта, но она кишела купающимися, и не приходилось сомневаться, что этот пытливый народ разнесет в щепки плот и оставит рожки да ножки от нашего снаряжения, стоит нам хотя бы на минуту от них отвернуться. Кальяо был крупнейшим портом в Перу, население которого насчитывает 7 миллионов людей - белых и коричневых. Времена для строителей плотов изменились в Перу даже больше, чем в Эквадоре, и мне представлялся лишь один выход: проникнуть за высокие бетонные стены военно-морского порта, туда, где у железных ворот стояли вооруженные часовые, которые с подозрением и угрозой смотрели на меня и других прохожих, слонявшихся около этих стен. Попасть туда - означало оказаться в тихой гавани.

В Вашингтоне я познакомился с перуанским военно-морским атташе, который снабдил меня рекомендательным письмом. На следующий день я отправился с этим письмом в военно-морское министерство и попросил приема у министра Мануэля Нието. Каждое утро он принимал в министерстве, в красивой, сверкающей зеркалами и золотом приемной в стиле ампира^[13]. Я ждал недолго. Министр вышел ко мне в полной форме. Это был небольшого роста, широкоплечий офицер, суровый, как Наполеон, подтянутый и лаконичный в разговоре. Он задал мне вопрос, я дал ему ответ. Я просил разрешения строить плот на военно-морской верфи.

- Молодой человек, - сказал министр, нервно барабанив пальцами по столу, - вместо того чтобы войти через дверь, вы влезли в окно. Я охотно помогу вам, но должен для этого получить указание от министра иностранных дел. Я не имею права пускать иностранцев на территорию военно-морского порта и разрешать им пользоваться нашей верфью. Обратитесь письменно в министерство иностранных дел. Желаю вам удачи.

Я с ужасом подумал о всех тех бумагах, которые циркулируют от человека к человеку и затем бесследно исчезают. Счастлив был Кон-Тики, в суровые времена которого всякого рода документы были неизвестны.

Повидаться лично с министром иностранных дел было значительно труднее. Норвегия не имеет представительства в Перу, и наш любезный генеральный консул Бар мог представить меня только советникам иностранного министерства. Я очень боялся, что дальше дело не пойдет, но подумал, что авось поможет письмо доктора Коэна президенту республики.

Через адъютанта я попросил аудиенции у дона Хосе Бустаманте и Риверо, президента Перу. Несколько дней спустя мне предложили быть во дворце к 12 часам.

Лима - вполне современный город, насчитывающий полмиллиона жителей. Он лежит, раскинувшись на зеленой равнине, у подножия пустынных гор. В архитектурном отношении, в котором немалую роль играют сады и плантации, он является одной из красивейших столиц мира - нечто вроде современной Ривьеры или Калифорнии на фоне старых испанских зданий. Дворец президента расположен в центре города и строго охраняется вооруженной стражей в ярких мундирах. Аудиенция в Перу - серьезное дело, и очень немногие видели президента воочию, а не в кино. Солдаты с блестящими патронташами проводили меня наверх и до конца длинного коридора. Здесь трое штатских осведомились о моей фамилии и записали ее, и меня провели через тяжелую дубовую дверь в комнату с длинным столом и рядом стульев. Человек в белом костюме принял меня и предложил сесть, а сам вышел из зала. Через несколько минут отворились большие двери, и меня провели в зал, еще более нарядный, чем первый. Навстречу мне шел человек в роскошной, безупречно сшитой военной форме.

"Президент", - подумал я, собравшись с духом. Но нет. Человек в расшитом золотом мундире предложил мне старинный стул, с прямой спинкой, и исчез. С минуту сидел я на краешке этого стула, затем открылась еще одна дверь, и почтительно склонившийся лакей пригласил меня пройти в большое помещение, отделанное золотом, с золоченой мебелью и роскошным убранством. Слуга исчез так же быстро, как и появился, и я опять сидел в одиночестве на старинном диване и смотрел на анфиладу пустых комнат, видных в распахнутые двери. Было так тихо, что доносился чей-то приглушенный кашель из отдаленной комнаты. Послышались твердые шаги, и я вскочил и нерешительно поклонился представительному человеку в военной форме. Но и это был не президент.

Однако из его слов я понял, что президент приветствует меня и освободится, как только закончится заседание кабинета министров.

Десять минут спустя снова прервали тишину твердые шаги, и в зал вошел человек в золоте и в эполетах. Я проворно вскочил с дивана и низко поклонился. Он поклонился еще ниже и провел меня через несколько залов вверх по лестнице, устланной толстыми коврами. Он оставил меня в маленькой комнате, в которой стояли современное кожаное кресло и диван. В комнату вошел человек небольшого роста, в белом костюме. Я терпеливо ждал приглашения следовать дальше. Но он никуда меня не повел, а лишь

любезно поклонился, продолжая стоять. Это был президент Бустаманте и Риверо.

Президент владел английским языком вдвое лучше, чем я испанским, и когда мы приветствовали друг друга и он жестом предложил мне сесть, наги словарный запас был полностью исчерпан. При помощи знаков и жестов можно многое объяснить, но нельзя получить разрешение на постройку плота на территории военно-морского порта в Перу. Мне было ясно лишь одно - президент ничего не понял из того, что я говорил. Через несколько минут он встал, вышел и вскоре вернулся в сопровождении министра авиации. Министр авиации генерал Ревередо был бодрый, со спортивной выправкой человек, в форме воздушных сил и эмблемой ВВС на груди. Он блестяще говорил по-английски с американским акцентом.

Я извинился за недоразумение и сказал, что хотел просить о допуске не на территорию авиапорта, а на территорию морского порта. Генерал, смеясь, пояснил, что его пригласили лишь в качестве переводчика. Постепенно, слово за словом, и моя теория была переведена президенту, который слушал очень внимательно и задал мне через генерала Ревередо несколько пытливых вопросов. В заключение беседы он сказал:

- Если острова Тихого океана действительно были открыты жителями Перу, то для Перу ваша экспедиция представляет большой интерес. Скажите, чем мы можем вам помочь, и мы постараемся удовлетворить вашу просьбу.

Я попросил разрешения на постройку плота на территории военно-морского порта, доступа в мастерские верфи, предоставления складского помещения, беспрошленного ввоза снаряжения в Перу, права пользоваться сухим доком, разрешения привлечь к постройке плота рабочих верфи и, наконец, предоставления нам буксира, который вывел бы плот в открытое море.

- Что он просит? - спросил так выразительно президент, что даже я понял.

- Пустяки, - коротко ответил Ревередо, а президент удовлетворенно кивнул головой.

Ревередо еще до того, как закончилось наше совещание, пообещал мне, что президент лично даст указание министру иностранных дел, а военно-морской министр Нието получит полную свободу действий в предоставлении нам всей той помощи, о которой я просил.

- Да сохранил вас бог! - сказал генерал, смеясь и качая головой.

Вошедший адъютант проводил меня до часового, В тот же день газеты Лимы сообщили своим читателям, что в скором времени из Перу

отправится на плоту норвежская экспедиция; одновременно они сообщили, что шведско-финская научная экспедиция закончила свою работу по изучению жизни индейцев бассейна Амазонки. Двое из шведских участников экспедиции поднялись в каноэ вверх по рекам до Перу и только что прибыли в Лиму. Одним из них был Бенгт Даниельссон из Упсальского университета, собиравшийся изучать быт горных индейцев Перу.

Я вырезал из газеты заметку и принялся писать Герману письмо относительно места для постройки плота, когда кто-то постучал в дверь моего номера. В комнату вошел высокий загорелый парень в костюме для тропиков, и когда он снял свой белый шлем, то мне показалось, что его огненно-рыжая борода обожгла ему лицо и опалила волосы на голове. И хотя я знал, что он прибыл из глуши джунглей, казалось, что настоящее его место не там, а в читальном зале.

"Бенгт Даниельссон", - подумал я.

- Бенгт Даниельссон! - представился вошедший. "Наверно, узнал о нашем плоту", - подумал я и предложил ему сесть.

- Я только что узнал о ваших планах путешествия на плоту, - сказал швед.

"И пришел, чтобы разгромить мою теорию - ведь он этнограф", - снова подумал я.

- Я пришел просить вас, чтобы вы взяли меня с собой в экспедицию, - миролюбиво сказал швед. - Теория переселения меня интересует.

Я знал о нем, что он ученый и прибыл сюда прямо из джунглей. Но если швед решил отправиться в экспедицию на плоту в компании пяти норвежцев, то он явно был не из трусливых. А кроме того, даже внушительная борода не могла скрыть его мирный характер и веселый нрав.

У нас не хватало одного человека, и Бенгт стал шестым членом команды. Он был единственным среди нас, говорившим по-испански.

Через несколько дней пассажирский самолет с рокотом летел на север вдоль побережья, и я снова с уважением смотрел вниз, на бескрайнее голубое море. Казалось, что оно свободно парило в мировом пространстве. Скоро мы, шестеро, как микробы на маленькой соринке, будем на плоту здесь, где так много воды, что казалось - она затопила все, что было за горизонтом на западе. Мы будем в нашем узком мирке, не имея никакой возможности уйти друг от друга. В настоящий момент нас разделяли большие пространства. Герман был в Эквадоре, где ожидал прибытия плотов. Кнут Хаугланд и Турстейн Раабю только что прибыли в Нью-Йорк. Эрик Хессельберг плыл на пароходе из Осло в Панаму. Я летел в

Вашингтон, а Бенгт сидел в гостинице в Лиме и ожидал нашего прибытия.

Участники экспедиции не знали друг друга. У всех были разные характеры. Поэтому очень не скоро надоедят нам на плоту те истории, которые мы будем рассказывать друг другу. Никакие штормовые облака и никакое давление, сулящее ненастье, не были для нас так опасны, как подавленное моральное состояние. Ведь мы, шестеро, в течение многих месяцев будем совершенно одни на плоту, и при таких условиях хорошая шутка зачастую не менее ценна, чем спасательный пояс.

В Вашингтоне все еще стояла зима, шел снег и было страшно холодно. Я приехал туда в феврале. Бьерну удалось полностью разрешить вопрос о радиосвязи. Оказывается, он заинтересовал американских радиолюбителей, и они согласились принимать наши сводки и донесения с плота. Кнут и Турстейн тем временем готовили радиоаппаратуру. Радиосвязь мы должны были поддерживать с помощью специально для нас сконструированных коротковолновых передатчиков, а иногда посредством портативных аппаратов, которыми пользовались во время войны тайные агенты. Надо было сделать тысячу дел - больших и малых, - чтобы подготовить все к путешествию.

Наш архив разбух от бумаг. В нем были документы военных и гражданских организаций на белой, желтой и голубой бумаге, на английском, испанском, французском и норвежском языках. В наши дни путешествие на плоту обходится бумажной промышленностью по крайней мере в половину большей ели. Законы и положения валились на нас со всех сторон, и мы терпеливо и методично распутывали один узел за другим.

- Клянусь, что наша переписка весит не менее десяти килограммов, - сказал однажды Кнут, обреченно согнувшись над своей пишущей машинкой.

- Двенадцать, - сухо возразил Турстейн. - Я взвешивал.

Моя мать прекрасно понимала те трудности, которые вставали перед нами в эти полные драматизма дни подготовки к путешествию. В одном из своих писем она писала: "...сейчас мне хочется лишь получить от тебя весточку, что вы все шестеро уже находитесь на плоту".

Вдруг пришла срочная телеграмма из Лимы. Сильная волна подхватила Германа и выбросила его на берег; он сильно разбился и повредил себе шею. Его положили в Лиме в больницу.

Мы немедленно отправили в Лиму самолетом Турстейна Раабю и Герду Вулд, которая во время войны была популярным лондонским секретарем норвежского парашютно-десантного отряда имени Линга, а сейчас помогала нам в Вашингтоне в наших сборах. Германа они нашли

уже выздоравливающим. Его обвязали вокруг головы ремнем и подвесили на тридцать минут, и врачи за это время вправили сместившийся позвонок. Рентгеновский снимок показал, что верхний шейный позвонок дал трещину и сдвинулся с места. Германа, благодаря его прекрасному здоровью, удалось спасти, и вскоре он, весь в синяках, прямой, как палка, и мучимый ревматизмом, вернулся на военно-морскую верфь, где строился плот, и снова приступил к работе. Все же ему пришлось еще в течение нескольких недель находиться под наблюдением врача, и мы сомневались, сможет ли он отправиться с нами в экспедицию. Сам он в этом ни минуты не сомневался, несмотря на то что Тихий океан при первой встрече обошелся с ним грубовато.

Но вот Эрик прилетел из Панамы, Кнут и я - из Вашингтона, и все мы собрались в Лиме, откуда должны были начать свое путешествие. На военно-морской верфи уже лежали могучие бальзовые бревна, доставленные сюда из джунглей Киведо. Зрелище было волнующее. Среди грозных серых подводных лодок и эсминцев лежал наш строительный материал - свежесрубленные круглые бревна, желтый бамбук, камыш и зеленые банановые листья. Шесть светлокожих жителей севера и двадцать коричневых матросов, в чьих жилах текла кровь индейцев-инков, дружно размахивали топорами и ножами мачете, закрепляли тросы, вязали узлы. Иногда появлялись подтянутые морские офицеры в синей с золотом форме и озадаченно смотрели на светлокожих иностранцев и на этот растительный материал, который вдруг появился на военно-морской верфи.

Впервые за многие сотни лет в бухте Кальяо снова строили плот из бальзовых бревен. Здесь, по преданию, бесследно исчезнувшие люди Кон-Тики впервые научили прибрежных индейцев ходить по морю на плотам, и здесь же запретили пользоваться плотами современным индейцам люди белой расы. Путешествие на таком примитивном и неустойчивом плоту может, видите ли, стоить людям жизни. Потомки индейцев-инков не отстают от времени: сейчас они носят отутюженные брюки со складкой и синие матроски. Бамбук и бальзовое дерево отошли в прошлое. Их место заняли броня и сталь.

Военно-морская верфь, оснащенная новейшим оборудованием, оказалась для нас исключительно полезной при постройке плота. С помощью Бенгта, выступавшего в качестве переводчика, и Германа, руководившего работами, мы получили доступ в столярную и парусную мастерские; в наше распоряжение были предоставлены половина склада для хранения нашего имущества и небольшой понтонный мост, с которого мы спускали бревна в воду, когда приступили непосредственно к постройке

плота.

Девять самых толстых бревен мы отобрали для основы плота. Затем вырубili в них глубокие пазы для канатов, которыми связывались между собой бревна. Мы строили плот без единого шипа, гвоздя, без стальных тросов. Сперва мы спустили девять бревен на воду одно возле другого, чтобы они, прежде чем мы их свяжем накрепко вместе, приняли свое естественное положение на плаву; для середины мы выбрали самое длинное, 14-метровое, бревно, концы которого выступали как на носу, так и на корме.

По обе стороны от центрального бревна мы уложили симметрично все более и более короткие бревна с таким расчетом, что по борту длина плота равнялась 10 метрам, а нос выдавался в виде тупого сошника. Корму плота мы срезали по прямой линии; несколько выступали лишь три средних бревна, сверх которых мы укрепили короткий толстый чурбан из бальзового дерева. Он лежал поперек плота и имел уключину для длинного рулевого весла. Связав девять бревен основы крепко-накрепко пеньковыми тросами толщиной в 30 миллиметров, мы снайтовили с ними еще девять более тонких бревен, уложенных сверху поперек на расстоянии примерно в один метр один от другого. Итак, плот фактически был готов. Он был тщательно связан почти тремястами концами различной длины с внушительными найтовыми^[14] на каждом узле.

Палубу мы настелили из расщепленного бамбука, прикрепленного к бревнам в виде отдельных планок, а сверху положили бамбуковые циновки. Посередине плота, немного ближе к корме, мы поставили небольшую, открытую сбоку хижину из бамбуковых стволов; стены ее были покрыты циновками из легкого бамбука; крышу выстлали бамбуковыми планками и покрыли банановыми листьями вместо черепицы. Перед хижинкой мы поставили одну возле другой две мачты из мангрового дерева, твердого, как железо. Они были слегка наклонены одна к другой, и их верхушки связаны крест-накрест. К рее^[15], связанной для большей прочности из двух бамбуковых палок, мы привязали большой прямоугольный парус.

Девять больших бревен, на которых мы намеревались перейти через океан, мы несколько заострили снизу, чтобы они легче скользили по воде, а в носовой части, почти над уровнем воды, устроили низкий борт.

Между бревнами в некоторых местах были большие просветы; мы опустили в них, в общей сложности, пять больших сосновых досок, концы которых отвесно уходили на полтора метра в воду. Эти доски, толщиной в

один дюйм и шириной в несколько футов, были вставлены нами без всякой системы и удерживались в вертикальном положении лишь клиньями и тросами. Они должны были служить небольшими параллельными киями или, точнее, выдвижными киями. Индейцы-инки имели такие килевые доски на всех своих бальзовых плотках задолго до открытия Америки: доски Препятствовали сносу плота ветром или волнами. На нашем плоту не было никаких ограждений или поручней, и лишь по обеим сторонам плота мы укрепили, как опору для ног, по длинному бальзовому бревну.

Наш плот был точной копией древних перуанских и эквадорских плотов, за исключением низкого борта в носовой части, который, впрочем, оказался совершенно ненужным. В остальном мы оборудовали все на палубе по своему вкусу, поскольку это не оказывало влияния на основную конструкцию плота. Мы знали, что плот будет на длительный срок всем нашим миром, и поэтому даже самые незначительные пустяки со временем будут приобретать все большее и большее значение.

Мы постарались сделать как можно разнообразнее нашу маленькую палубу. Например, она не была сплошь покрыта бамбуковыми планками. Бамбук настлан был лишь перед хижиной и вдоль ее правой стороны, где не было стены. За левой стеной хижины был как бы задний двор, забитый намертво укрепленными ящиками и снаряжением, между которыми был оставлен узкий проход. В носовой части и на корме за хижиной бальзовые бревна ничем не были покрыты. Поэтому, расхаживая по плоту вокруг бамбуковой хижины, мы переходили с бамбукового пола и плетеных циновок на круглые серые бревна на корме и затем пробирались на другую сторону через склад ящиков и снаряжения. Шагов мы делали, в общем, не так уж много, но разнообразие было налицо, и оно производило определенный психологический эффект и в какой-то мере компенсировало нас за ограниченную свободу движений. Кроме всего прочего, мы устроили на верхушке мачты небольшую площадку. Сделали мы это не столько для того, чтобы иметь наблюдательный пост, откуда можно будет увидеть землю, сколько для того, чтобы лазить туда во время путешествия и смотреть на море не только с плота.

Плот приобрел уже определенные очертания и плавал в верфи между военными судами, сверкая желтизной зрелого бамбука и яркой зеленью банановых листьев, когда туда прибыл сам военно-морской министр. Мы были очень горды своим плотом, который среди огромных грозных военных кораблей казался нам свежим и ярким напоминанием о временах инков. Но военный министр был потрясен до глубины души тем, что он увидел.

Меня вызвали в военно-морское министерство и предложили подписать бумагу, в которой говорилось, что министерство не несет никакой ответственности за то, что было нами построено на подведомственной ему верфи. Кроме того, я подписал бумагу начальнику порта, в которой было сказано, что, если я выйду из порта Кальяо с людьми и грузом на плоту, я целиком и полностью отвечаю за связанные с таким рискованным шагом последствия.

Некоторое время спустя несколько иностранных военно-морских экспертов и дипломатов получили разрешение посетить верфь и осмотреть наш плот. Нельзя сказать, чтобы представшее перед их глазами зрелище их воодушевило. А несколько дней спустя после их посещения меня вызвал посол одной великой державы.

- Ваши родители живы? - спросил он. Получив утвердительный ответ, он посмотрел мне прямо в глаза и сказал глухим и зловещим голосом:

- Вашему отцу и вашей матери будет очень тяжело, когда они узнают о вашей гибели.

Он просил меня отказаться от моей затеи, пока не поздно: адмирал, видевший наш плот, заверил его, что нам не добраться живыми до Полинезии. Прежде всего никуда не годятся размеры плота: ведь он так мал, что в сильный шторм обязательно перевернется. Но в то же время он настолько велик, что может оказаться одновременно на гребнях двух волн, от чего под тяжестью груза и людей хрупкие бальзовые бревна переломятся пополам. Хуже всего было то, что крупнейшие специалисты по бальзовой древесине заверили его, что это пористое дерево так быстро поглощает воду, что мы непременно затонем, не пройдя и четверти пути.

Все это звучало весьма зловеще, но я не отступал от своих намерений, и тогда посол подарил нам на дорогу... библию. Ничего хорошего не обещали нам и эксперты, осматривавшие наш плот. Штормы или ураган смоют нас за борт и разобьют наш низкий и открытый плот, который вообще может только беспомощно дрейфовать кругами в море и будет игрушкой для ветра и волн. Волны будут перекачиваться через плот даже при самом легком бризе, а наша одежда будет все время пропитана соленой морской водой; она постепенно разъест кожу на ногах и испортит все, что мы с собой возьмем. Если бы подвести итог всему тому, что посещавшие нас один за другим эксперты считали главным недостатком нашего плота, то на нем не было такого конца, угла, бревна или щепочки, которые не сулили бы нам неминуемой гибели. Люди заключали пари на большие суммы, сколько дней плот продержится на воде, а один легкомысленный военно-морской атташе заявил даже, что он согласен до конца жизни

обеспечить всех участников экспедиции виски, если только они живыми доберутся до любого из островов Южных морей.

Совсем плохо стало, когда в порт зашел норвежский пароход и мы привезли на верфь капитана и двух самых опытных морских волков. Мы горели нетерпением узнать мнение людей, познакомившихся с морем на практике. Представьте себе наше разочарование, когда они единодушно заявили, что ставить парус на такой тупоносой, неуклюжей посудине совершенно бесполезно; а капитан утверждал, что если нам даже и удастся на ней двигаться, то мы не меньше года, а то и двух будем дрейфовать в течении Гумбольдта, Боцман осмотрел все крепления и только покачал головой. По его мнению, нам не следовало особо беспокоиться: не более чем через две недели все канаты перетрутся о бревна, которые будут беспрестанно двигаться вверх и вниз. Нам следует заменить пеньковые канаты стальными тросами и цепями или отказаться от затеи с экспедицией.

Тяжело было выслушивать все эти предсказания. Достаточно сбыться одному из них, и мы погибнем. Боюсь, что в те дни я неоднократно задавал себе вопрос, знаем ли мы, на что идем. Я не мог опровергнуть ни одно из предостережений - ведь я не был моряком. У меня был лишь один козырь, и на нем было основано наше путешествие. Я твердо знал, что древняя культура Перу была перенесена на острова Южных морей в те времена, когда единственными судами у этих берегов были такие плоты, как наш. И я делал соответствующий вывод: если в V веке нашей эры, когда на плоту был Кон-Тики, бальзовые деревья не затонули и найтовы выдержали, то так будет и теперь, если только наш плот явится точной копией его плота. Бенгт и Герман усиленно занялись теорией, и вообще, пока эксперты причитали, наши парни, не принимая их слов к сердцу, чудесно проводили время в Лиме. Только однажды вечером Турстейн вдруг озабоченно спросил меня, уверен ли я, что морские течения идут в нужном нам направлении. Незадолго до этого мы смотрели кинофильм с участием Дороги Ламур, танцевавшей в коротенькой соломенной юбочке в толпе девушек танец "хула" под пальмами на одном из островов Южных морей.

- Мы обязательно должны туда попасть, - сказал Турстейн. - Жаль мне тебя, если течения понесут нас не в ту сторону.

День нашего отправления между тем приближался, и мы поехали в отдел виз министерства иностранных дел за получением разрешения на выезд. Впереди стоял Бенгт, выступавший в роли переводчика.

- Ваша фамилия? - спросил тихий маленький чиновник и подозрительно посмотрел поверх очков на окладистую бороду Бенгта.

- Бенгт Эммерик Даниельссон, - почтительно ответил Бенгт.

Чиновник заложил в пишущую машинку длинную анкету.

- С каким пароходом прибыли вы в Перу?

- Видите ли, - объяснил Бенгт, наклоняясь над немного оробевшим человеком, - я прибыл в Перу не на пароходе, а в каноэ.

Чиновник, немея от изумления, посмотрел на Бенгта и напечатал в соответствующей графе: "каноэ".

- Ас каким пароходом вы собираетесь отплыть из Перу?

- Видите ли, - вежливо сказал Бенгт, - я намерен отплыть из Перу опять-таки не на пароходе, а на плоту.

- Хватит! Хватит! - раздраженно воскликнул чиновник и выдернул анкету из машинки. - Я попросил бы вас серьезно отвечать на мои вопросы!

За несколько дней до отхода плота в путь мы перенесли на него продовольствие, воду и все снаряжение. Продовольствия взяли на шесть человек, из расчета, что будем в море четыре месяца. Это был фронтальной паек, упакованный в небольшие прочные картонные коробки. Кнуту пришла в голову хорошая мысль: он покрыл каждую коробку тонким слоем жидкого асфальта. Сверху, чтобы коробки не склеивались между собой, мы посыпали их песком и плотно уложили под бамбуковым настилом между поперечными бревнами. Коробки заполнили все свободное пространство.

У нас было пятьдесят шесть контейнеров, вмещавших 1100 литров кристально чистой воды, которую мы взяли из высокогорного ручья. Их мы также закрепили между поперечными бревнами так, что они все время омывались морской водой. Остальную часть нашего имущества мы уложили на бамбуковой палубе и там же поставили большие плетеные корзины с фруктами и кокосовыми орехами.

В бамбуковой хижине один угол мы отвели Кнуту и Турстейну; они установили там свою радиостанцию. Там же мы укрепили между поперечными бревнами восемь деревянных ящиков. Два из них были отведены под киноаппаратуру и научные приборы, остальные шесть были распределены между участниками экспедиции для личных вещей, причем заранее было оговорено, что каждый из нас может взять с собой лишь столько вещей, сколько уместится в ящике. Эрик уложил в свой ящик несколько рулонов бумаги для рисования и гитару. Места больше не было, и ему пришлось засунуть свои носки в ящик Турстейна. Ящик Бенгта с трудом притащили четыре матроса. Бенгт взял с собой одни лишь книги, но он ухитрился напихать в свой ящик "всего-навсего" семьдесят три труда по вопросам социологии и этнографии. Поверх ящиков положили циновки и соломенные матрацы. Мы были готовы отправиться в путь.

Плот вывели на буксире с территории военно-морской верфи в море, чтобы мы могли выяснить, равномерно ли был распределен наш груз, а затем нас пришвартовали к пристани яхт-клуба в Кальяо. Накануне выхода в море здесь должна была состояться церемония крещения плота, на которую были приглашены гости, но могли присутствовать и все желающие.

27 апреля был поднят норвежский флаг, а на рее развевались флаги всех стран, представители которых помогали снаряжению экспедиции. На набережной собралась уйма людей, которые хотели посмотреть на крещение странного судна. Цвет и черты лица многих, присутствовавших на церемонии, говорили о том, что их праотцы некогда плавали на таких же бальзовых плотах вдоль этого побережья. На церемонии присутствовали члены правительства и военно-морского министерства, а также представители различных государств и наши друзья из небольшой норвежской колонии во главе с генеральным консулом. Собралось много корреспондентов, жужжали кинокамеры, и не хватало только духового оркестра и большого барабана. Нам было в тот момент ясно лишь одно: если плот развалится тут же, у побережья, каждый из нас поплывет в Полинезию на отдельном бревне, но не вернется обратно.

Секретарю экспедиции и нашему связному на материке Герде Вулд предстояло окрестить плот кокосовым молоком. Такое решение было принято потому, что это более соответствовало стилю каменного века, а кроме того, шампанское по каким-то неведомым причинам оказалось на самом дне личного ящика Турстейна. Мы сообщили собравшимся друзьям на английском и испанском языках, что плот будет назван "Кон-Тики", в честь великого предшественника индейцев-инков - царя-солнца, исчезнувшего из Перу полторы тысячи лет назад в направлении на запад и появившегося в Полинезии. Затем Герда Вулд с такой силой разбила кокосовый орех о нос плота, что брызги молока и скорлупа попали на головы стоявших вблизи людей.

Мы подняли парус, в середине которого нашим художником Эриком красной краской была нарисована бородатая голова Кон-Тики. Это была точная копия с головы статуи царя-солнца, высеченной из красного камня и найденной в развалинах города Тиауанако.

- А, сеньор Даниельссон! - восторженно закричал староста наших рабочих на верфи, увидев на парусе бородатую голову.

Мы как-то показали ему портрет бородатого Кон-Тики, сделанный карандашом на бумаге, и с тех пор в течение двух месяцев он называл Бенгта "сеньором Кон-Тики". Только сейчас до него наконец дошло, что

настоящая фамилия Бенгта была Даниельссон.

Перед отплытием мы были с прощальным визитом у президента, а затем совершили прогулку далеко в горы, чтобы в последний раз перед выходом на необозримые просторы Тихого океана досыта полюбоваться осыпями и скалами. Во время подготовки к экспедиции и постройки плота мы жили в пансионате, расположенном в пальмовой роще в окрестностях Лимы. Каждый день нас возили в Кальяо и обратно на машине военно-морского министерства, которую Герде удалось достать для экспедиции. Сейчас мы попросили шофера заехать как можно выше в горы. Мы ехали по пустынным дорогам, вдоль древних оросительных каналов инков. Наконец мы поднялись на высоту в 4 тысячи метров над уровнем моря и буквально пожирали глазами скалы, вершины гор и зеленую траву, старались пресытиться лежащим перед нами спокойным горным массивом Анд. Мы при этом пытались убедить себя, что нам надоели камень и суша и мы жаждем как можно скорее выйти в море.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Драматические переживания участников экспедиции. Плот отбуксирован в море. Ветер крепчает. Борьба с волнами. В течении Гумбольдта. Самолет нас не нашел. Бревна впитывают воду. Дерево защищает канаты. Летучие рыбы на завтрак. У Турстейна в постели неожиданный гость. Ошибка невиданной рыбы. Глаза в море. Морские привидения. Самая большая рыба в мире. Охота за морскими черепахами.

В тот день, когда "Кон-Тики" предстояло выйти на буксире в открытое море, в порту Кальяо было оживленно. Морской министр Нието отдал приказ буксиру "Гуардиан Рио" вывести нас из бухты и оставить за линией прибрежных вод, там, где некогда индейцы ловили рыбу со своих плотов. Газеты сообщили об этом под большими красными и черными шапками, и с самого раннего утра 28 апреля на набережной толпился народ.

У нас, шестерых путешественников, конечно, в последнюю минуту оказалась еще целая куча дел, и когда я приехал на набережную, на плоту был только Герман, который нес вахту. Я нарочно остановил машину как можно дальше от плота и медленно пошел по молу, чтобы напоследок как следует размяться - ведь было совершенно неизвестно, когда мне теперь представится такая возможность. И вот я прыгнул на плот, на котором царил полный хаос из связок бананов, корзин с фруктами и мешков, мы их притащили в последнюю минуту и хотели разобрать и закрепить, когда все уляжется. В центре этого хаоса обреченно восседал Герман, держа в руке клетку с зеленым попугаем, прощальным подарком какой-то доброй души из Лимы.

- Посмотри минутку за попугаем, - сказал Герман, - я сойду на берег и выпью в последний раз кружку пива. Буксир подойдет еще не скоро.

Не успел он исчезнуть в толпе, как провожающие принялись кричать и размахивать руками. Из-за мыса показался шедший на всех парах буксир "Гуардиан Рио". Буксир бросил якорь за раскачивающимся лесом мачт, преградивших путь к "Кон-Тики", и выслал нам большой моторный катер,

который должен был провести плот между парусными судами. Моторка была битком набита матросами, офицерами и кинооператорами. Раздавались слова команды и трещали кинокамеры, а к носу плота закрепили тем временем толстый буксирный трос.

- Un momento!^[16] - отчаянно закричал я, не выпуская из рук клетки с попугаем.

- Еще рано, мы должны подождать других los expedicionarios^[17], - пояснил я, показывая на город.

Никто меня не понял. Офицеры вежливо улыбались, а трос к носу плота крепили по всем правилам искусства. Отчаянно жестикулируя, я развязал петлю и выбросил конец за борт. Попугай решил воспользоваться суматохой. Он просунул сквозь решетку клетки клюв, повернул ручку и открыл дверцу. Когда я обернулся, он уже весело прогуливался по бамбуковой палубе. Я сделал попытку поймать его, но он сердито закричал по-испански и вспорхнул на связку бананов. Не спуская глаз с матросов" которые вновь начали закреплять трос, я бросился в дикую погоню за попугаем. Он с криком влетел в хижину, и здесь мне удалось загнать его в угол и схватить за ногу в тот момент, когда он собрался перескочить через мою голову. Когда я вновь вышел на палубу и водворил свой хлопающий крыльями трофей в клетку, матросы на берегу уже отдали концы и наш плот беспомощно плясал на волнах, непрерывно бежавших от мола к берегу. В отчаянии я схватил весло, пытаясь предотвратить страшный удар плота о сваи набережной. Но тут заработал мотор, "Кон-Тики" сделал рывок и начал свой далекий путь. Моим единственным спутником оказался говорящий по-испански попугай, который, нахохлившись, сидел мрачный в клетке и не спускал с меня глаз. Люди на берегу радостно хлопали и махали нам, а смуглые кинооператоры в моторке чуть не прыгали в море, стремясь запечатлеть на пленке мельчайшие детали драматического отплытия нашей экспедиции из Перу. Я стоял на плоту грустный и одинокий и высматривал своих пропавших компаньонов. Они не появлялись. Вскоре мы подошли к "Гуардиан Рио", стоявшему под парами, наготове поднять якорь и выйти в море. Я мгновенно взобрался по трапу на палубу буксира и учинил там такой шум, что выход в море был отложен, а к берегу была послана шлюпка. Прошло порядочно времени, и шлюпка вернулась битком набитая хорошенькими сеньоритами, но без единого участника экспедиции "Кон-Тики". Все это, конечно, было чудесно, но ни в коей мере не облегчало моего положения; и пока очаровательные сеньориты вертелись на плоту, шлюпка вновь отправилась на розыски "los

expedicionarios snoruegos" [\[18\]](#).

А Эрик и Бенгт шли с прохладцей по набережной, нагруженные до зубов пакетами и книгами. Навстречу им двигался поток возвращавшихся домой людей. В конце концов их остановил полицейский патруль, и любезный констебль объяснил им, что они уже ничего не увидят. Бенгт, изящно размахивая сигарой, заверил его, что им, конечно, смотреть нечего - ведь они сами отправляются на плоту.

- Вряд ли, - снисходительно сказал констебль. - "Кон-Тики" ушел час назад.

- Это невозможно! - закричал Эрик, потрясая одним из пакетов. - Вот же фонарь!

- Ведь он штурман, - заметил Бенгт, - а я - заведующий хозяйством.

Все же они добрались до пристани. Плоты не было. В ужасе забегали они взад и вперед по молу, где встретили и остальных членов экспедиции, также тщетно разыскивавших исчезнувший плот. В конце концов к ним подошла шлюпка, и мы все шестеро собрались вместе. "Гуардиан Рио" повел плот в море, и вокруг него запенилась вода.

Был уже вечер, когда мы тронулись в путь. "Гуардиан Рио" должен был остаться с нами до утра и вывести нас за линию прибрежных вод.

Сразу же за молом навстречу нам поднялись высокие волны, и все лодочки, провожавшие нас, стали одна за другой возвращаться назад. Лишь несколько больших яхт сопровождало нас до выхода из бухты, желая, по-видимому, посмотреть, как пойдут у нас дела в открытом море.

"Кон-Тики" следовал за буксиром подобно упрямому козлу, которого тащат на веревке: он то и дело зарывался носом в бурное море, и волны перекатывались через борт. Но по сравнению с тем, что нас ожидало впереди, море можно было считать сейчас спокойным. Когда мы были уже на середине бухты, трос лопнул и начал медленно погружаться в море, а буксир как ни в чем не бывало продолжал свой путь. Мы все свесились за борт плоты, стараясь изловить трос, а яхты бросились в погоню за "Гуардиан Рио". По обеим сторонам плоты качались на волнах огромные, величиной с умывальный таз, медузы; они покрыли весь трос скользкой, желеобразной жгучей массой. Плот поднимался на волнах, и тогда мы, лежа на животе на его краю, протягивали руки над водой и дотрагивались пальцами до скользкого конца. Но затем плот опускался, и мы с головой погружались глубоко в воду, а соленые волны и гигантские медузы свободно перекатывались через наши спины. Мы отплевывались, ругались, вытаскивали из волос куски медуз, но когда буксир все же вернулся, оборвавшийся конец был уже выловлен и его можно было связывать.

Мы только-только собрались забросить наш конец троса на буксир, как вдруг плот начало затягивать под корму буксира, и первая большая волна могла расколотить нас о него вдребезги. Мы немедленно все бросили и принялись, пока было не поздно, отталкиваться веслами и бамбуковыми шестами. Но все было напрасно: в тот момент, когда мы были во впадине между волнами, корма буксира нависала высоко над нами и до нее нельзя было дотянуться; когда же набежавшая волна нас поднимала, "Гуардиан Рио" погружался всей кормой в воду и мог свободно нас раздавить, если плот под него затянет. Экипаж буксира тем временем бегал по палубе и кричал. Но вот наконец винты заработали с нашей стороны, и это дало нам возможность в последнюю минуту выбраться из-под буксира. Нос плота все же получил несколько сильных ударов, и крепления его сдвинулись, но потом все обошлось.

- После такого дьявольского начала конец должен быть хорошим, - заметил Герман. - Вот только бы поскорее закончилась буксировка... пока плот еще цел.

Всю ночь мы медленно шли за буксиром, и всего было только один или два небольших толчка. Яхты уже давно простились с нами, и последний маяк исчез за кормой. Только вдали промелькнули огни каких-то судов. Всю ночь мы несли вахту, не спуская глаз с троса, и хотя по очереди, но все же хорошо всхрапнули... Когда забрезжило раннее утро, побережье Перу было скрыто от нас густым туманом, а впереди в западном направлении над нами простиралось ярко-голубое небо. Набегавшие небольшие волны курчавили гладкую поверхность моря, а одежда, бревна и все вещи были влажными. Становилось прохладно. Окружавшие нас массы зеленой воды оказались неожиданно холодными, хотя мы находились на 120 южной широты. Здесь проходило холодное течение Гумбольдта, которое начиналось у берегов Антарктики, шло на север вдоль побережья Перу и южнее экватора поворачивало на запад. Именно здесь Писарро, Сарате и другие испанцы впервые встретили большие парусные плоты инков, которые выходили на 50-60 морских миль в море на ловлю тунца и золотой макрели в самом течении Гумбольдта. Днем здесь дули ветры с суши, а по вечерам ветер менял направление и дул к берегу, помогая тем, кто хотел вернуться домой.

Буксир лег в дрейф, предварительно убедившись, что плот находится от него на должном расстоянии; мы спустили на воду маленькую резиновую лодку. Она заплясала на волнах, как футбольный мяч, и понесла Эрика, Бенгта и меня к "Гуардиан Рио". Вскоре мы уже поднимались по веревочной лестнице на его палубу. Бенгт опять превратился в переводчика,

и с его помощью капитан точно отметил наши координаты. Мы находились на расстоянии 50 морских миль к северо-западу от Кальяо, и нам посоветовали в течение нескольких ночей зажигать фонари, чтобы нас не затопило какое-нибудь каботажное судно. Дальше уже не будет никаких судов - в этой части Тихого океана не было регулярных судоходных линий.

Мы торжественно простились со всем экипажем буксира. Много недоуменных взглядов провожало нас, пока мы спустились в резиновую лодку и заныряли обратно к "Кон-Тики". Тридцать пять человек экипажа на буксире "Гуардиан Рио" стояли у борта и махали нам, пока мы не скрылись. А шесть человек на плоту сидели на ящиках и пристально следили за удалявшимся буксиром. И лишь когда черная полоска дыма полностью растворилась и исчезла за горизонтом, мы покачали головами и посмотрели друг на друга,

- До свидания, до свидания! - сказал Турстейн - Пора, ребята! Запускайте мотор.

Мы рассмеялись и подняли вверх палец, чтобы узнать, откуда дует ветер. Легкий ветерок изменился; раньше он дул с юга, а теперь его направление было с юго-востока. Мы подняли бамбуковую рею с большим четырехугольным парусом. Он сразу же бессильно поник, лицо Кон-Тики покрылось морщинами и выразило явное недовольство.

- Старик недоволен, - заметил Эрик. - Ветры были покрепче в дни его юности.

- Похоже на то, что мы не трогаемся с места, - возразил Герман и бросил за борт у носовой части бальзовую щепку.

Раз... два... три... тридцать девять... сорок... сорок один. Щепка все еще была около плота, она не проплыла и половины пути от носа до кормы.

- Она составит нам компанию в переходе через океан, - оптимистически решил Турстейн.

- Надеюсь, что вечерний бриз не понесет нас обратно, - заметил Бенгт. - Вряд ли церемония встречи в Кальяо будет такой же торжественной, как проводы.

Щепочка поравнялась наконец с кормой плота. Мы прокричали "ура" и принялись убирать и привязывать все, что было в беспорядке навалено на палубу в последнюю минуту.

Бенгт разжег в пустом ящике примус, и вскоре мы лакомились горячим шоколадом с кексом и свежими кокосовыми орехами. Бананы не были еще достаточно спелыми.

- Лишений терпеть мы не будем, - посмеиваясь; сказал Эрик, разгуливая по плоту. На нем были широкие штаны из овечьей шкуры,

большая индейская шляпа, и на плече сидел попугай. - Что мне не нравится, - продолжал он, - так это все малоизвестные течения, которые могут выбросить нас на прибрежные скалы, если мы и дальше будем так полеживать на одном месте.

Мы принялись обсуждать возможность идти на веслах и решили, что следует все же подождать попутного ветра.

И ветер наконец подул. Он дул с юго-востока спокойно, но все набирая и набирая силу. Он надул парус, который выгнулся, как вздымающаяся грудь, голова Кон-Тики выразила воинственный задор. "Кон-Тики" двинулся. Мы закричали: "Вперед, на запад, на запад!", натянули шкоты ^[19] и закрепили рею. Затем спустили в воду кормовое весло и начали вахты. С носовой части плота мы бросали в воду клочки бумаги, щепочки и с часами в руках ждали их появления у кормы.

Раз... два... три... восемнадцать... девятнадцать- есть!

Бумажки и щепки проплывали мимо кормового весла и вскоре, подобно жемчужному ожерелью, качались на волнах далеко за кормой. Метр за метром мы двигались вперед. Нельзя было сказать, что "Кон-Тики" бороздил море с такой же легкостью, как остроносая гоночная шлюпка. Тупорылый и широкий, тяжелый и массивный, он степенно шлепал вперед по волнам. Он не торопился, но, придя в движение, продолжал продвигаться с непоколебимой энергией.

Рулевое устройство сразу же причинило нам много забот. Наш плот был построен так, как его описывали испанцы, но никто не мог дать нам совета и практических указаний о вождении индейского плота. Эксперты на берегу тщательно обсуждали эту проблему, но безрезультатно. Они знали столько же, сколько и мы. Когда юго-восточный ветер посвежел, возникла необходимость держать плот по такому курсу, чтобы парус надувался с кормы. Если плот слишком резко поворачивался бортом к ветру, то парус немедленно выворачивался и со страшной силой бил по грузу, людям и бамбуковой хижине; плот же тогда- шел дальше вперед кормой. Для нас начиналась адская работа. Трое боролись с парусом, а трое старались изо всех сил повернуть длинным кормовым веслом плот носом вперед, чтобы ветер дул в корму. Как только нам это удавалось, рулевому приходилось не зевать, чтобы вся история не началась сначала.

Шестиметровое кормовое весло свободно ходило в уключине па огромном чурбане на корме. Таким же кормовым веслом пользовались наши темнокожие друзья, когда они сплавляли в Эквадоре бревна по реке. Длинный шест из мангрового дерева был твердым, как сталь, и таким тяжелым, что, упав за борт, сразу бы затонул. На конце шеста была

закреплена широкая лопасть из сосновой доски. Нам приходилось напрягать все силы, чтобы удержать весло, когда на него обрушивались волны. Пальцы сводила судорога от усилия, которое приходилось делать, чтобы удержать весло в вертикальном положении. Наконец мы догадались привязать к шесту кормового весла поперечную планку; получилось нечто вроде рычага, при помощи которого мы могли удерживать весло в нужном положении. А ветер тем временем все крепчал и крепчал.

Во второй половине дня пассат дул уже в полную силу. Он взбороздил океан бурными волнами, которые набрасывались на нас с кормы. И только тут мы впервые поняли, что имеем дело с самим океаном, дело очень серьезное, а с берегом никакой связи нет. Все зависело сейчас от бальзового плота и его мореходных качеств в открытом океане. Мы знали, что для нас больше нет берегового ветра, нет и возможности вернуться обратно. Мы попали в полосу пассатов, которые будут с каждым днем уносить нас все дальше и дальше. Оставалось одно: идти вперед полным ходом в море; если даже мы и попробовали бы повернуть назад, то нас потянет все-таки обратно в море. Курс у нас был только один - тот самый курс, на который мы легли, когда ветер дул с кормы, а нос смотрел на запад. Но ведь и цель нашего плавания - следовать все время за солнцем, что, как я думал, некогда сделали Кон-Тики и древние поклонники солнца, когда их сбросили из Перу в море.

С облегчением и торжеством смотрели мы, как плот преодолевал первые наступавшие на него грозные волны. Тут же выяснилось, - что рулевой не мог сдерживать кормовое весло: ведь ревущие волны обрушивались на него и вырывали его из уключины или сбивали в сторону. Рулевой летал вместе с ним, как беспомощный акробат. Даже двое не могли удержать весла, когда волны обрушивались на корму. У нас не было другого выхода, как закрепить весло с двух сторон оттяжками. Одновременно мы привязали его канатами в уключине. Тем самым мы ограничили свободу действий весла и могли уже не бояться самых больших волн, только бы, конечно, самим удержаться на палубе.

Ложбины между волнами становились все глубже и глубже, и было совершенно ясно, что мы попали в самую быструю часть течения Гумбольдта. Несомненно, что причиной волнения был не ветер. Нам давало о себе знать морское течение. Вода была зеленой и холодной, зубчатые цепи перуанских гор скрылись за кормой в густых облаках. Наше первое единоборство с силами природы началось, когда подкрались сумерки. Мы все еще не доверяли морю и не знали, будет ли оно другом или врагом, когда мы окажемся с ним с глазу на глаз. Тьма окончательно поглотила нас,

и мы услышали грозный рев моря. Нас оглушил свистящий вой идущей на нас волны, и мы увидели быстро надвигающийся высокий пенистый вал высотой с нашу хижину. Мы судорожно вцепились в весло и беспомощно стали ждать, когда водяная глыба обрушится на нас и на плот. Но каждый раз нас ожидал сюрприз, и мы облегченно вздыхали. "Кон-Тики" слегка приподнимал свой нос и спокойно, тихо вползал на гребень волны, а вода скатывалась вдоль его бортов. Затем мы опускались во впадину между волнами и ожидали следующего вала. Самые большие волны, шли, как правило, одна за другой, по две или три сразу, между ними катилось несколько небольших волн. И лишь только тогда, когда две большие волны набегали сразу одна за другой, последняя обрушивалась на плот, а первая еще держала в воздухе его корму. Поэтому было совершенно необходимо обмотать бечеву вокруг туловища рулевого и закрепить ее прочно за плот. Ведь поручней на плоту не было. Рулевой должен был следить за тем, чтобы ветер дул с кормы, а нос смотрел прямо в море. Мы укрепили на ящике на корме старый компас со спасательной лодки, и Эрик проверял правильность курса, определял местонахождение и скорость хода плота. Мы не знали, где находимся: небо было покрыто облаками, а горизонт - сплошным хаосом волн. Вахту у кормового весла несли двое, и им приходилось напрягать все силы в борьбе с прыгающим рулем; остальные члены экипажа пытались тем временем хоть немного уснуть в открытой хижине. Когда на плот надвигалась гигантская волна, вахтенные оставляли весло, надеясь на канатные оттяжки, а сами бросались к торчавшему из крыши хижины бамбуковому шесту и крепко хватались за него. Массы воды обрушивались на корму и исчезали между бревнами. Тогда вахтенные спешили обратно к веслу, чтобы схватить его, прежде чем вывернется парус и повернется плот. Часто волны били в бок плота и заливали хижину. Когда же волны шли с кормы, то они мгновенно исчезали между бревнами и редко достигали стен хижины. Преимущества плота были очевидны. Через круглые бревна кормы вода уходила, как через решето, и чем больше было дыр, тем было лучше.

В полночь мы увидели сигнальные огни судна, шедшего на север. Около трех часов ночи в том же направлении прошло еще одно судно. Мы размахивали керосиновым фонарем и подавали сигналы электрическими карманными фонариками, но они нас не видели, и огни медленно прошли и скрылись в северном направлении. На борту парохода вряд ли кто мог подумать, что вблизи на волнах качается настоящий плот инков. Мы на плоту также не думали, что это были последние суда и последние люди, которых мы встретили за время перехода через океан.

Подобно пиявкам присасывались мы во мгле к кормовому веслу и чувствовали, как холодная вода стекает с волос, а весло тем временем трепало нас взад и вперед, руки немели от напряжения. В течение первых дней и ночей мы прошли хорошую школу - из сухопутных крыс мы превратились в моряков. В первые сутки мы установили двухчасовую вахту у кормового весла, после которой полагалось три часа отдыха; через каждый час новый вахтенный сменял вахтенного, отдежурившего два часа. Во время вахты приходилось напрягать до предела все мускулы, чтобы держать нужный курс. Устав поворачивать кормовое весло, мы переходили на другую сторону и просто тянули его; а когда слабели руки и начинала болеть грудь, мы толкали его спиной. У нас были в синяках и грудь и спина. Когда наконец приходила смена, мы полуобморочном состоянии ползли в бамбуковую хижину, привязывали к ноге веревку и мгновенно засыпали в промокшей от морской воды одежде, не добравшись до спальных мешков; но в тот же момент кто-то дергал за ногу: три часа прошли, как сказка, надо было снова выходить на корму и сменять одного из вахтенных у весла.

Следующая ночь была еще хуже: волны, вместо того чтобы утихнуть, вздымались все выше и выше. Двухчасовая борьба с кормовым веслом оказалась для нас непосильной - во вторую половину вахты мы выбились из сил. Волны шутя перекатывались на палубу и швыряли нас из стороны в сторону. Тогда мы перешли на одночасовую вахту и полуторачасовой отдых. В неустанной борьбе с непрерывно наступавшими грозными волнами прошли первые шестьдесят часов. Волны всевозможных видов - высокие и низкие, остроконечные и закругленные, одна волна на вершине другой - бросались на нас. Хуже всех чувствовал себя Кнут. Мы освободили его от вахты. Он страдал морской болезнью и через равные промежутки времени приносил жертву Нептуну. Обычно он лежал в углу каюты и молча страдал. Попугай сидел нахохлившись в клетке. Каждый раз, когда плот неожиданно подбрасывало и волны глухо ударяли в стенку, обращенную к корме, он повисал на жердочке, стучал клювом и хлопал крыльями. "Кон-Тики" качало не очень сильно. Он выносил волны намного лучше, чем любое другое судно таких же размеров, но невозможно было предугадать, в какую сторону в следующий раз накренится палуба. Килевая и бортовая качка непрерывно сменялась, и мы поэтому не могли выработать у себя уверенную походку моряков.

На третью ночь море несколько утихло, хотя ветер был все еще сильный. Около четырех часов ночи, прежде чем вахтенный успел принять необходимые меры, из тьмы внезапно со свистом налетел ветер и повернул

плот кормой вперед. Парус так замолотил по хижине, что чуть не лопнул и не развалил наш дом, Все мы выскочили на палубу спасать груз и, ухватившись за все канаты и шкоты, пытались повернуть плот на нужный галс^[20], чтобы парус надулся и мирно выполнял свое назначение.

Но плот отказался повиноваться. Он хотел идти кормой вперед - и баста. Мы тянули, натягивали и гребли изо всех сил, но единственным результатом было лишь то, что двоих из нас захлестнуло в темноте парусом и чуть было не сбросило за борт... Море наконец стало как будто стихать. Закоченевшие и измученные, с руками, покрытыми ссадинами, и со слипавшимися от бессонницы глазами, мы совсем ослабели. Следовало, невидимому, поберечь силы на случай, если погода станет хуже. Как знать, что еще будет? Мы спустили парус и завернули его вокруг бамбуковой реи. "Кон-Тики" лег против волны и запрыгал, как пробка. Мы крепко привязали все, что было на палубе, забрались все шестеро в маленькую бамбуковую хижину, прижались друг к другу и уснули как убитые.

Нам и в голову не приходило, что наши самые трудные вахты остались позади. И лишь только далеко-далеко в море мы постигли простой, но в то же время гениальный способ инков управлять плотом.

Мы проснулись, когда уже давным-давно было утро. Попугай свистел, кричал и прыгал по жердочке взад и вперед. Море по-прежнему бушевало, но волны были не такие косматые и дикие, как накануне, они казались круглее и ровнее. Первое, что мы заметили, был солнечный луч, пробивавшийся сквозь бамбуковый потолок хижины и придававший всему веселый и радостный вид. Что нам было до того, что волны кипели и бурно вздымались! Они не трогали нас на плоту. Какое значение имело то, что они дыбились перед самым нашим носом, если мы знали, что плот в одно мгновение, как каток, взберется и скатится со вспенившегося гребня! Огромная грозная водяная гора только поднимет его на себе и пройдет с ворчаньем у нас под ногами. Древние перуанские мореходы знали, что они делали; они не строили для дальних плаваний суда с полым корпусом, который могла залить вода, они не строили также длинных судов. Их плоты преодолевали волны одну за другой. По правде говоря, наш бальзовый плот походил на дорожный каток из пробки.

В полдень Эрик определил высоту солнца над горизонтом и установил, что наряду с движением вперед под парусом нас сильно сносило к северу, вдоль берега. Мы все еще находились в течении Гумбольдта, примерно на расстоянии 100 морских миль от берега. Наибольшую угрозу представляли для нас предательские завихрения течения к югу от островов Галапагос. Они могли быть роковыми для нас, если бы мы попали в них. Сильные

морские течения могли подхватить наш плот и унести его к берегам Центральной Америки, швыряя во все стороны. Мы же рассчитывали повернуть вместе с главным потоком течения на запад до того, как нас понесет севернее к островам Галапагос. Ветер по-прежнему дул с юго-востока.

Мы подняли парус, повернули плот носом в море и вновь установили вахтенное дежурство у кормового весла.

Кнут оправился от морской болезни и вместе с Турстейном взбирался на верхушку качающейся мачты, где они пытались установить таинственные радиоантенны, пользуясь воздушными змеями и шарами. Однажды один из них закричал из радиоугла нашей хижины, что он слышит обращенные к нам позывные военно-морской радиостанции в Лиме. Нам передавали, что с побережья летит самолет американского посольства. С нами хотели еще раз проститься и посмотреть, как мы чувствуем себя на море.

Вскоре мы установили прямую связь с самолетом и совершенно неожиданно обменялись несколькими словами с секретарем экспедиции Гердой Вулд, которая находилась на борту самолета. Мы сообщили, насколько могли точно, наши координаты и беспрестанно посылали в эфир пеленгаторные сигналы. Самолет "ARMY-119" то приближался, то удалялся, и голос в эфире то слабел, то становился отчетливее. Но мы так и не услышали шума моторов и не увидели самолета. Найти среди волн маленький плот было не так легко, а наше собственное поле зрения было весьма ограничено. В конце концов самолет бросил поиски и вернулся обратно. Это была последняя попытка связаться с нами.

В последующие дни море по-прежнему было бурным, волны с шипеньем набегали с юго-востока, но интервалы между ними были больше и управлять плотом стало значительно легче. Ветер и волны ударяли с левой стороны плота, волны реже и реже перекачивались через рулевого, а плот лежал на заданном курсе и не вертелся. С напряженным вниманием следили мы за тем, как юго-восточный пассат и течение Гумбольдта с каждым днем относили нас все дальше и дальше, к встречным течениям у островов Галапагос. Мы стремительно шли на северо-запад, проходя в среднем в сутки 55-60 морских миль; а однажды поставили рекорд - прошли за день 71 морскую милю, то есть более 130 километров.

- А как на островах Галапагос - хорошо? - спросил осторожно Кнут и посмотрел на карту, испещренную отметками координат местонахождения нашего плота. Они были похожи на палец, угрожающе указывавший на заколдованные острова.

- Вряд ли, - ответил я. - Говорят, что незадолго до открытия Колумбом Америки вождь инков Тупака Юпанки отплыл из Эквадора на острова Галапагос. Но ни он, ни другие индейцы там не остались: на этих островах нет воды.

- Чудесно! - сказал Кнут. - Ну и мы пошлем к черту эти острова, как те инки.

Мы в конце концов так привыкли к морю, что не обращали на него никакого внимания. Что нам было до того, что под нами тысячи морских саженей воды, если плот и мы все время находились на поверхности? Но все же возникал серьезный вопрос: как долго мы еще продержимся на поверхности? Не подлежало сомнению, что бальзовые деревья поглощали воду. Хуже всего обстояло дело с поперечным бревном на корме. Мы могли вдавить почти полпальца в грибоподобную древесину, и вмятина заполнялась водой. Не говоря никому ни слова, я отщепил кусочек от пропитанного водой бревна и бросил его в море. Он пошел медленно ко дну. Позже я заметил, что и другие проделывают то же самое, думая, что никто этого не видит. Затаив дыхание, следили они, как насыщенный водой кусочек дерева медленно погружается в зеленую воду. Перед отплытием мы нанесли на плоту ватерлинию^[21], но в бурном море было невозможно определить осадку плота.

Бревна были то глубоко в воде, то высоко в воздухе. Мы воткнули нож в одно из бревен и, к своей радости, обнаружили, что на глубине приблизительно одного дюйма древесина была сухой. Мы высчитали, что если плот будет и дальше поглощать воду с такой же быстротой, то он поплывет под водой как раз к тому времени, когда мы надеялись увидеть землю. Однако мы тут же решили, что древесный сок воспрепятствует дальнейшему поглощению воды.

В первые недели путешествия над нашими головами висела еще одна угроза - тросы. Мы о них не думали днем, все были сильно заняты; но когда наступала темнота и мы залезали в свои спальные мешки в хижине, у нас было больше времени думать, чувствовать и слушать. Мы лежали на набитых травой матрацах и чувствовали, как камышовая циновка поднималась и опускалась под нами вместе с бревнами.

Двигался плот, двигались также и бревна, каждое само по себе. Одно поднималось, другое тихо и медленно опускалось. Конечно, двигались они не так уж сильно, но казалось, что мы лежим на спине какого-то большого, глубоко дышащего животного. Поэтому мы решили лечь вдоль стволов. Хуже всего было в первые две ночи, но мы были так утомлены, что не обратили на это внимания. Позже тросы пропитались водой, они

немного сели, и девять бревен начали вести себя несколько спокойнее. Но все же на плоту мы никогда не имели ровной поверхности. Она никогда не была спокойной. Бревна двигались вверх, вниз, во всех пазах и соединениях, и все предметы, находившиеся на них, также все время то опускались, то поднимались. Бамбуковая палуба, двойная мачта, плетенные из расщепленного бамбука стенки хижины, покрытая листьями крыша - все было принайтовано, скреплено и перевязано лишь канатами и поэтому двигалось в различных направлениях. Это почти не замечалось, но это было так. Если один угол хижины поднимался, то другой в то же время опускался; и если в одной половине крыши бамбуковые стволы устремлялись вперед, то в другой части они откидывались назад. И когда мы смотрели через входное отверстие, то движение становилось еще более заметным: казалось, медленно вращалось небо, а волны старались его лизнуть.

Все давило на крепления. Всю ночь напролет мы слышали, как они скрипели и стонали, визжали и терлись. Казалось, что какой-то хор пел жалобную песню, хор, в котором у каждого каната был свой голос, в зависимости от того, какой толщины он был и как крепко был натянут. Каждое утро мы тщательно проверяли канаты. Осматривали канаты и под плотом: один из нас погружал голову в воду над краем плота, а двое других держали его крепко за ноги.

Но крепления не сдавали. Моряки утверждали, что они выдержат всего две недели. Вопреки их единодушным предсказаниям, мы нигде не видели ни малейших признаков износа тросов, и лишь когда мы были далеко в море, нашли этому объяснение. Бальзовая древесина была настолько мягкой, что тросы не терлись об нее, а медленно в нее впивались и таким образом были защищены от износа.

Через восемь дней после нашего старта волны несколько улеглись, и мы заметили, что зеленое море стало синим. И если раньше мы шли на норд-вест, то теперь плот лежал на курсе вест-норд-вест; по нашему мнению, это было первым слабым указанием на то, что мы выходим из прибрежного течения, и у нас появилась некоторая надежда выйти в океан. Уже в первый день, когда буксир ушел и мы остались одни, мы заметили стайки рыб вокруг плота, но управление доставляло нам слишком много забот и нам было не до рыбной ловли. На другой день мы врезались в косяк сардин, а вскоре показалась голубая акула длиной около 8 футов; она перевернулась, блеснув белым брюхом, и потерлась о корму, на которой стояли у руля голоногие Герман и Бенгт. Затем она сделала несколько кругов вокруг плота и скрылась, как только мы достали гарпун.

На следующий день нас навестили тунцы, бонито и золотые макрели. На палубу упала летучая рыбка; мы воспользовались ею, как приманкой, и моментально поймали две золотые макрели, весом по 10-15 килограммов каждая, обеспечив себя едой на несколько дней. Во время вахту с кормового весла мы часто наблюдали совершенно неизвестных нам рыб, а однажды попали в стаю дельфинов, которым, казалось, не было числа. Море кишело черными спинами. Тесно сгрудившись, они плыли рядом с плотом. Насколько доставал глаз с верхушки мачты, мы видели дельфинов, выскакивающих из воды то здесь, то там. Мы все ближе подходили к экватору и все больше удалялись от берега, и все больше попадалось нам летучих рыб. Наконец вокруг раскинулось залитое солнцем величественное ярко-синее море, катившее свои волны, время от времени подергиваясь рябью от порывов ветра. Летучие рыбы дождем блестящих снарядов вырывались из воды, уносились вперед и, исчерпав силы, исчезали в волнах.

Стоило только выставить ночью на палубу зажженный керосиновый фонарь, как со всех сторон мчались на огонек большие и маленькие летучие рыбы. Часто они натыкались на бамбуковую хижину или парус и беспомощно падали на палубу. Находясь вне своей родной стихии - воды, - они не могли взять разгон, чтобы подняться в воздух, и лежали на палубе, беспомощно трепыхаясь, похожие на пучеглазых сельдей с длинными узкими плавниками. Иногда с палубы раздавался взрыв крепких слов - это выпрыгнула из воды летучая рыба и на большой скорости шлепнула по лицу пострадавшего. Они мчались обычно как оглашенные и если попадали в лицо, то оно сразу начинало гореть и щипать. Но потерпевшая сторона скоро забывала об этом не спровоцированном нападении. Ведь это и было, несмотря на все превратности, романтикой моря - со всеми его дарами, с восхитительными блюдами из рыбы, прилетавшей прямо на стол. Мы жарили летучих рыб на завтрак; и то ли это зависело от рыб, то ли от повара и нашего аппетита, но по вкусу они напоминали нам форель.

Первой обязанностью кока, когда он просыпался, было обойти плот и собрать всех летучих рыб, которые за ночь приземлились на нашей палубе. Обычно мы находили около полудюжины рыб, а однажды утром собрали двадцать шесть штук. Кнуту пришлось один раз очень расстроиться: он готовил завтрак и поджаривал хлеб, а летучая рыба, вместо того чтобы попасть прямо на сковородку, ударилась об его руку.

Свою истинную близость с морем мы полностью осознали лишь тогда, когда Турстейн, проснувшись в одно прекрасное утро, нашел на подушке сардинку. В хижине было так тесно, что Турстейн клал подушку в дверях и

кусал за ногу всякого, кто, выходя ночью из хижины, нечаянно наступал ему на лицо. Он схватил сардинку за хвост и дал ей самым наглядным образом понять, что питает глубокую симпатию ко всем сардинам: он отправил ее на сковородку. Мы постарались убрать подальше свои ноги и предоставили Турстейну на следующую ночь больше места; но тогда произошло событие, которое вынудило Турстейна устроиться спать на гряде кухонной утвари, сложенной в радиоуглке.

Это произошло несколькими ночами позже. Было облачно и очень темно. Турстейн поставил керосиновый фонарь около головы, с тем чтобы ночные дежурные видели, куда они ступают, когда выходят из хижины или входят в нее. Около четырех часов ночи Турстейн проснулся от того, что фонарь упал и что-то мокрое и холодное шлепало по его ушам. "Летучая рыба", подумал он и протянул в темноту руку, чтобы сбросить ее. Но он схватил что-то длинное и скользкое, извивавшееся подобно змее, и моментально выпустил, потому что почувствовал ожог. Пока Турстейн пытался зажечь фонарь, невидимый ночной гость прыгнул прямо к Герману. Герман немедленно вскочил, разбудил меня, причем я решил, что к нам забрался кальмар, разгуливающий по ночам в этих водах. Наконец мы зажгли фонарь и увидели торжествующего Германа, державшего за голову длинную, тонкую рыбу, которая, как угорь, извивалась в его руке. Рыба была около одного метра длиной, узкая, как змея, с черными глазами, удлинённой мордой и челюстями, усеянными острыми, как бритва, зубами, которые могли отгибаться назад, чтобы легче было проглатывать добычу. Герман сильно сдавил свою добычу, и внезапно из желудка, вернее - из пасти, хищницы выскочила пучеглазая рыбка длиной около 20 сантиметров, а несколько минут спустя вторая, точно такая же. Это были, бесспорно, глубоководные рыбки, сильно пострадавшие от зубов рыбы-змеи. Тонкая кожа этой рыбы была голубовато-фиолетовой на спине и серовато-синей на брюшке, и она отставала клочьями, когда мы к ней прикасались.

Поднятый нами шум разбудил наконец Бенгта. Мы поднесли рыбу-змею к самому его носу. Он сел сонный в своем спальном мешке и важно сказал:

- Нет, таких рыб на свете не бывает.

После этого он спокойно повернулся на другой бок и заснул.

Бенгт был недалек от истины. Позже мы узнали, что мы, шестеро, находившиеся той ночью в бамбуковой хижине около керосинового фонаря, были первыми людьми, увидевшими эту рыбу живой. До этого на побережье Южной Америки и на островах Галапагос находили иногда

скелеты рыбы, похожей на эту. Ихтиологи называют ее *Gempylus*, или макрель-змея, и полагают, что она живет на дне моря на больших глубинах, так как никто не видел ее живой. Но если она и скрывается на больших глубинах, то, по всей вероятности, только днем, когда солнце слепит ее большие глаза. В темные ночи макрель-змея всплывает на поверхность моря, и нам пришлось в этом убедиться.

Неделю спустя после того, как необыкновенная рыба забралась в спальный мешок Турстейна, к нам явился еще один гость. Это опять случилось в четыре часа утра.

Было темно, молодой месяц уже зашел, и только звезды мерцали на небосклоне. Управлять плотом было легко, и к концу своей вахты я решил пройтись по плоту и проверить, все ли в порядке. По обычаю вахтенных, я обвязался вокруг пояса бечевой. С керосиновым фонарем в руке я начал осторожно обходить мачту по самому крайнему бревну. Бревно было мокрое, скользкое, и я сильно рассердился когда кто-то сзади неожиданно схватил меня за бечеву и дернул так сильно, что я чуть не потерял равновесия. Я в бешенстве обернулся и осветил корму фонарем, но ни одной живой души не было видно. Кто-то снова дернул за бечеву, и тогда я увидел на палубе что-то извивающееся и блестящее. Это опять была макрель-змея, которая так сильно вцепилась зубами в бечеву, что освободить ее я смог, только сломав рыбе несколько зубов. По всей вероятности, свет от фонаря поблескивал на извивах белой веревки, и наша гостья из морских глубин прыгнула в надежде схватить очень длинную и особо лакомую добычу. Она кончила свои дни в банке с формалином.

Много неожиданностей таит в себе океан для тех, кто живет в помещении, пол которого находится почти на одном уровне с морем, кто бесшумно и медленно скользит по его поверхности. Один охотник с шумом пройдет по лесу и, вернувшись домой, скажет, что ни один зверь ему не попался. Другой же тихонько сядет на пенек и будет терпеливо ждать, и зачастую вокруг него что-то зашуршит и зашелестит и мелькнут чьи-то любопытные глаза. То же самое происходит и на море. Обычно мы идем по морю под шум и стук поршней, и за нами вырастают пенящиеся буруны. Поэтому, возвращаясь, мы говорим, что в открытом море не на что смотреть.

Мы же на плоту скользили по самой поверхности моря, и не проходило ни одного дня без того, чтобы нас не навещали любопытные жители океана, которые извивались и кружили вокруг нас, а некоторые из них - золотые макрели и рыбы-лоцманы - вели себя совсем бесцеремонно и почти на всем протяжении плавания следовали за нами, день и ночь

кружась вокруг плота.

Наступала ночь, на темном южном небе загорались яркие звезды, и тогда море вокруг нас начинало светиться, соперничая в своем блеске с далекими звездами; а светящиеся планктонные организмы были так похожи на раскаленные угольки, что мы невольно отдергивали голые ноги, когда набежавшая волна заливала корму и яркие огоньки вспыхивали около нас. Мы поймали несколько таких огоньков и увидели, что это были маленькие, ярко светящиеся рачки, вроде креветок. В такие ночи нас иногда пугали два больших круглых светящихся глаза, которые внезапно появлялись из глубины моря вблизи плота и пристально, как бы гипнотизируя, смотрели на нас. Казалось, что это сам морской черт. Обычно это были огромные кальмары, колыхавшиеся на волнах, и их зеленые сатанинские глаза светились во мраке подобно фосфору. Иногда такие светящиеся глаза принадлежали глубоководной рыбе, которая поднималась со дна моря только ночью и, привлеченная светом, шевелясь, глазела на фонарь. Несколько раз, когда море было тихим, в темной воде вокруг плота неожиданно появлялось множество круглых голов диаметром в 2-3 фута. Они лежали неподвижно и пожирали нас своими большими пылающими глазами. Бывали также ночи, когда мы видели в глубине моря большие шары, диаметром в один метр и больше, которые то вспыхивали, то угасали, как будто кто-то зажигал и гасил электрический свет.

Постепенно мы привыкли к тому, что у нас под ногами живут всевозможные подземные или, вернее, подводные твари, но тем не менее мы каждый раз удивлялись появлению какого-нибудь невиданного существа. Однажды, около двух часов ночи, когда небо было затянуто облаками и рулевой не мог отличить черное небо от черного моря, он заметил в воде тусклое мерцание, которое постепенно приняло очертания большого животного. Трудно сказать, то ли это светился прилипший к телу животного планктон, то ли у него самого была фосфоресцирующая поверхность - во всяком случае, свечение придавало призрачному животному неясные и беспрестанно меняющиеся формы. То оно казалось кругловатым, то овальным и даже треугольным, то вдруг оно делилось пополам, и обе части плавали под плотом взад и вперед независимо одна от другой. В конце концов вокруг плота медленно плавали три таких огромных светящихся призрака. Это были настоящие чудовища, только видимая их часть имела 6-метровов в длину.

Мы, разумеется, все выбежали на палубу и с интересом следили за танцем призраков. Проходили часы, а они все следовали за плотом. Таинственные и бесшумные светящиеся провожатые все время плыли под

водой, большей частью у правого борта, где был фонарь, но иногда они ныряли под плот или шли с левого борта. Судя по светящимся спинам, эти животные были больше слонов, но они, во всяком случае, не были китами: они ни разу не всплывали подышать. Может быть, это были гигантские скаты, очертания которых менялись, когда они поворачивались в воде? Мы держали фонарь у самой поверхности воды, пытаясь выманить их и рассмотреть, но они не обращали на свет никакого внимания. С наступлением рассвета они, как и подобает настоящим привидениям и духам, скрылись в глубинах океана.

Мы так и не получили удовлетворительного объяснения ночному визиту трех светящихся чудовищ, хотя разгадка была, возможно, связана с другим "посещением", происшедшим через тридцать шесть часов, среди бела дня. Это было 24 мая. Неторопливо покачиваясь на волнах, мы шли вперед, находясь примерно у 95о западной долготы и 7о южной широты. Около полудня мы выбросили за борт внутренности двух больших макрелей, пойманных нами на рассвете. Я решил освежиться и лежал в воде, привязанный бечевой, конец которой был закреплен в носовой части плота, и внимательно следил за всем, что происходит вокруг меня. Внезапно я увидел в кристально чистой воде большую коричневую рыбу, длиной около двух метров, которая с назойливым любопытством приближалась ко мне. Я быстро забрался на плот и, греясь в лучах жаркого солнца, посматривал на спокойно проплывавшую мимо меня рыбу. Вдруг до меня донесся громкий боевой клич Кнута. Он сидел на корме за хужиной и орал, пока не сорвал себе голос: "Акула!" Акулы появлялись около плота почти ежедневно и никогда не возбуждали нашего внимания. Поэтому, услышав крик, мы поняли, что случилось что-то необычайное, и бросились на корму на помощь Кнуту.

Кнут сидел на корточках и стирал в море трусики. Случайно подняв глаза, он вдруг увидел перед собой огромную безобразную морду. Такой никто из нас в своей жизни никогда не видел: это была голова настоящего морского чудовища. Огромная и отвратительная, она произвела на нас такое потрясающее впечатление, какого, наверно, не произвел бы и сам морской черт. Широкая и плоская, как у лягушки, голова имела по бокам маленькие глазки и полуметровую жабью пасть, в углах которой свисала и колыхалась бахрома. Голова незаметно переходила в огромное туловище с длинным, тонким хвостом и острым плавником на его конце, говорившим о том, что морское чудовище не было китом. Под водой туловище казалось коричневым, и как оно, так и голова были усеяны небольшими белыми пятнами. Чудовище подходило спокойно, плывя за нашей кормой. Оно

скало зубы, как бульдог, и тихонько помахивало хвостом. Из воды торчал гигантский округлый спинной плавник, а иногда виден был и хвостовой плавник. Когда страшилище попадало в ложбину между двумя волнами, вода кипела и пенилась над его широкой спиной, как у подводного рифа. Прямо перед его широкой мордой плыла, построившись углом, стайка полосатых, как зебры, рыбок-лоцманов, а крупные прилипали и другие паразиты, крепко присосавшиеся к телу чудовища, путешествовали вместе с ним. Все они, вместе взятые, казались курьезной зоологической коллекцией, размещенной вокруг плавучего глубинного рифа.

За кормой на шести больших рыболовных крючках качалась в воде приманка для акул десятикилограммовая золотая макрель. Заметив ее, стайка рыб-лоцманов бросилась к ней, обнюхала приманку, но не тронула, поспешила обратно к своему господину повелителю - морскому царю. Он пустил в ход свою машину и, похожий на механическое чудовище, медленно и неторопливо направился к золотой макрели - просто жалкому кусочку для его пасти. Мы подтянули золотую макрель к корме, и морское чудовище медленно поплыло за ней рядом с плотом. Оно не разжимало челюстей, а лишь слегка подталкивало рыбу рылом, как будто считая ниже своего достоинства разевать пасть для такого ничтожного кусочка. Поравнявшись с плотом, чудовище задело за тяжелое кормовое весло, которое мгновенно вылетело из воды. Мы получили возможность рассматривать животное со столь близкого расстояния, что буквально сошли с ума. Мы хохотали и кричали, вне себя от возбуждения, не сводя глаз с акулы. В этом не было ничего удивительного: трудно было придумать более страшное морское чудовище, чем то, которое внезапно появилось около плота и устало на нас свою ужасающую морду.

Чудовище было китовой акулой, самой большой акулой и самой большой рыбой в мире. Она встречается чрезвычайно редко, но отдельные экземпляры попадают иногда в океанах под тропиком. Гигантские акулы достигают 15 метров в длину и, по утверждению зоологов, весят около 15 тонн. Говорят, что отдельные особи достигают 20 метров длины. Печень загарпуненного детеныша гигантской акулы весила почти 30 килограммов, а в каждой из его огромных челюстей оказалось около 3 тысяч зубов.

Чудовище было таких огромных размеров, что когда оно стало кружить вокруг плота и нырять под него, то голова виднелась с одной стороны, а хвост в это время торчал над водой с другой. Акула имела до того уродливо комичный, вялый и тупой вид, если смотреть на нее в упор, что мы не могли удержаться от смеха, хотя прекрасно понимали, что если бы ей вздумалось напасть на нас, то у нее хватило бы силы разбить своим

хвостом в мелкие щепки наш плот вместе со всеми креплениями. Все меньше и меньше становились ее круги под плотом, а нам не оставалось ничего другого, как ждать, что же будет дальше. Акула вновь нырнула под плот и опять приподняла кормовое весло, и лопасть погладила ее по спине. Мы стояли наготове с ручными гарпунами, которые в сравнении огромным чудищем казались просто зубочистками. Не было никаких признаков, что акула собирается с нами расстаться. Она следовала за нами, как преданный пес, непрерывно описывая круги вокруг плота. Никто из нас не переживал ничего подобного, да никогда и не думал, что с ним может случиться что-либо похожее. Все приключение с морским чудовищем, плывшим то позади плота, то под ним, казалось нам настолько нереальным, что мы не относились к нему серьезно.

Акула кружила вокруг нашего плота около часа; нам же показалось, что этот визит длился почти целый день. Эрик в конце концов не выдержал напряжения. Он стоял на корме с гарпуном длиной в 2,5 метра и, подстрекаемый нашими необдуманными криками, поднял его над головой. Акула медленно проплывала мимо него, и ее широкая голова оказалась как раз под ним. Эрик со всей своей исполинской силой метнул гарпун вниз, в массивную голову хищника. Прошла одна или две секунды, прежде чем акула сообразила, что случилось. В одно мгновение безмятежная рыхлая туша превратилась в гору стальных мускулов. Трос, к которому был прикреплен гарпун, со свистом соскользнул с плота, фонтан воды взлетел в воздух, а громадная акула встала на голову и метнулась на дно моря. Трое из нас, стоявшие близко к акуле, упали, перекувырнувшись, на палубу, причем двоим тросик гарпуна обжег и содрал кожу. Тросик, на котором легко можно было буксировать шлюпку, зацепился за борт плота и лопнул, как тоненькая бечевка, а несколькими секундами позже в двухстах метрах от нас на поверхность моря всплыло сломанное древко гарпуна. В воде рассыпалась стайка испуганных рыбок-лоцманов, предпринявших безнадежную попытку догнать своего властелина и повелителя. Мы долго ждали, что чудовище вернется и стремительно бросится на нас, словно подводная лодка, но мы больше никогда не видели китовой акулы.

Тем временем мы оказались в южно-экваториальном течении, уносившем нас на запад. Мы находились примерно на расстоянии 400 морских миль к югу от островов Галапагос. Нам уже больше не грозила опасность попасть в галапагосские течения, и наше знакомство с группой этих островов ограничилось встречами с огромными морскими черепахами, которые заплывали далеко в океан и передавали нам от них привет. Однажды мы увидели такую морскую черепаху. Лежа в воде, она

отбивалась от кого-то головой с большим плавником. Набежавшая волна подняла ее кверху, и мы увидели в воде под ней что-то зеленое, синее и золотое. Тут мы поняли, что черепаха дерется не на жизнь, а на смерть с золотыми макрелями. Борьба была явно неравной. Двенадцать-пятнадцать большеголовых и ярко крашенных макрелей хватали черепаху то за шею, то за плавники и старались, по всей видимости, измотать ее. Черепаха не может долго держаться на воде, спрятав в панцырь голову и лапы.

Но вот черепаха увидела плот, нырнула и, преследуемая блестящими на солнце рыбами, поплыла прямо к нам. Она вплотную подплыла к плоту и приготовилась было взобраться на него, как вдруг увидела нас. Будь у нас больше опыта, мы могли бы без труда ее поймать, набросив петлю, когда она медленно поплыла рядом с плотом. Но мы стояли и глазели на нее, наконец спохватились и приготовили петлю, но гигантская черепаха уже была впереди носовой части плота. Мы спустили на воду резиновую лодку. Она была ненамного больше щита черепахи, и Герман, Бенгт и Турстейн пустились в своей ореховой скорлупе в погоню за уплывавшей добычей.

Бенгт, который заведовал нашим хозяйством, мечтал уже о различных мясных блюдах, восхитительном супе из черепахи. Но чем быстрее они гребли, тем быстрее плыла черепаха под самой поверхностью воды, и не успела лодка отойти на сто метров от плота, как черепаха бесследно исчезла. Но они, во всяком случае, сделали доброе дело: наша маленькая желтая резиновая лодка, приплясывая на волнах, пошла обратно к плоту и повела за собой всю стаю блестящих золотых макрелей. Они закружились вокруг новой черепахи, а наиболее смелые даже пытались схватить лопасть весла, полагая, по-видимому, что это плавник черепахи. Тем временем мирная морская черепаха ускользнула от своих подводных преследователей.

ГЛАВА ПЯТАЯ НА ПОЛПУТИ

Наша повседневная жизнь и занятия на плоту. Проблема питьевой воды. Тайна картофеля и тыквы. Кокосовые орехи и крабы. Юханнес. Мы плывем в ухе. Планктон. Съедобная флуоресценция. Наши спутники. "Кон-Тики" превращается в плавучую гостиницу. Наследство акул - лосманы и прилипалы. Летящие кальмары. Загадочное посещение. Водолазная корзина. Среди тунцов и бонито. Мифический риф. Загадка выдвигающих килей решена. На полпути.

Шли недели. Мы не встретили ни одного корабля, не встретили ничего такого, что напоминало бы о существовании в мире других людей, помимо нас. Весь океан принадлежал нам, горизонт был свободен во все четыре стороны, небо - удивительно спокойно и ясно.

Казалось, что воздух, напоенный свежим запахом соли, и вся окружающая нас чистая голубизна проникали в тело и душу и очищали их. Великие вопросы, казавшиеся нам на берегу сложными, здесь, на плоту, представлялись смешными и надуманными. Реальной действительностью были лишь силы природы. Но им не было дела до маленького плота. Возможно, что они просто-напросто считали плот частью природы - ведь он не нарушал гармонии океана, а, наоборот, приспособивался подобно рыбам и птицам к волнам и течениям. Силы природы были не врагами, все время готовыми яростно наброситься на нас, а надежными друзьями, непоколебимо и твердо помогавшими нам продвигаться вперед. Ветер и волны подгоняли и толкали нас, а морские течения несли прямо к цели.

Если в один из самых обычных дней нас встретило бы какое-нибудь судно, то его команда увидела бы, как мы, подгоняемые пассатом, весело покачиваемся на длинных, катящихся грядами волнах, покрытых белыми барашками.

На корме она увидела бы полуголового, загорелого, бородатого человека; он либо яростно боролся с длинным кормовым веслом, натягивая ослабевшие канаты, либо, если погода была тихой, сидел и дремал под горячими лучами солнца на перевернутом вверх дном ящике, лениво

поддерживая весло пальцами ног.

Если Бенгт был не у кормового весла, то он лежал на животе в дверях хижины с одним из своих семидесяти трех трудов по вопросам социологии. Кроме того, Бенгт заведовал у нас хозяйством и отвечал за наши дневные рационы. Германа в любое время суток можно было найти где угодно: на верхушке мачты с метеорологическими инструментами, в водолазных очках под плотом, куда он забирался для осмотра килевых досок, или в шедшей за нами на буксире резиновой лодке, где он занимался воздушными шарами и мудреными измерительными приборами. Он возглавлял техническую службу и отвечал за метеорологические и гидрографические наблюдения.

Кнут и Турстейн были все время заняты своими промокшими сухими батареями, паяльниками и различными радиосхемами. Понадобились весь их опыт и сноровка, полученные во время войны, для того чтобы маленькая радиостанция, расположенная в углу хижины, всего лишь на высоте одного фута от поверхности воды, невзирая на брызги и сырость, работала бесперебойно. Каждую ночь они поочередно посылали в эфир сообщения и сводки погоды, которые принимали энтузиасты-радиолюбители и пересылали дальше, в метеорологический институт в Вашингтоне и другие организации. Эрик чаще всего сидел и чинил паруса. Сплесневал^[22] канаты или же вырезал из дерева и делал наброски бородатых мужчин и курьезных рыб.

Ежедневно в полдень он доставал секстант и забирался на ящик, чтобы посмотреть на солнце и подсчитать, насколько мы продвинулись вперед за истекшие сутки. У меня самого дел было по горло - ведение вахтенного журнала, составление отчетов, сбор планктона, ловля рыб и фотографирование. У каждого была своя работа, и никто не вмешивался в дела другого. Все скучные работы -- управление плотом, варку пищи - мы поделили поровну. На каждого приходилось по два часа дневной и по два часа ночной вахты у кормового весла. Выполнение обязанностей кока зависело от общего расписания дежурств. На плоту у нас почти не было никаких правил и законов, за исключением лишь того, что ночной вахтенный обязательно обвязывался бечевой, спасательный круг имел свое определенное место, мы никогда не ели в хижине и незаменимое "укромное местечко" находилось в конце кормы. В случае, если на борту нужно было принять важное решение, мы, подобно индейцам, созывали "пау-вау" и тщательно обсуждали вопрос, прежде чем прийти к какому-нибудь выводу.

Обычно день на "Кон-Тики" начинался с того, что последний ночной вахтенный энергичным встряхиванием возвращал кока к жизни, и тот, еще

сонный, выползал на мокрую от росы, освещенную утренним солнцем палубу и начинал собирать летучих рыб. Мы пренебрегали рецептами полинезийцев и перуанцев и не ели рыбу сырой, а жарили ее на небольшом примусе, стоявшем в ящике, крепко привязанном к палубе прямо при выходе из хижины. Этот ящик был нашим камбузом. Он был хорошо защищен от юго-восточного пассата, который дул обычно с кормы. Случалось, что ветер и море слишком уж жонглировали пламенем примуса, и тогда огонь начинал лизать ящик; а однажды, когда кок вдруг заснул, огонь охватил весь ящик и бамбуковую стену хижины. Пожар был потушен, как только мы почувствовали запах дыма в хижине, и уж чего-чего, а воды на "Кон-Тики" было сколько угодно.

Редко случалось, чтобы запах жареной рыбы будил храпящих в бамбуковой хижине людей; и коку постоянно приходилось тыкать в них вилкой или тянуть "Завтрак готов" таким противным голосом, что никто долго не выдерживал. Если вблизи плота не было видно плавников акулы, то день начинался с того, что каждый из нас быстро окунался в океан, после чего следовал завтрак под открытым небом на краю плота.

Питание на плоту было у нас превосходным и отличалось большим разнообразием: у нас была современная кухня XX века и отдельная кухня V века во вкусе Кон-Тики. Подопытными кроликами были Бенгт и Турстейн: их рацион ограничивался содержимым небольших картонок со специальными продуктами, которые мы хранили между бревнами и бамбуковой палубой. Рыбу и другие продукты моря они не очень долюбливали. Мы регулярно разбирали бамбуковую палубу и доставали свежий запас картонок, которые были надежно привязаны перед хижинной. Густой слой асфальта, покрывавший картонки, оказался великолепной защитой, тогда как в лежавшие рядом с ними герметически закрытые консервные банки быстро проникала морская вода и портила их содержимое.

Надо сказать, что Кон-Тики во время своего путешествия, конечно, не имел ни асфальта, ни герметически закрытых банок с консервами, но все же он не испытывал затруднений с продовольствием. И в те времена пища состояла из того, что было взято с собой в дорогу и что добыто в пути. Можно предполагать, что у Кон-Тики, когда он отплыл из Перу после поражения при озере Титикака, были две возможности. Будучи признанным представителем солнца у народа, поклонявшегося солнцу, он мог выйти в море и поплыть за солнцем, в надежде найти новую, более миролюбивую страну. Но он мог также отправиться на плотах на север, вдоль берега Южной Америки, чтобы высадиться там и основать подальше

от врагов новое государство. В своем стремлении избежать опасных прибрежных скал и столкновений с враждебными племенами он должен был, как и мы, неизбежно стать легкой добычей юго-восточных пассатов и течения Гумбольдта, и силы природы неумолимо должны были погнать его плоты на запад тем же полукруглым путем, по которому шли и мы.

Но какие бы планы ни были у поклонников солнца, покидая свою родину, они, во всяком случае, позаботились, чтобы на плоту было достаточно продовольствия для путешествия. Сушеное мясо, рыба, сладкий картофель составляли основу их первобытного стола. Известно также, что когда древние мореплаватели пускались в плавание вдоль пустынных берегов Перу, у них были на плотках достаточные запасы воды. Вместо глиняных кувшинов они употребляли громадные высушенные тыквы, легко выдерживавшие толчки и удары, или еще более удобные при плавании на плотках толстые стволы гигантского бамбука. Они пробивали в них перегородки, воду вливали через маленькое отверстие на одном конце, которое потом плотно затыкали пробкой или замазывали смолой. Тридцать-сорок таких толстых бамбуковых стволов крепко привязывались вдоль плота под палубой, где они лежали в тени и постоянно омывались морской водой, температура которой в экваториальных течениях достигает 26-27 градусов Цельсия. Такой запас воды почти вдвое превышал наш, и его можно было легко увеличить за счет нескольких добавочных бамбуковых стволов, подвязав их под дно плота: они не занимали места.

Месяца через два мы заметили, что питьевая вода начала тухнуть и стала невкусной. Но к тому времени мы уже прошли первую половину пути. Бедные дождями районы остались позади, и мы давно были в полосе, где сильные ливни снабжали нас в достаточном количестве питьевой водой. На каждого человека приходилось по одному с четвертью литра воды в день, и мы не всегда выпивали эту норму.

Но если даже наши предшественники отправлялись в путь без достаточных запасов, они прекрасно могли обходиться без них, уносимые течением, изобиловавшим рыбой. В течение всего нашего путешествия не было ни одного дня, когда вокруг плота не кишела рыба, которую легко можно было поймать. И едва ли были дни, когда летучие рыбы сами не залетали бы на плот. Иногда случалось, что даже большие, восхитительно вкусные бонито попадали вместе с волной на корму плота и оставались на ней, а вода уходила между бревнами, как сквозь сито. Умереть с голоду было невозможно.

Древним индейцам было также хорошо известно свойство свежей рыбы выделять жидкость, утоляющую жажду. Это открытие сделали во

время войны и многие наши современники, потерпевшие кораблекрушение. Эту жидкость можно получить, отжав завернутые в ткань куски рыбы; если же рыба достаточно велика, то надо вырезать у нее сбоку кусок мяса; место выреза быстро заполняется жидкостью, выделяемой лимфатическими железами. Конечно, это питье не очень вкусно, особенно если имеется что-нибудь получше, но процент соли в нем, во всяком случае, так мал, что жажда легко утоляется.

Мы заметили, что потребность в воде уменьшается, если регулярно купаться, а затем мокрыми лежать в прохладной хижине. В случае, если вокруг плота величественно патрулировали акулы и мешали нам выкупаться, мы ложились на корме на бревна и крепко вцеплялись в трос руками и пальцами ног. Тихий океан через каждые несколько секунд выливал на нас сразу по несколько ванн кристально чистой воды.

Испытывая во время жары муки жажды, мы обычно полагаем, что организм требует воды, и это часто приводит к чрезмерному ее потреблению без малейшего облегчения. В тропиках в знойные дни можно вливать в себя столько воды, что она польется через рот обратно, но вы по-прежнему будете испытывать жажду. Организму нужна не вода, а, как это ни странно, соль. В наш специальный рацион на борту входили также таблетки из соли, которые мы усердно принимали в очень жаркие дни. Ведь когда человек потеет, его тело теряет много соли. Нам пришлось испытать несколько таких знойных дней, когда ветер стихал и солнце жгло немилосердно. Мы беспрерывно вливали в себя воду, в животе начинало булькать, но хотелось пить еще и еще. В такие дни мы добавляли в нашу свежую питьевую воду от 20 до 40 процентов горькой морской воды и, к своему удивлению, чувствовали, что эта солоноватая вода хорошо утоляет жажду. Долгое время мы ощущали во рту вкус морской воды, но никогда не чувствовали себя плохо, и, кроме того, наши запасы воды иссякали не так быстро.

Однажды утром во время завтрака нас неожиданно захлестнула волна, и брызги морской воды попали в овсяный суп, научив, и притом совершенно бесплатно, что овес почти совсем уничтожает тошнотворный привкус морской воды.

Старики в Полинезии сохранили много замечательных преданий. В них рассказывается, что у их предков во время путешествий через океан были с собой листья какого-то растения, которые они жевали и таким образом утоляли жажду. Листья эти имели еще одно замечательное свойство: в крайнем случае можно было пожевать их и затем пить морскую воду, не чувствуя тошноты. На островах Южных морей не было таких

растений, они росли, невидимому, на родине предков полинезийцев. Полинезийские историки с такой настойчивостью говорили об этом, что современные ученые решили проверить эти утверждения и обнаружили, что единственным известным растением, обладающим такими свойствами, являлась лишь кока, которая растет только в Перу. И, как видно из раскопок могил в древнем Перу, инки и их исчезнувшие предшественники широко пользовались листьями коки, содержащими кокаин. Во время утомительных путешествий в горах или в море они брали с собой листья коки, которые они непрерывно жевали, чтобы преодолеть усталость и жажду. Действительно, пожевав листья коки, можно через некоторое время пить морскую воду без каких бы то ни было неприятных для себя последствий.

У нас на борту "Кон-Тики" не было листьев коки, но в больших плетеных корзинах на фордеке находились растения, которые играли немаловажную роль на островах Южных морей. Корзины были крепко принайтованы и защищены от ветра стеной хижины, и через некоторое время сквозь их плетеные стенки стали прорастать все выше и выше желтые ростки и зеленые листья. У нас на плоту появился небольшой тропический садик. Европейцы, впервые прибывшие на острова Южных морей, увидели большие плантации батата на островах Пасхи, Гавайских островах и Новой Зеландии. Батат возделывался и на других островах, но только в пределах Полинезии. В мире, который был дальше на запад, этот овощ был совершенно неизвестен. Батат был одной из важнейших культур на уединенных островах, где население в основном питалось рыбой. И во многих полинезийских преданиях рассказывается об этом растении и сообщается, что батат привез с собой не кто иной, как сам Тики, когда он вместе с женой Пани добрался до этих островов с далекой родины своих предков, где сладкий картофель был одним из основных видов пищи. В новозеландских легендах говорится, что батат был привезен не на каноэ, а на судах, сделанных из "нескольких стволов деревьев, связанных канатами".

Как известно, Южная Америка была единственным местом, где картофель разводился еще до появления европейцев. И сладкий картофель, который Тики привез с собой на острова, называющийся по-латыни *Ipomoea batatas*, ничем не отличается от батата, культивируемого с древних времен индейцами. Сушеный батат был главной пищей во время путешествий как полинезийских мореходов, так и индейцев древнего Перу. На островах Южных морей батат требует тщательного ухода человека, он не переносит морской воды, и потому тщетно пытаться объяснить его

распространение на этих далеко лежащих друг от друга островах тем, что его принесли сюда морские течения из Перу, отстоящего на 8 тысяч километров. Подобные домыслы кажутся особенно несерьезными, если вспомнить, что на всех разбросанных островах Южных морей сладкий картофель называется "кумара"; а "кумара" - это как раз то слово, которое когда-то бытовало в Перу у древних индейцев. Так название вместе с растением переплыло океан.

Другим очень важным для Полинезии культурным растением, имевшимся на борту "Кон-Тики", была бутылочная тыква, *Lagenaria vulgaris*. Полинезийцы не только употребляли ее в пищу, но и высушивали над огнем и применяли в таком виде для хранения воды. Тыква - чисто огородная культура, и морские течения не могли занести ее на острова Южных морей, но она была распространена как среди полинезийцев, так и среди коренного населения Перу. Тыквенные сосуды для воды были найдены в древних могилах при раскопках на побережье Перу. Индейцы-рыболовы пользовались ими за много столетий до того, как первые люди пришли на острова Тихого океана. Полинезийцы называют бутылочную тыкву "кими". Это слово имеется в языках индейцев Центральной Америки, где надо искать корни древней культуры Перу.

Помимо всяких случайно набранных фруктов, которые мы поспешили съесть в первые недели, чтобы они не испортились, мы везли с собой еще один плод, который наряду с бататом сыграл огромную роль в истории Тихого океана. У нас было с собой двести кокосовых орехов, которые давали нам и освежающее питье и работу зубам. Орехи начали скоро прорасти, и когда прошло примерно десять недель, как мы путешествовали по океану, у нас на плоту было с полдюжины маленьких пальм высотой в один фут, давших толстые зеленые листья. До Колумба кокосовые пальмы росли на Панамском перешейке и в Южной Америке. Летописец Овиедо пишет, что во времена появления первых испанцев большие рощи кокосовых пальм были разбросаны по всему тихоокеанскому побережью Перу. Эти пальмы росли также и на островах Тихого океана. Ботаникам до сих пор не удалось точно установить, каким образом они перешли через Тихий океан. Но одно, во всяком случае, бесспорно: кокосовый орех с его толстой скорлупой не может без помощи человека преодолеть просторы океана. Орехи в корзинах были в течение всего нашего путешествия в Полинезию съедобны, а также пригодны для посадки. Но около половины орехов мы уложили вместе с нашими особыми запасами провианта под палубу; они омывались соленой водой и стали портиться один за другим. Совершенно ясно, что ни один кокосовый

орех не может плыть по океану быстрее, чем подгоняемый ветром бальзовый плот. К тому же морская вода просачивается внутрь ореха через глазки, и орех портится. Создавалось такое впечатление, что по всему океану расставлены санитарные кордоны, которые внимательно следили за тем, чтобы ничто съедобное не прорвалось вплавь из одной части света в другую.

В тихие дни мы шли иногда мимо качавшегося на волнах далеко в море белого птичьего пера. Буревестников и других морских птиц, которые могут спать на волнах, мы встречали за много тысяч морских миль от суши. Мы вылавливали перышко и внимательно его осматривали; и тогда оказывалось, что на нем уютно устроились два-три бесплатных пассажира, которые непринужденно плыли по ветру. Но когда мимо проходил такой Голиаф, как "Кон-Тики", они моментально учитывали, что идет большое и быстроходное судно, и с потрясающей быстротой устремлялись бочком по поверхности воды к плоту и взбирались на борт, предоставив перу продолжать свой путь в одиночестве. Скоро на борту "Кон-Тики" кишмя кишели бесплатные пассажиры. Это были маленькие океанские крабы. Величиной с ноготь, иногда немного больше, они вносили в меню голиафов на плоту приятное разнообразие, если только удавалось их поймать. Маленькие крабы как раз и выполняли роль санитарных кордонов на море и никогда не упускали случая полакомиться. Стоило коку проворонить застрявшую между бревнами летучую рыбу, и на завтра, будьте уверены, на ней окажутся восемь крабов, поедающих ее, орудуя своими клешнями. Нас они боялись. Как только мы появлялись, они улепетывали и прятались кто куда мог. Но на корме, в маленькой щелочке около чурбана, жил совсем ручной краб, которого мы называли Юханнес. Наравне со всеобщим любимцем попугаем Юханнес был также принят в члены нашего экипажа. Вахтенный рулевой, сидевший под палящими лучами солнца спиной к хижине, чувствовал бы себя поистине одиноко среди огромного голубого океана, если бы Юханнес не составлял ему компанию. Остальные крабы сновали кругом с молниеносной быстротой и тащили все что ни попало, словно тараканы на обыкновенных пароходах. А Юханнес, выпучив глаза, широкий и круглый, спокойно сидел в отверстии своей норки и ждал смены вахты. Каждый новый вахтенный всегда приносил ему кусочек печенья или рыбы, и стоило только наклониться над отверстием, как краб выходил навстречу и протягивал лапки. Он брал лакомство клешнями прямо из рук и удирал обратно к норке. Он садился около отверстия и принимался за еду, точь-в-точь как мальчишка, который набивает себе рот, забыв снять варежки.

Крабы, как мухи, облепляли потрескавшиеся орехи и выступивший из них забродивший сок или ловили планктон, который волны намывали на плот. Оказалось, что планктон - мельчайшие морские организмы - годен в пищу даже таким голиафам, как мы. Нужно было только научиться излавливать его столько, чтобы сделать хороший глоток.

В едва различимом глазом планктоне содержится большое количество питательных веществ. Ведь в море нет ни одного живого существа, которое не было бы обязано планктону своим существованием. Морские птицы и рыбы не едят планктона, но они живут рыбами и другими животными, которые питаются планктоном. Планктон, как известно, является общим названием для тысяч видов различных видимых и невидимых мелких организмов, плавающих у самой поверхности моря. Некоторые из этих организмов принадлежат к растительному миру (фитопланктон), другие же являются икринками рыб и мельчайшими животными (зоопланктон). Животный планктон живет за счет растительного, который, в свою очередь, питается аммиаком, нитритами и нитратами, образующимися в результате разложения погибшего животного планктона. Существовая за счет друг друга, они одновременно являются пищей для всего живого в воде и над водой. И если размеры входящих в состав планктона организмов невелики, то количество их не поддается учету. В одном стакане воды, содержащей планктон, число микроорганизмов превышает несколько тысяч. Неоднократно люди погибали в море голодной смертью, потому что они не могли добыть ни одной рыбы ни сетью, ни на крючок, ни гарпуном. И никому из них и в голову не приходило, что они фактически плывут в жидкой, только не сваренной рыбной ухе. Если бы у них, помимо крючков и сетей, было бы какое-нибудь приспособление, при помощи которого они могли процедить эту уху, то у них было бы питательное блюдо - планктон. Возможно, что когда-нибудь в будущем человек додумается, как собирать в море планктон, как когда-то, в отдаленные времена, он научился собирать зерна. Одним зернышком сыт не будешь, но в большом количестве это уже пища.

Один специалист по биологии моря снабдил нас специальной сеткой для ловли особо интересовавших нас живых существ. Она была шелковой и имела около 3 тысяч ячеек на один квадратный дюйм. Этот сачок, на железном кольце диаметром в 1,5 фута, тащился за плотом. Как при любой рыбной ловле, улов планктона менялся в зависимости от времени и места. Он становился менее удачным, по мере того как мы уходили дальше на запад и море становилось теплее. Богатые уловы доставались ночью. Это, видимо, зависело от того, что при солнечном свете многие морские твари

уходят глубже под воду.

Когда на плоту нечем было заняться, то ради развлечения мы совали свой нос в сеть с планктоном. Не ради аромата, конечно, - запах планктона был просто ужасный, - и тем более не ради возбуждающего аппетит вида - в сетке было на редкость отвратительное месиво, - просто для нас было забавой раскладывать содержимое сети с планктоном на доске и рассматривать каждый из микроорганизмов в отдельности. Перед нами раскрывалось невероятное разнообразие фантастических форм и красок.

Большей частью это были крошечные, напоминающие креветок, ракообразные или икринки рыб, но среди них попадались мальки различных рыб и моллюски, необычайно миниатюрные крабы всех цветов радуги, медузы и бесконечное множество каких-то маленьких существ, которые, казалось, явились прямо из сказки. Одни были похожи на бархатные трепещущие призраки, вырезанные из целлофана, другие походили на крохотных красноклювых птиц с панцирем вместо перьев. Безудержную творческую расточительность проявила природа, создавая планктон. Ни один художник-сюрреалист не смог бы выдумать более фантастические существа, чем те, которые мы встречали в мире планктона.

После того как холодное течение Гумбольдта повернуло на запад южнее экватора, мы начали вынимать из сети через каждые несколько часов по два килограмма планктона. Он лежал в ней спрессованный и напоминал слоеный пирог, в котором были коричневый, красный, серый или зеленый слои, соответственно тем полям планктона, через которые мы проходили. Ночью, когда кругом все фосфоресцировало, казалось, что мы вытягиваем на борт мешок со сверкающими драгоценными камнями. Но как только это сокровище оказывалось на борту, оно превращалось в миллионы мельчайших живых искрящихся креветок и сверкающих мальков, светившихся в темноте, как груды раскаленных угольков. Мы выливали их в ведро, и чудилось, что из сетки льется волшебная каша из сверкающих светлячков. Но насколько был красив наш улов на расстоянии, настолько отвратительно пахнул он вблизи. Если кто-нибудь набирался смелости и отправлял ложку этой сверкающей массы себе в рот, он убеждался, что насколько ужасен был этот запах, настолько замечателен был вкус. Планктон напоминал паштет из креветок, омаров и крабов, если смесь состояла преимущественно из мельчайших креветок; если же она в основном состояла из мельчайших икринок, то вкус ее напоминал зернистую икру, а иногда даже и устриц. Растительный планктон был либо настолько мал, что просачивался вместе с водой через сеть, либо настолько велик, что мы могли выбирать его руками. Основную его массу составляли

желеобразные организмы длиной около одного сантиметра, похожие на стеклянные шарики или медуз. Они были горьки на вкус, и мы их выбрасывали. Все же остальное годилось для еды либо в сыром виде, либо в виде сваренных в воде каши или супа. На вкус и цвет товарищей нет. Двое из наших парней на плоту считали, что планктон лакомое блюдо; двое других думали, что он съедобен; а остальным даже смотреть на него было противно. По своей питательности планктон не уступает крупным омарам, крабам, ракам. Если его умело приготовить и хорошо приправить, то все любители продуктов моря сочтут его превосходным блюдом.

Уже одно то, что самое крупное животное на земле - синий кит - питается исключительно планктоном, доказывает высокую калорийность входящих в него микроорганизмов. Наш способ ловли планктона небольшой сеткой, которая зачастую оказывалась изжеванной голодными рыбами, показался нам крайне примитивным, когда мы однажды, сидя на плоту, увидели, как проплывающий мимо кит выбрасывал фонтаны воды и отцеживал через решетки роговых пластинок планктон.

- Почему бы вам, пожирателям планктона, не последовать его примеру? - ехидно спросили нас однажды Турстейн и Бенгт, когда мы потеряли в волнах нашу сеть. - Сделайте хороший глоток, а затем процедите воду через усы.

Мне случалось видеть китов на далеком расстоянии с пароходов и вблизи - в музеях, но они казались мне ненастоящими, и я никогда не относился к этим великанам так же, как к другим подобным им теплокровным животным - например, к лошади или слону. С биологической точки зрения, я был вынужден признать, что кит настоящее млекопитающее, но всем своим существом он все-таки напоминал мне огромную, холодную рыбу. Но мое отношение к китам в корне изменилось, когда они появились около нашего плота. Однажды мы завтракали, устроившись, как обычно, на краю плота, поближе к воде, так, что достаточно было лишь слегка наклониться, чтобы ополоснуть кружку, и вдруг все мы вздрогнули от неожиданности, услышав позади себя тяжелый храп плывущей лошади. Огромный кит вынырнул из воды и смотрел на нас. Он находился так близко, что было видно, как кожа внутри его дышала блестит, словно лакированный ботинок. Мы отвыкли здесь в море от настоящих вздохов - ведь все живые существа бесшумно скользили вокруг, они не имели легких и лишь слегка раздували жабры. Мы тотчас прониклись чувством теплой симпатии к своему старому троюродному брату-киту, который, подобно нам, забрел так далеко в море. Вместо холодной, похожей на жабу акулы, которой незачем даже нос высовывать,

чтобы подышать свежим воздухом, к нам в гости явилось существо, отдаленно напоминавшее веселого, откормленного бегемота из зоопарка. Кит подплыл к самому борту плота, еще раз вздохнул, что произвело на меня самое благоприятное впечатление, и скрылся в глубинах океана. Киты навещали нас много раз. Чаще всего это были небольшие морские свиньи и касатки, резвившиеся вокруг нас на поверхности воды большими стаями, но иногда к нам наведывались кашалоты и другие гигантские киты, которые подплывали в одиночку или небольшими группами. Иногда они плыли мимо на очень далеком расстоянии, проходя, как далекие корабли, у самого горизонта и выбрасывая время от времени в воздух фонтаны воды, но бывало, что они шли прямо на нас. В первый раз, когда огромный кит изменил свой курс и стремительно направился прямо к нам, мы решили, что столкновение неизбежно.

Он все приближался и приближался, и мы все отчетливее слышали его тяжелое пыхтение и глубокое дыхание. Когда он высовывал голову из воды, казалось, что какое-то огромное, толстокожее, неуклюжее сухопутное животное продирается сквозь воду и оно так же не похоже на рыбу, как летучая мышь на птицу. Он подплыл вплотную к левой стороне плота. Мы все кинулись туда. Один из членов экипажа влез на мачту и сообщил, что видит еще семь-восемь китов, плывущих на нас.

Огромный, блестящий от воды черный лоб был на расстоянии не более двух метров от плота, когда великан наконец нырнул. Мы увидели, как гигантская иссиня-черная спина медленно ушла под самый плот прямо у наших ног. Несколько секунд он лежал неподвижной и темной громадой, а мы, затаив дыхание, рассматривали горбатую спину гигантского млекопитающего, которое было значительно длиннее плота. Но вот кит начал медленно опускаться и исчез в голубоватой воде. Тем временем нас окружила вся стая, но ни один из китов не обращал на нас никакого внимания. По всей вероятности, киты только тогда разбивают могучим ударом хвоста в щепки китобойные суда, когда они подвергаются нападению. Все утро киты пыхтели и сопели вокруг нашего плота, появляясь там, где мы их меньше всего ожидали, но ни один из них не задел ни плота, ни кормового весла. Киты плескались в воде, наслаждаясь жаркими лучами солнца. Но в полдень вся компания, будто бы по сигналу, нырнула в воду и мгновенно исчезла.

Нам приходилось находить под своим плотом не только китов. Ведь если откинуть в хижине циновки, на которых мы спали, то в щели между бревнами видна была плескавшаяся кристально чистая голубая вода. Подождав мгновение, можно было увидеть плавник или спину какой-

нибудь проплывавшей поблизости крупной рыбы, а то и целую небольшую рыбку.

Если бы щели между бревнами были немного шире, то мы могли бы устроиться с удочками в постели и удить у себя под матрацами,

Золотые макрели и рыбки-лоцманы питали особенную любовь к нашему плоту. Первые золотые макрели присоединились к нам, когда мы вышли из вод Кальяо и попали в течение. Но с тех пор не проходило ни одного дня во время всего нашего путешествия, когда бы вокруг плота не вертелись макрели. Что влекло их к нам, трудно сказать. Вероятно, их устраивала чудесная возможность плыть в тени с крышей над головой, а может быть, они просто-напросто находили много съедобного на нашем огороде, на котором произрастали ракушки и висевшие гирляндами водоросли. Их было много на подводной стороне плота и даже на кормовом весле. Все началось с небольшого слоя зеленой тины, но затем пучки водорослей стали расти с такой молниеносной быстротой, что "Кон-Тики" стал скоро походить на бородатого морского бога, мотавшегося на волнах. А зеленые водоросли превратились в излюбленное укрытие для мальков и наших бесплатных пассажиров -- крабов.

Был такой момент, когда нам казалось, что мелкие муравьи выживут нас с плота. Они жили в бревнах, и когда мы вышли в море и древесина стала влажной, они начали спасаться бегством и нашли убежище в наших спальных мешках. Они скоро заполонили весь плот, кусали и мучили нас так, что мы были готовы броситься в воду, чтобы только избавиться от них. Но по мере удаления от берега на плоту становилось все мокрее, и они поняли, что попали не в свою стихию. Лишь очень немногим муравьям удалось перенести путешествие. Лучше всех прижились на плоту крабы и рачки - морские уточки в 3-4 сантиметра длиной. Они сотнями водились на бревнах, особенно с подветренной стороны. Мы варили из них суп, и как только один урожай был собран, на месте его вырастали новые личинки, и у нас постоянно был свежий запас; у морских уток нежный вкус. Мы ели также салат из водорослей - они были не так вкусны, но, во всяком случае, вполне съедобны. Мы никогда не видели, чтобы золотые макрели пользовались нашим огородом, но их обычно можно, было видеть вблизи плота. Они то повертывались брюхом кверху, то плавали между бревнами.

Золотая макрель - тропическая рыба, отличающаяся яркой окраской. Пойманные нами рыбы имели от 1 до 1,35 метра в длину, тело их было словно сплющено с боков и голова вытянута кверху. Однажды мы вытащили на плот макрель длиной в 1,48 метра с головой высотой не менее 37 сантиметров. Рыба отличалась изумительными красками, она

переливалась разными цветами, как большая навозная муха, а плавник сверкал золотом. Но стоило вытащить ее на борт, как на глазах происходила необычайная перемена: она превращалась постепенно в серебристо-серую с белыми пятнами, а под конец становилась вся серебряно-белой. Такой она оставалась четыре-пять минут, затем восстанавливались первоначальные краски. Золотая макрель даже в воде меняет окраску, как хамелеон, и иногда нам казалось, что мы поймали какую-то неизвестную рыбу, отливающую медью, но, рассмотрев ее внимательно, убеждались, что это наш верный спутник - золотая макрель.

Высокий лоб, придающий золотой макрели сходство с бульдогом, со сплюснутыми висками, всегда торчит над поверхностью воды, когда хищница стремительной торпедой несется за стайей удирающих летучих рыб. В хорошем настроении макрель ложится на бок, разгоняется, прыгает в воздух и плашмя шлепается обратно в воду, поднимая каскады воды. Не успев очутиться в воде, она снова делает прыжок за прыжком с одной волны на другую. Но когда макрель в плохом настроении - например, когда мы втаскиваем ее на плот, - то она начинает яростно кусаться. Турстейн долгое время хромал с завязанным большим пальцем на ноге. Он сунул его в пасть макрели, которая не замедлила схватить его и укусить сильнее, чем обычно. По возвращении из экспедиции мы слышали, что макрели нападают на купающихся, даже едят их. Это отнюдь не льстило нам - ведь мы ежедневно плескались среди них, и нас макрели тщательно избегали. Во всяком случае, они были настоящими хищниками, и мы часто находили у них в желудке кальмаров и летучих рыб, заглотанных целиком.

Летучие рыбы - любимая пища голодных макрелей. Как только макрель завидит что-то, плескающееся в воде, она спешит к этому месту в надежде, что это летучая рыба. Утром, когда мы, зевая, выползли из хижины и окунали зубную щетку в море, не раз случалось моментально проснуться, потому что из-под плота с быстротой молнии вылетала 15-килограммовая макрель и со всего размаха тыкалась в щетку. Часто, когда мы завтракали на краю плота, какая-нибудь макрель выскакивала и прыгала плашмя обратно в воду с таким сильным всплеском, что обдавала брызгами и нас и завтрак.

Однажды за обедом с нами произошло нечто невероятное. Турстейн внезапно отложил вилку, сунул руку в воду; вода забурлила, и прежде чем мы опомнились, около нас билась огромная макрель. Оказалось, что Турстейн заметил конец проплывавшей мимо нас лески, схватил ее, а на другом конце оказалась весьма озадаченная рыба, упущенная несколько дней назад Эриком.

Не проходило дня, чтобы около плота или под плотом не кружилось бы шесть-семь макрелей. Редко-редко их бывало две-три; в иные дни мы насчитывали их до тридцати-сорока штук. Вообще кока нужно было предупредить лишь минут за двадцать, что нам хочется свежей рыбы к обеду. Он привязывал половину летучей рыбы к леске и насаживал на крючок наживку. Золотая макрель, одним прыжком пробороздив лбом поверхность моря, оказывалась у плота, а за ней летели еще две или три. Макрель - исключительно вкусная рыба, и в свежем виде ее мясо напоминает по вкусу одновременно и треску и лосося. Одной рыбы нам вполне хватало на два дня, а больше и не нужно: море было полно рыбы.

Совсем иначе мы познакомились с рыбками-лоцманами. Они сопровождали акул, появлявшихся возле плота, и если те погибали, то мы усыновляли лоцманов. Первые акулы показали вскоре после нашего выхода в море и стали ежедневными гостями.

Иногда акула появлялась лишь в роли разведчика - она делала круг около плота и исчезала. Но чаще всего в поисках добычи акула ложилась нам в кильватер за кормой и не отставала. Без единого звука подавалась она то вправо, то влево и шевелила хвостом, чтобы идти в ногу. Она двигалась вверх и вниз вместе с морем, и спинной плавник предостерегающе торчал из воды, а серо-синее туловище казалось при солнечном свете под поверхностью воды коричневатым. Иногда большая волна поднимала ее настолько выше уровня плота, что мы смотрели, словно через стеклянную стенку аквариума, как она важно плывет на нас со стайкой лоцманов у самого рыла. Несколько секунд казалось, что акула и вся ее полосатая свита окажутся сейчас у нас на плоту, но в последний момент плот поднимался на гребень волны и спускался с него, а акула скрывалась под бревнами.

Репутация, установившаяся за акулами, и их устрашающий вид внушали сначала к ним уважение. В ее обтекаемом теле таилась необузданная сила - огромные железные мускулы. Приплюснутая голова с зелеными кошачьими глазами и огромной пастью, способной проглотить футбольный мяч, говорила о прожорливой кровожадности. Стоило рулевому крикнуть:

"Акула справа!" или "Акула слева!", как мы бросались к ружьям, гарпунам и становились вдоль борта. Акула обычно кружила вокруг плота, задевая хвостовым плавником бревна. Скоро мы обнаружили, что наконечник гарпуна ломается, а острога гнется, как соломинка, касаясь спины акулы, покрытой как будто наждачной бумагой, и это еще больше увеличивало наше уважение к ней.

Иногда гарпун и пробивал ее кожу, хрящи и мускулы, но акула столь

ожесточенно боролась, что вода бешено бурлила вокруг, пока она не вырывалась и была такова, оставив после себя небольшое кровавое пятнышко.

Желая сохранить свой последний гарпун, мы связали вместе самые крупные рыбные крючки и засунули их внутрь золотой макрели. Лесу из нескольких стальных тросиков мы привязали к своей спасательной бечеве и забросили приманку. Акула приблизилась медленно, но уверенно, приподняла голову из воды, резким движением открыла огромную полукруглую пасть и проглотила всю макрель. И попалась. Акула затеяла такую возню, что вся вода кругом превратилась в пену, но мы крепко держали лесу и медленно подтянули громадину к корме, несмотря на все ее сопротивление. Здесь она решила переждать, что будет дальше, и, чтобы испугать нас, только широко разевала свою пасть с параллельными рядами пилообразных зубов. Мы дождались большой волны и втащили ее наконец на скользкие от водорослей бревна кормы. Потом мы изловчились и набросили ей на хвостовой плавник петлю и отошли подальше, в ожидании конца воинственной пляски. В головном хряще первой втащенной нами на плот акулы мы нашли наконечник нашего собственного гарпуна и вначале решили, что именно он и был причиной сравнительно слабой воинственности великанши. Но впоследствии мы ловили этим способом акулу за акулой, и каждый раз дело сходило нам так же легко с рук. Вначале акула билась и дергалась изо всех сил и причиняла ужасно много хлопот одним своим весом, но скоро становилась вялой и скучной, и если нам удавалось крепко удерживать трос, не уступая ни сантиметра, то она даже не рисковала показать нам, на что она была способна с ее невероятной силой. Акулы, которых мы вытаскивали на борт, имели обычно от 2 до 3 метров в длину. Это были голубые или коричневые акулы. У последних кожа была настолько плотной, что мы с трудом могли всадить в нее острый нож. Кожа на брюхе была такой же прочной, как и на спине, и единственным уязвимым местом акулы были жаберные отверстия, расположенные в задней части головы, по пяти с каждой стороны.

На пойманных акулах мы часто находили черных слизистых прилипал, крепко к ним присосавшихся. При помощи овального присоска, расположенного на макушке плоской головы, они накрепко присасываются к акуле, так что, несмотря на все усилия, их невозможно отодрать за хвост. Но сами прилипалы отпадали и присасывались к другому предмету так быстро, что мы едва успевали моргнуть глазом. Убедившись, что их старая приятельница не собирается возвращаться в родную стихию, они отпадали и скользили между бревнами в поисках другой акулы. В случае, если

прилипалы не находят сразу другой акулы, они на время присасываются к какой-нибудь другой рыбе. Прилипалы достигают размеров от 10 до 30 сантиметров. Мы решили испытать применяемый местными жителями способ. Они привязывают к хвосту прилипалы бечеву и пускают его в море. Прилипало присасывается к первой попавшейся рыбе и так прочно, что счастливому рыболову остается тащить их обоих вместе. Но нам не особенно повезло в этом деле. Каждый раз, когда мы выбрасывали за борт привязанного на шнурке прилипалу, он немедленно присасывался к первому попавшемуся бревну плота, вполне убежденный, что нашел невиданный экземпляр громадной акулы, и мы могли тянуть за бечеву до бесконечности. Постепенно на подводной стороне плота у нас возникла целая колония прилипал, путешествовавших вместе с нами через Тихий океан.

Надо все-таки сказать, что прилипало был глупой, безобразной рыбой и никак не мог сравниться с такой приятной рыбкой, как его веселый компаньон - рыбка-лоцман. Эта рыба невелика, напоминает по форме сигару, а по полосатости - зебру. Обычно целые стайки этих рыбок плывут перед пастью акулы. Их называли лоцманами, считая, что они указывают полуслепой акуле направление, которого ей следует придерживаться в море. На самом деле рыба-лоцман только плавает вместе с акулой и превращается в лоцмана, лишь когда завидит какую-нибудь пищу. Рыба-лоцман до последних секунд сопровождает своего господина и повелителя. Но она не умеет, как прилипало, присасываться к шкуре гиганта и потому приходит в полное замешательство, когда акула внезапно взвизгивает в воздух, чтобы больше уже не возвратиться. В таких случаях стайка рыбок-лоцманов растерянно снует туда и обратно и все ищет акулу, постоянно возвращаясь к корме "Кон-Тики" - к тому месту, где акула воспарил в небо. Но время шло, а акула не возвращалась, и они были вынуждены искать нового господина и повелителя. И тут им подвернулся "Кон-Тики".

Иногда мы опускали голову с края плота вниз, в прозрачную воду, и осматривали его подводную часть. Она казалась брюхом гигантского морского чудовища; хвостом было кормовое весло, а плавниками - килевые доски. И между ними плавали стайкой усыновленные рыбки-лоцманы, не обращая никакого внимания на пускающую пузыри человеческую голову. Иногда одна-две рыбки быстро выскакивали поближе вперед, осматривали человеческий нос и возвращались обратно в дружные ряды плавающих товарищей.

Мы обнаружили, что рыбки патрулировали двумя отрядами: большинство находилось между килевыми досками, остальная часть,

образуя изящное веерообразное построение, плыла перед носом плота. То одна, то другая рыбка вдруг вырывалась вперед, чтобы схватить что-нибудь съестное. А когда мы после еды мыли в море посуду, то казалось, что мы выбросили вместе с остатками своего обеда целый ящик полосатых сигар. Не было ни одной крошки, которую они внимательно не исследовали бы, и все, кроме овощей, немедленно исчезало в их желудках. Смешные эти рыбки так по-детски доверчиво искали у нас защиты, что мы испытывали к ним почти родительские чувства. Они стали комнатными животными "Кон-Тики", и на их ловлю было объявлено "табу"^[23].

Среди наших рыбок были мальки величиной не более одного дюйма, но большинство по своим размерам равнялось 6 дюймам. Когда китовая акула молниеносно скрылась с гарпуном Эрика, часть ее рыбок-лоцманов перешла на сторону "Кон-Тики". Они были длиной в 2 фута. После ряда побед над акулами "Кон-Тики" сопровождала свита уже в сорок-пятьдесят рыбок, и многим из них настолько понравилось наше неторопливое движение вперед, а также и регулярное выбрасывание остатков со стола, что они сопровождали нас на тысячи километров.

Но были среди них и предатели. Однажды во время вахты у руля я заметил, что море в южном направлении вдруг закипело. Огромная стая золотых макрелей бороздила воду, как серебристые торпеды. Они приближались не так, как всегда, спокойно плескаясь, а неслись с большой скоростью больше по воздуху, чем по воде. Голубые гребни волн превращались под паническими прыжками беглецов в сплошную пену, а за ними зигзагами, словно глиссер, мчалась чья-то черная спина. Потерявшие голову макрели бросились к плоту. Здесь они благополучно под него нырнули. Но около сотни беглецов сгрудилось в плотную стаю и метнулось в восточном направлении, так что вся вода за кормой заиграла яркими красками. Гнавшаяся за ними блестящая спина приподнялась над поверхностью воды; изящно изогнувшись, нырнула под плот, торпедой вылетела оттуда и бросилась за стайей макрелей. Это была громаднейшая голубая акула длиной в 5-6 метров. Она быстро скрылась, но вместе с ней исчезли многие наши рыбки-лоцманы. Они пошли за героем, захватившим их воображение больше, чем люди.

Специалисты предупреждали нас быть как можно осторожнее с кальмарами, которые могли забраться на плот. В Географическом обществе в Вашингтоне нам показывали сообщения и страшные фотоснимки, сделанные при свете магния в одном из районов течения Гумбольдта, где было любимое место сборищ чудовищных кальмаров, поднимающихся по ночам на поверхность воды. Они были так прожорливы, что если один из

них попадал на крючок с мясной наживкой, то другой немедленно являлся, чтобы сожрать своего пленного сородича. Их щупальца способны одолеть акулу и оставить следы на шкуре большого кита.

Кроме того, у кальмаров имеется ужасный клюв, напоминающий орлиный. Нам говорили, что они плавают ночью на поверхности воды и их глаза светятся фосфорическим светом, а щупальца так велики, что они могут, если не захотят взбираться на плот, обыскать ими все, что угодно, в самом отдаленном конце хижины, вплоть до самых укромных уголков на палубе. Нам не очень хотелось, чтобы холодные щупальца вытащили нас из спального мешка, и каждый из нас запасся острым, похожим на саблю, ножом мачете на случай, если придется ночью проснуться в объятиях кальмара. Подобная возможность казалась нам самой страшной, когда мы готовились отправиться в океан, тем более что все морские эксперты Перу в один голос говорили на эту тему и показывали на карте, где находится самое опасное место. Оно находилось в течении Гумбольдта, прямо на нашем пути.

Прошло много времени, прежде чем мы увидели первого кальмара. Однажды утром мы обнаружили первые признаки, указывавшие, что кальмары где-то поблизости. С восходом солнца мы заметили на плоту малютку-кальмара. Он был величиной с кошку, но мог бы, очевидно, достичь и больших размеров, если бы сохранил жизнь и здоровье. Он взобрался на плот самостоятельно ночью и теперь лежал мертвый перед входом в хижину, обвив щупальцами бамбуковый шест. Бамбуковая палуба была вся забрызгана черной жидкостью, похожей на чернила. Кальмаренок валялся в целой луже этой жидкости. Она напоминала тушь. Мы написали ею в вахтенном журнале несколько страниц, а маленького кальмара выбросили в море, к удовольствию макрелей. Это незначительное происшествие мы восприняли как предостережение о возможных визитах более крупных ночных гостей. Если малютка смог взобраться на плот, то его голодные родители и подавно смогут. Мы поняли, как должны были чувствовать себя наши предки, плывя на своих судах времен викингов и подумывая о морском змее. Новый случай поставил нас окончательно в тупик. Как-то утром мы нашли кальмара еще меньших размеров на пальмовой крыше нашей хижины. Мы были поражены. Взобраться туда он не мог, потому что черные пятна виднелись только вокруг него на самой середине крыши. Его не могла забросить и морская птица, потому что на нем не было никаких повреждений, никаких следов клюва или когтей. Оставалось одно: кальмар был заброшен на хижину огромной волной, но никто из ночных дежурных не мог припомнить, чтоб ночью были такие

волны. Время шло, и на плоту по утрам все чаще и чаще стали попадаться детеныши кальмаров. Самые крошечные были длиной не больше среднего пальца. Скоро мы перестали удивляться, находя каждое утро, кроме летучих рыб, несколько небольших кальмаров, даже если море ночью и было спокойно. Этот молодняк был действительно дьявольской породы, с длинными щупальцами, покрытыми присосками, еще двумя щупальцами, поменьше, оканчивавшимися крючьями, похожими на шипы. Однако со стороны крупных кальмаров не было никаких признаков поползновения взобраться ночью на плот. В темные ночи мы видели, как светились у поверхности воды фосфорическим огнем их глаза. Днем мы однажды наблюдали, как закипела и запузырилась вода и в воздухе будто завертелось большое колесо, а наши макрели, отчаянно прыгая, бросились в разные стороны. Однако почему кальмары-родители никогда не взбирались на плот, в то время как их детки были постоянными нашими посетителями, оставалось для нас загадкой, на которую мы нашли ответ лишь спустя два полных приключений месяца, когда миновали пользующийся дурной славой, кишаций кальмарами район течения Гумбольдта.

Кальмарята продолжали посещать наш плот. Однажды ярким солнечным утром мы увидели огромную сверкающую стаю каких-то существ, выскакивавших из воды и пролетающих в воздухе, как огромные капли дождя. Море в том месте кипело от гнавшихся за кем-то макрелей. Сначала мы решили, что это стая летучих рыб - мы уже знали три их разновидности. Но стая подошла ближе и перелетела через плот на высоте полутора метров, а в грудь Бенгта что-то ударило и шлепнулось на палубу. Это был маленький кальмар. Представьте себе, как мы удивились! Мы посадили его в брезентовое ведро. Он немедленно сделал попытку разогнаться и выскочить на волю, но егохватило только на то, чтобы наполовину высунуться из воды. Известно, что кальмар передвигается по принципу реактивного двигателя. Он вбирает в себя воду, затем с огромной силой проталкивает ее через особую "воронку" и с большой скоростью двигается толчками назад; все его щупальца собраны в узел над головой, и по форме он такой же обтекаемый, как рыба. По бокам у него имеются круглые мясистые складки, которыми он пользуется для перемены направления своего движения и для спокойного плавания в воде. Беззащитный молодой кальмар, являющийся лакомым блюдом для многих рыб, уходит от своих преследователей, выскакивая в воздух, как летучая рыба. Принцип реактивного движения был применен кальмарами задолго до того, как его изобрели люди. Нам довелось не раз наблюдать летающих молодых кальмаров. Развив большую скорость, они вылетают из воды под

углом, причем крыльями им служат расправленные складки кожи. Они, как и летучие рыбы, совершают над волнами планирующий полет, пока не кончится запас набранной скорости.

За кальмарами мы стали наблюдать и часто видели, как они парами или в одиночку пролетали расстояния в 30-40 метров. Планирующий кальмар явился новостью для всех зоологов, с которыми я беседовал.

Я, конечно, бывал в гостях у жителей островов Тихого океана, и мне часто приходилось есть кальмаров. По вкусу они напоминают что-то среднее между омаром и резинкой. Но в меню экипажа "Кон-Тики" они занимали самое последнее место. Когда мы получали кальмаров, так сказать, бесплатно, мы тут же обменивали их на что-нибудь другое. Обмен происходил следующим образом: мы насаживали кальмара на крючок и вытаскивали его обратно с уцепившейся за него какой-нибудь крупной рыбой. Тунцы и бонито были любителями кальмаров, а эти рыбы занимали главное место в нашем меню.

Но мы завязывали знакомство не только на поверхности моря. Вахтенный журнал пестрит записями следующего содержания:

"11/V. Сегодня, когда мы ужинали на краю плота, дважды на поверхности появлялось большое морское животное. Оно исчезло с ужасающим всплеском. Мы не имеем ни малейшего представления о том, что это за животное.

6/VI. Герман заметил крупную темноватого цвета рыбу с узким хвостом и шипами; она несколько раз выскочила из воды с правого борта.

16/VI. С левого борта обнаружена необычайная рыба длиной в 2 метра, шириной 1 фут; у нее коричневая узкая и длинная голова, большой спинной плавник около головы, несколько меньший плавник посередине спины и сильный серпообразный хвостовой плавник. Она держалась у самой поверхности воды и плавала, извиваясь временами, как угорь, всем телом. Герман и я вышли на резиновой лодке с гарпуном; она немедленно нырнула в воду. Несколько позже она вернулась, но затем снова нырнула и больше не появлялась.

День спустя Эрик сидел на верхушке мачты и около полудня увидел тридцать-сорок длинных, тонких коричневых рыб, похожих на ту, что мы видели вчера. Они появились на большой скорости с левого борта и исчезли за кормой.

18/VI. Кнут заметил змееподобное существо, узкое, длиной в 2-3 фута, которое, стоя, то поднималось, то опускалось в воде, а затем, извиваясь, как змея, нырнуло вглубь".

Несколько раз мы проплывали мимо огромной темной массы,

неподвижно лежавшей под верхним слоем воды, как подводный риф, размеры которого не уступали площади обычной комнаты. Вероятно, это был пользующийся дурной славой гигантский скат, но он был неподвижен, а мы ни разу не подходили настолько близко, чтобы могли рассмотреть его как следует.

В такой компании нам никогда не было скучно на воде. Хуже стало, когда выяснилось, что необходимо нырнуть под плот и осмотреть его подводную часть. Мы вынуждены были делать это не раз. Однажды, например, отвязалась килевая доска, проскользнула под плот и запуталась в тросах. Мы никак не могли ее достать. Лучше всех ныряли Герман и Кнут. Герман дважды нырял под плот и лежал там среди макрелей и рыболоцманов, дергая и распутывая тросы. Он только что вынырнул во второй раз и сидел на краю плота, переводя дыхание, как вдруг всего лишь в нескольких метрах от его ног появилась 8-футовая акула; она вынеслась из глубины океана прямо к его пальцам. Может быть, мы были и несправедливы, заподозрив акулу в нечестных намерениях, но мы метнули в ее голову гарпун. Глубоко оскорбленная акула выразила свой протест, вступив в бурную схватку, сопровождавшуюся неистовыми всплесками. В конце концов она исчезла, оставив на поверхности воды жирное пятно, а килевая доска так и осталась в плену под плотом, запутавшись в тросах.

Именно тогда Эрику пришла в голову мысль сделать водолазную корзинку. У нас на борту было не так много нужного материала, но зато были бамбук, бечева и старая корзина из-под кокосовых орехов. Мы удлинили корзину бамбуковыми шестами, переплели бечевой и таким образом увеличили ее. Вскоре мы могли плавать в ней вокруг плота. Когда мы стояли в ней во весь рост, то защищены были только ноги; вплетенные бечевки оказывали лишь психологический эффект на нас и на рыб, но, во всяком случае, мы могли нырнуть в нее, заведя, что кто-нибудь начинает против нас враждебные действия, и подать сигнал втянуть нас на борт.

Водолазная корзина не столько была нам полезна, сколько явилась источником развлечения. Она дала возможность глубже изучить подводный аквариум, находившийся у нас под ногами.

Когда море спокойно катило свои волны, мы один за другим спускались в корзине под воду и оставались там, пока хватало дыхания. Там, внизу, все было пронизано причудливо преломленным в воде и не дававшим тени светом. Как только наши глаза оказывались под водой, то представлялось, что источник света не имеет определенного места, как в надземном мире, а, преломленный водой, распространяется как сверху, так и снизу. Солнце не посылало своих лучей сверху, но как бы присутствовало

повсюду. Днище плота было все ярко освещено. Все его девять бревен и вся система тросов и найтовых купались в каком-то волшебном освещении вместе с мерцающими гирляндами ярко-зеленых водорослей, свисавших со всех сторон плота и с кормового весла. Рыбки-лоцманы плавали ровными рядами, напоминая зебр в рыбьей чешуе, а большие золотые макрели хищно сновали вокруг. Беспокойные, жадные, они тут и там бдительно выслеживали добычу и стремительно бросались на нее. Свет падал на источенные красные килевые доски, выскочившие из своих пазов и покрытые колониями морских уток, ритмично шевеливших бахромчато-желтыми жабрами в поисках кислорода и еды. Если кто-нибудь подходил к ним слишком близко, они немедленно закрывали свои окантованные красным и желтым створки и не открывали их, пока не убеждались, что опасность миновала. Удивительно ясное, мягкое освещение, царившее здесь внизу, было особенно приятным для нас, привыкших у себя на палубе к тропическому солнцу. Даже когда мы вглядывались в бездонную глубину и в вечный мрак под плотом, мы видели лишь приятный светло-голубой блеск отраженных солнечных лучей.

Хотя мы были у самой поверхности моря, но, к своему удивлению, видели рыб на большой глубине. Возможно, что это были бонито, но были и другие рыбы, которые плавали так глубоко, что мы не могли их хорошо разглядеть. Иногда рыбы шли громадными косяками, и нам тогда казалось, что весь океан полон рыбы или же она пришла из самых глубин и собралась под "Кон-Тики", чтобы составить нам компанию.

Больше всего мы любили опускаться под воду, когда нас навещали огромные с золотыми плавниками тунцы. Иногда они подплывали к плоту большими косяками, но чаще всего появлялись по двое, по трое и несколько дней спокойно кружили вокруг плота, пока нам не удавалось заманить их на крючок. С плота они казались тяжелыми, большими бурыми рыбами, лишенными каких-либо необычайных украшений, но стоило только подкрасться к ним в их родной стихии, как они мгновенно меняли окраску и форму. Перемена была настолько разительной, что мы несколько раз нарочно спускались в воду и снова разглядывали тунцов, чтобы убедиться, та ли это самая рыба, которую мы видели с плота. Тунцы не обращали на нас ни малейшего внимания; они без смущения продолжали свои величественные маневры, поражая нас изысканностью форм, подобных которым мы не встречали ни у какой другой рыбы. Тунцы были металлического цвета с светло-сиреневым оттенком. Они напоминали мощные блестящие, серебристо-стальные торпеды идеальных пропорций и обтекаемой формы; им стоило лишь слегка пошевелить одним или двумя

плавниками, чтобы привести свое 80-килограммовое тело в движение и скользить в воде с непревзойденной грацией.

Чем ближе мы общались с морем и его обитателями, тем менее чужим казалось оно нам и тем больше мы чувствовали себя как дома. Мы прониклись глубоким уважением к древним первобытным людям, жившим в тесном общении с Тихим океаном и познавшим его совсем с другой стороны, чем мы, цивилизованные люди. Мы сумели вычислить содержание соли в морской воде и дать тунцам и бонито латинские названия. Первобытные люди не занимались этим. Но мне кажется, что представление их о море было все же более верным, чем наше.

В море мало постоянных примет. Волны и рыбы, солнце и звезды появляются и исчезают. Считалось, что на всем огромном протяжении в 8000 километров, отделяющих острова Южных морей от Перу, не было никакой суши. Поэтому мы были весьма удивлены, когда, достигнув 1000 западной долготы; обнаружили, что на морской карте Тихого океана отмечен риф, который должен встретиться, на том курсе, по которому мы следовали. Он был нанесен маленьким кружком, а так как карта была издана в текущем году, то мы заглянули в лоцию "Руководство для моряков в водах Южной Америки", где прочли следующее:

"В 1908, а затем в 1926 году замечены буруны на расстоянии около 600 морских миль к юго-востоку от островов Галапагос, 60°42' южной широты, 99°43' западной долготы. В 1927 году пароход прошел на расстоянии одной мили к западу от этого места, но не заметил никаких бурунов; в 1934 году другой пароход прошел на расстоянии одной мили к югу и также не увидел следов бурунов. В 1935 году моторное судно "Коври" не обнаружило здесь дна на глубине 160 саженей".

Судя по картам, этот район явно считался сомнительным для судоходства; но так как плот подвергался меньшему риску, чем глубоко сидящее в воде судно, мы решили плыть прямо к месту, отмеченному на карте, и выяснить, в чем там дело. На карте риф был помечен немного севернее той точки, куда мы направлялись, поэтому мы перенесли кормовое весло к правому борту и повернули парус таким образом, что нос указывал примерно на север, а ветер и волна приходились с правого борта. Ветер теперь усилился, Тихий океан чаще, чем мы к тому привыкли, заглядывал в наши спальные мешки, и погода стала значительно свежее. Одновременно, к нашему великому удовлетворению, мы с легкостью и уверенностью маневрировали нашим "Кон-Тики" даже под очень большим углом к ветру. Но ветер всегда должен был дуть с кормы, иначе парус выворачивался и на нашу долю снова приходилась сумасшедшая работа

брать контроль над плотом в свои руки. Два дня и две ночи мы плыли все время на норд-норд-вест. Море разыгралось, волны стали беспорядочными, и, когда юго-восточный пассат начал сменяться восточным, следовать по курсу стало труднее. Каждая набежавшая волна то поднимала, то опускала нас. На мачте находился, постоянный наблюдатель, и горизонт сильно расширялся, когда мы поднимались на гребень волны. Гребни волн вздымались метра на два выше крыши нашей хижины, и когда налетали сразу две громадные волны, то в разгаре борьбы между собой они поднимались еще выше и обрушивались шипящей водяной башней в самых неожиданных направлениях. Мы забаррикадировали вход в хижину ящиками с продовольствием, но ночью все же вымокли. Едва мы уснули, как бамбуковая стена впервые не выдержала натиска. Тысячи струек воды фонтанами ударили сквозь плетеный бамбук. Пенящийся поток преодолел ящики с продовольствием и обрушился на нас.

- Позвоните водопроводчику, - услышал я сонный голос, в то время как мы уступали место воде, чтобы она могла уйти в щели между бревнами.

Водопроводчик не пришел, и в наших постелях в ту ночь было много воды. Во время вахты Германа неожиданно явилась на палубу большая макрель.

На следующий день волны были не такими беспокойными - пассат решил дуть некоторое время с востока. На мачте мы все время сменяли друг друга, рассчитывая быть после полудня у намеченной на карте точки. В море мы заметили гораздо больше признаков жизни, чем обычно. Может быть, потому, что мы следили за ним внимательнее, чем всегда.

В полдень к плоту подошла огромная меч-рыба, держась ближе к поверхности воды. Расстояние между двумя торчавшими из воды спинными плавниками достигало у нее 2 метров, а меч имел почти такую же длину, как и тело. Рыба-меч пронеслась, изгибаясь, на волосок от рулевого и исчезла за гребнем волны. В полдень, когда мы насыщались пересоленным и мокроватым завтраком, шипящая волна поднесла к самым нашим носам крупную морскую черепаху с панцирем, головой и растопыренными большими лапами. Но этой волне пришлось уступить место двум другим, и черепаха исчезла так же внезапно, как и появилась. Одновременно несколько макрелей, сновавших вокруг черепахи, сверкнули перед нами своими зеленовато-белыми животами. В этом месте было необычайно много крошечных летучих рыбок, величиной не более одного дюйма, плававших огромными косяками к часто залетающим на плот. Мы видели также одиноких чаек и птиц-фрегатов, паривших над плотом, напоминая своими вилообразными хвостами гигантских ласточек.

Появление птицы-фрегата считается признаком, указывающим на близость суши, и настроение на плоту поднялось.

- Может быть, там находится риф или песчаная отмель, - сказал кто-то из нас.

Другой был настроен более оптимистически.

- А вдруг мы увидим сейчас, - сказал он, - посреди океана маленький остров, покрытый зеленой травой! Ничего неизвестно - ведь здесь побывало так мало народу. И тогда мы откроем новый остров - остров Кон-Тики!

Начиная с полудня, Эрик все усерднее и усерднее взбирался на кухонный ящик с секстантом в руках. В 18.20 он сообщил, что мы находимся на 60°42' южной широты, 99°042' западной долготы. Мы были на одну морскую милю восточнее обозначенного на карте рифа. Мы спустили парус и, свернув, сложили его на палубе. Ветер был восточный, и он должен был постепенно доставить нас к нужному месту. Солнце быстро ушло в воду, но его заменила полная луна. Ее яркий свет освещал поверхность моря, отливавшую серебром и чернью от горизонта до горизонта. С мачты видимость была хорошей. Кругом длинными грядами катились волны, но бурунов - признаков подводного рифа - мы не видели. Никто не хотел ложиться спать, все были на палубе; одни смотрели и прислушивались, другие наблюдали с мачты. Подходя ближе к помеченному на карте рифу, мы начали измерять глубину лотом. Все имевшиеся у нас свинцовые грузила были привязаны к шнуру, сплетенному из пятидесяти четырех шелковых нитей, длиной около 800 метров, и хотя шнур вследствие постоянного движения плота опускался не совсем отвесно, свинец погрузился на глубину в 600 метров. Но ни к востоку, ни к западу, ни в самой середине отмеченного на карте места мы не могли достать дна. Мы бросили последний взгляд на поверхность моря и, убедившись, что весь район нами тщательно исследован и в нем нет ни подводных рифов, ни отмелей, подняли парус и поставили кормовое весло в обычное положение, так, чтобы ветер дул с кормы по левому борту. И вот наш плот шел опять своим обычным курсом. Волны, как и прежде, набегали на открытые бревна кормы и исчезали между ними. Теперь наши постели и еда были сухими, если даже тяжелые волны и всерьез начинали атаку и свирепствовали несколько дней. Ветер дул попеременно то с востока, то с юго-востока.

Во время нашей небольшой экскурсии к несуществующему рифу нам удалось на практике узнать многое о пользе килевых досок. А позднее, в пути, когда Герман и Кнут вместе нырнули под плот и водворили на место

пятую килевую доску, мы узнали об этих частях плота нечто такое, что никто не знал с тех пор, как сами индейцы перестали заниматься этим видом спорта. Было совершенно понятно, что основное назначение этих досок - служить киями и давать возможность плоту двигаться под определенным углом к ветру. Но то, что индейцы, как сообщают древние испанские летописцы, управляли бальзовыми плотами с помощью своего рода передвижных килей, которые они укрепляли в щелях между бревнами, казалось непонятным и нам и всем, кто занимался этим вопросом. Ведь если выдвигной киль плотно вставлялся в узкую щель, то его нельзя было повернуть в сторону и использовать как руль.

Мы открыли тайну килевых досок следующим образом. Ветер был постоянный, море - спокойное. "Кон-Тики" уже два дня шел одним курсом, и нам не приходилось даже закреплять кормовое весло. Но когда мы вставили пойманную килевую доску в щель между бревнами на корме, то "Кон-Тики" тотчас же изменил курс на несколько градусов - с запада к северо-западу - и спокойно и уверенно пошел в новом направлении. Когда мы вытаскивали эту килевую доску, плот ложился на свой прежний курс; а когда мы поднимали ее лишь наполовину, плот брал курс, средний между старым и новым направлениями. Простым поднятием и опусканием килевой доски мы могли изменять направление плота, не прибегая к кормовому веслу. В этом и заключался гениальный способ управления инков. Они разработали простую систему равновесия, при которой давление, оказываемое ветром на парус, делало мачту неподвижной точкой. Плечами рычага являлись части плота, расположенные впереди и позади мачты, то есть носовая и кормовая части плота. Если общая площадь килевых досок на корме была больше, то нос судна свободно поворачивался по ветру; а если же большей площадью обладали килевые доски носовой части, то по ветру свободно поворачивалась корма. Кили, расположенные вблизи основания мачты, давали, естественно, наименьший эффект, согласно закону о соотношении между рычагом и приложенной силой. Если ветер дул прямо с кормы, то килевые доски становились бесполезными, и тогда нужно было браться за кормовое весло, чтобы держать заданный курс. Тем более что плот во время такого ветра становился как бы длиннее, так как он шел перпендикулярно волне и ему было трудно с ней справиться. Входное отверстие в хижину и место наших трапез были с правой стороны, и мы считали для себя удобнее, чтобы ветер дул с кормы, слева по борту.

Мы могли бы продолжать путешествие, заставляя рулевого опускать и поднимать кили, вставленные в щелях, вместо того чтобы тянуть кормовое

весло, но мы так привыкли к нему, что предпочитали устанавливать курс при помощи килевых досок, а управлять - веслом.

Вскоре после этого мы прошли мимо верстового столба столь же невидимого, как и таинственный риф, обозначенный только на карте. Настал 45-й день нашего путешествия, мы пересекли 108-й меридиан и прошли, таким образом, ровно половину пути. До Южной Америки и Перу на востоке было 4 тысячи километров и столько же до Полинезии на западе. Ближайшей землей были острова Галапагос на ост-норд-осте и остров Пасхи на юге - расстояние до них было свыше 1000 километров по безграничному океану.

На пути мы не встретили ни одного парохода, да и не должны были встретить, потому что мы находились вдали от обычных судоходных линий Тихого океана. Но, несмотря на это, мы так и не ощутили необъятности этих расстояний. В плавании нас постоянно окружала линия горизонта. Границы нашего собственного плавучего мира всегда казались неизменными, в центре их находился плот, и каждую ночь в небе над нами сияли все одни и те же звезды.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН

Прогулки на резиновой лодке. Вид на наш плот со стороны. В море в бамбуковой хижине. На одной долготе с островом Пасхи. Тайна острова Пасхи. Гигантские статуи и каменные изваяния. Красные каменные парики. Шедевры "длинноухих". Роль Тики. Многоговорящие названия. Ловля акул голыми руками. Попугай. Позывные "LI2B". Плавание по звездам. Три волны. Шторм. Кровавая баня в воде и на плоту. Человек за бортом. Снова шторм. "Кон-Тики" еле жив. Посланцы из Полинезии.

В спокойную и тихую погоду мы часто выходили в море на резиновой лодке и занимались фотографированием. Особенно хорошо помню я первую прогулку нашей команды. Море было так спокойно, что двум членам нашей экспедиции очень захотелось спустить на воду небольшую, похожую на баллон, легкую лодку и прогуляться по волнам. Едва они отчалили от плота, как бросили грести и захохотали во все горло. Они смотрели на плот, опускавшийся и поднимавшийся на волнах, и так хохотали, что настоящий рев раскатывался по Тихому океану. Мы в замешательстве разглядывали все вокруг себя и не находили ничего смешного, кроме своих волосатых и бородатых лиц, но к ним, невидимому, все без исключения давно уже привыкли. У нас закралось подозрение, что те двое, в лодке, внезапно сошли с ума. Может быть, солнечный удар? Они вернулись и от хохота едва смогли взобраться на плот. Со слезами на глазах они принялись нас упрашивать сесть в лодку и самим посмотреть.

Мы с Кнутом прыгнули в плясавшую на волнах резиновую лодку, и большая волна немедленно отбросила нас далеко от плота. Мы оба вдруг захохотали и немедленно возвратились на плот, чтобы успокоить тех двоих, которые еще не побывали в лодке. Они уже решили, что мы все четверо спятили.

Оказалось, что и мы сами и наше гордое судно, когда мы впервые увидели все это со стороны, производили безнадежно нелепое, невообразимое впечатление. Нам ни разу не приходилось смотреть на себя

со стороны в открытом море. Дело в том, что из лодки нам не были видны бревна плота, которые скрывались за волнами, мы видели только скакавшую низкую хижину с плоской крышей и широким входным отверстием. Плот был похож на старый норвежский сеновал, беспомощно нырявший в волнах, ветхий сеновал, набитый загорелыми и бородатыми бродягами. Такой же неудержимый взрыв хохота вызвал бы у нас человек, который вздумал бы гнаться за нами на веслах в ванне. Даже самые небольшие волны били о стены нашей хижины, и казалось, что они заливают хижину через входное отверстие, в которое видны были лежащие на полу и глазевшие по сторонам парни. Но вот нескладное суденышко поднималось на гребне волны, а бродяги лежали как ни в чем не бывало - сухие и невредимые. Когда набрасывалась огромная волна, то и хижина, и парус, и мачта - все исчезало, но в следующий же момент хижина с бродягами опять оказывалась на своем месте.

На расстоянии все это казалось опасным, и нам было трудно себе представить, что мы так хорошо справлялись с нашим необычным судном.

Когда мы в следующий раз отправились на резиновой лодке посмеяться над собой, мы чуть не попали в беду. Ветер и волны оказались сильнее, чем мы предполагали, и "Кон-Тики" двигался значительно быстрее, чем мы рассчитывали. Мы гребли изо всех сил, стараясь догнать плот, который не мог ни остановиться, ни подождать, ни тем более повернуть обратно. Даже тогда, когда наши товарищи убрали парус, скорость почти не уменьшилась, потому что парусом стала бамбуковая каюта. Плот продвигался на запад так же быстро, как и наша лодка, несмотря на то что мы напрягали все свои силы. Мы ясно себе представляли, что нас ожидает, если потеряем друг друга в открытом океане. Нам пришлось пережить несколько ужасных минут, казавшихся бесконечными. И когда мы наконец нагнали плот и взобрались на бревна, то почувствовали, что попали домой.

После этого случая экипажу плота было строго-настрого запрещено выходить в бурную погоду на резиновой лодке, не привязав предварительно ее к плоту длинным канатом. Тогда те, кто на нем оставался, легко могли подтянуть туристов к себе. Мы не уходили далеко от плота, разве только тогда, когда наступал штиль и поверхность океана поблескивала рябью; это не раз случалось, когда мы находились на полпути между Перу и полинезийскими островами и господствующий над всем океаном виден был во всех точках горизонта. И тогда мы отчаливали от "Кон-Тики" и гребли в голубое пространство между небом и землей. Мы чувствовали себя совсем одинокими и заброшенными, когда силуэт нашего плота становился все

меньше и меньше и парус превращался в маленькую точку на горизонте. Океан вокруг нас был таким же синим, как небо над нами, и там, где они встречались, синева неба и моря сливалась. У нас было такое ощущение, будто мы, лишенные всех точек опоры, кроме солнца, золотого и теплого, обжигавшего наши затылки, были подвешены в пустой голубой вселенной. В таких случаях видневшийся далеко на горизонте одинокий парус притягивал нас, как магнит. Мы быстро гребли обратно, и, когда вновь забирались на плот, нам казалось, что мы возвратились домой и что снова у нас под ногами была твердая, надежная опора. В каюте нас ожидали прохлада, запах бамбука и сухих пальмовых листьев, чистая голубизна лилась через дверь в подходящих дозах. Мы к этому привыкли и довольствовались этим до того момента, когда голубая даль вновь не начинала манить нас к себе.

Просто удивительно, какое своеобразное психологическое воздействие оказывала на нас наша маленькая бамбуковая хижина, или каюта! Она была 14 футов длиной и 8 - шириной, а для того, чтобы ветер и волны не так на нее обрушивались, мы сделали ее такой низкой, что выпрямиться во весь рост в ней было невозможно. Стены и крыша были сделаны из связанных стволов бамбука и покрыты сплетенной из расщепленного бамбука циновкой. Желтые и зеленые стволы с бахромой из листьев свешивались с крыши и были приятнее для глаз, чем белые стенки каюты на пароходе. И, несмотря на то что правая бамбуковая стена была на одну треть открыта, а через стены и крышу видны были и солнце и луна, мы чувствовали себя под этой примитивной защитой гораздо надежнее, чем если бы у нас были покрашенные в белую краску переборки и задраенные иллюминаторы. Мы попытались найти объяснение этому своеобразному факту и пришли к следующему выводу. Мы не привыкли связывать бамбуковую хижину с морскими путешествиями. Не было никакой естественной связи между огромным волнующимся океаном и маленькой сквозной бамбуковой хижинкой, плывущей по волнам. Либо бамбуковая хижина была совершенно чуждой волнам, либо волны вокруг хижины были чужды ей. Последнее впечатление преобладало. Когда же мы находились в резиновой лодке, то у нас возникало совершенно противоположное чувство. Волны перекачивались через нос и корму плота, и это укрепляло наше доверие к сухой части в середине плота, где находилась хижина. Чем дольше продолжалось путешествие, тем безопаснее мы чувствовали себя в нашей уютной берлоге. Мы наблюдали за игрой пенящихся волн, пронесившихся перед нашим входным отверстием, словно находились в кино и смотрели драмы, не грозившие нам никакими опасностями. В хижине нам казалось,

что мы находимся в джунглях, на расстоянии десятка миль от океана и связанных с ним опасностей, несмотря на то что открытая стена находилась лишь в 5 футах от края плотa и на полфута над поверхностью моря. В хижине мы могли лежать на спине и смотреть в этот своеобразный потолок, который раскачивался от ветра, как ветка дерева, в разные стороны, и наслаждаться напомиавшим нам о джунглях запахом свежего дерева, бамбука и сухих пальмовых листьев.

Мы иногда выходили на резиновой лодке и ночью, чтобы полюбоваться на плот со стороны. Угольно-черные волны вздымались со всех сторон, над нами сияли мириады звезд, слабо отсвечивая в морском планктоне. Мир был прост - звезды и ночь. Внезапно стало совершенно безразлично - был ли это 1947 год нашей эры или до нее. Мы жили и чувствовали жизнь с обостренной яркостью. Казалось, небольшой, но неизмеримо богатый мир, центром которого был плот, существовал с начала времен и будет существовать до бесконечности. Мы поняли, что жизнь была для людей полной задолго до нашего века техники, она была для них во многих отношениях даже полнее и богаче, чем жизнь современного человека. Время и эволюция перестали как-то для нас существовать. Все, что было реальным и что имело значение, всегда существовало и будет существовать. Мы чувствовали себя в самых недрах истории, вокруг нас царили беспросветная тьма и мириады звезд. "Кон-Тики" то поднимался перед нами на гребне волны, то исчезал за темными массами воды, которые вздымались между ним и нами. Лунный свет придавал плоту призрачный вид. Толстые блестящие бревна, облепленные морскими водорослями, темные очертания прямоугольного паруса времен викингов, бамбуковая хижина, освещенная мерцающим светом керосинового фонаря, - все это больше напоминало картинку из волшебной сказки, чем действительность. Плот то совсем пропадал в волнах, то снова появлялся, а его очертания четко вырисовывались на фоне звезд, в то время как вода серебряными каскадами перекатывалась через бревна.

Всматриваясь во все, что окружало одинокий плот, мы иногда мысленно представляли себе целую флотилию таких плотов, разбросанных по горизонту огромным веером, для того чтобы можно было скорее увидеть землю, когда первые люди переплывали этот океан. Инка Тупак Yupanki, покоритель Перу и Эквадора, снарядил целую армаду из больших бальзовых плотов, посадил на них несколько тысяч человек и отправился, незадолго до прихода испанцев, на запад в поисках островов, молва о которых шла по всему Тихому океану. Он открыл два острова, которые, как полагают, были островами Галапагос, а через восемь месяцев ему удалось

возвратиться со своими гребцами в Эквадор. За сотни лет перед тем Кон-Тики и его спутники совершили свое путешествие, по всей вероятности, при таких же условиях, но они открыли полинезийские острова и у них не было никакого повода возвращаться обратно.

Обычно, когда мы снова оказывались на плоту, мы собирались на палубе вокруг фонаря и беседовали о древних мореходах из Перу, переживших пятнадцать веков назад то же, что и мы. Фигуры наши отбрасывали гигантские бородатые тени на парус, и мы думали о белых бородатых людях из Перу, следы которых можно найти в мифологии и архитектуре на всем пути от Мексики, Центральной Америки через северо-западную часть Южной Америки вплоть до Перу, где таинственная цивилизация, будто по мановению волшебного жезла, исчезла еще до прихода инков и вновь появилась на тех далеких островах на западе, к которым мы приближались. Пришел ли тот культурный народ давным-давно, преодолев ветры и бурные течения, из Средиземного моря, с Канарских островов в Мексиканский залив тем же простым способом, каким путешествовали мы? Мы уже не верили, что океаны разделяют народы. Многие исследователи утверждают, основываясь на фактах, что высокоразвитые индейские цивилизации, от ацтеков^[24] в Мексике до инков в Перу, возникли под внезапными влияниями, дошедшими с востока из-за моря, тогда как остальные индейцы являются в целом азиатскими народами охотников и рыболовов, перекочевывавшими в течение двадцати тысяч или более лет в Америку из Сибири.

Поразительно полное отсутствие каких бы то ни было следов постепенного перехода от стадии менее развитой культуры к стадии высокоразвитой цивилизации, что характерно для всех высокостоящих индейских культур, существовавших когда-то от Мексики до Перу. Чем глубже проникают археологи, тем богаче становятся памятники культуры, пока они не достигают какой-то точки, и тогда выясняется, что старая цивилизация возникла, не имея никаких корней в среде первобытных культур.

Другим своеобразным фактором является то, что эти культуры возникали как раз там, куда направлялось течение из Атлантики, - в пустынях и джунглях Центральной и Южной Америки, а не в более умеренных зонах, где условия для развития культуры как в древние времена, так и сейчас значительно благоприятнее. То же самое можно наблюдать и на островах Южных морей. На острове Пасхи, расположенном ближе всех к Перу, остались следы высокой культуры, хотя он неплодороден, лишен воды и отдален от Азии и от тихоокеанских островов.

Мы прошли полпути и преодолели расстояние, отделяющее Перу от острова Пасхи. Этот легендарный остров лежал теперь к югу от нас. Мы начали свое путешествие из места, расположенного приблизительно посередине побережья Перу, для того чтобы повторить маршрут древних путешественников. Если бы мы отправились в путь из более южного пункта побережья, ближе к развалинам города Кон-Тики, называвшегося Тиауанако, то нам бы сопутствовал тот же ветер, но течение было бы слабее, и оба, вместе взятые, несли бы нас по направлению к острову Пасхи.

Мы пересекли 110° западной долготы и оказались уже в Полинезии, потому что входящий в группу полинезийского архипелага остров Пасхи находился сейчас ближе к Перу, чем мы. Мы были на одном уровне с форпостом островов Южных морей, центром старейшей островной культуры. Ночью, когда наш пылающий путеводитель - солнце слезло с неба и исчезло на западе за океаном вместе со всем своим спектром, мягкий пассат вдунул новую жизнь в историю о своеобразной тайне острова Пасхи. Ночная тьма медленно стирала всякое представление о том, в каком веке мы жили и как встарь на парусе отражались тени гигантских бородатых голов.

А южнее нас, на острове Пасхи, размышляли над тайнами веков еще более огромные, но высеченные из камня головы исполинов с острыми бородами и чертами лица белого человека. Так стояли они, когда первые европейцы открыли остров в 1722 году, так стояли они в те времена, когда предки теперешних жителей приплыли на своих каноэ и уничтожили всех взрослых мужчин таинственного культурного народа, населявшего остров. А после этого сменились двадцать два поколения. С тех пор головы этих богов являются одной из неразрешенных тайн древности. На склонах почти лишенного растительности острова вздымаются к небу огромные, имеющие человеческий облик каменные великаны, искусно вырубленные из глыбы вышиной с 3-4-этажный дом. Как могли люди древности обтесать, перевезти и воздвигнуть такие гигантские каменные статуи? И словно для того, чтобы поставить исследователя еще больше в тупик, они, будто колоссальным париком, увенчали головы многих скульптур огромными красными камнями - приблизительно на высоте 12 метров от земли. В чем смысл всего этого и как исчезнувшие архитекторы смогли решить технические проблемы, представляющие значительные трудности даже для современных инженеров?

Однако если сопоставить все дошедшие до нас остатки каменных скульптур и сооружений, то тайна острова Пасхи окажется не столь

неразрешимой - особенно если не забывать при этом древних путешественников на плотках из Перу. Древние цивилизованные народы оставили после себя на острове следы, которые зубы времени не смогли уничтожить.

Остров Пасхи является вершиной древнего потухшего вулкана. Мощные дороги, проложенные древним культурным народом, ведут к хорошо сохранившимся пристаням на берегу. Они говорят о том, что уровень воды у острова в то время был тот же, что и сейчас. Остров Пасхи не является частью затонувшего материка -это лишь небольшой, вулканического происхождения остров, который был таким же крохотным и одиноким и тогда, когда он являлся культурным центром Тихого океана.

Посередине конусообразного острова находится кратер потухшего вулкана, внутри которого до сих пор существуют каменоломни и замечательные мастерские скульпторов. Все сохранилось в том виде, в каком оно было сотни лет назад, когда древние художники и архитекторы бросили свою работу и ринулись к восточной оконечности острова, где, по преданию, прибывшие островные люди перебили всех взрослых мужчин. Место, где когда-то была вдруг прервана работа, дает ясное представление о рабочем дне на острове Пасхи. На рабочих местах разбросаны каменные топоры скульпторов, твердые, как кремь. Они говорят о том, что этот культурный народ так же не знал железа, как ваятели Кон-Тики, когда они бежали из Перу, оставив после себя на плоскогорье Анд такие же гигантские каменные статуи. Как на острове Пасхи, так и на андском плоскогорье существуют каменоломни, где легендарные бородатые люди вырубали из гор каменные глыбы высотой в 12 метров и пользовались при этом еще более твердыми каменными топорами. И в горах и на острове гигантские глыбы весом в несколько тонн переносились на много километров по бездорожью и воздвигались в виде исполинских человеческих фигур или таинственных террас и стен.

Много незаконченных скульптур все еще лежит в нишах в стене кратера на острове Пасхи и дает представление о различных этапах работы. Самая гигантская статуя, почти законченная к тому моменту, когда скульпторы вынуждены были бросить работу, имеет высоту 22 метра, и если бы она была установлена, то ее голова оказалась бы на уровне крыши 7-8-этажного дома. Статуя вырубалась из цельной каменной глыбы, и рабочие ниши для скульпторов, расположенные вокруг лежащих каменных статуй, свидетельствуют о том, что над одной статуей работало одновременно не так много людей. Лежащие на спине - с согнутыми локтями и сложенными на животе руками, похожие на каменных колоссов в

Перу. - статуи на острове Пасхи не выносились из мастерской, пока не были отделаны до последней детали. Лишь тогда их переправляли к месту установки. Последняя стадия работы в мастерской заключалась в том, что соединенная с отвесной стеной кратера узким гребнем спина колосса отделялась и подпиралась валунами.

Много статуй опускалось на дно кратера и устанавливалось по его склонам. Но часть самых крупных великанов переправлялась через край кратера на многие километры и воздвигалась на каменных постаментах, причем на голове дополнительно устанавливался огромный кусок красной лавы. Переброска таких скульптур может показаться совершенно необъяснимой, но никто не может отрицать, что она производилась, так же как нельзя отрицать существование подобных каменных гигантов в Андах, доказывающих, что создавшие их, исчезнувшие из Перу скульпторы были мастерами своего дела. Каменные статуи на острове Пасхи - самые крупные и многочисленные. Ваятели этого острова выработали свой стиль, однако представители той же исчезнувшей культуры воздвигли колоссальные статуи, похожие на человека, на многих других островах Южных морей, ближайших к Америке, и повсюду каменные гиганты переправлялись к храмам из отдаленных каменоломен. На Маркизских островах я слышал легенды, рассказывающие, как переносили эти гигантские каменные глыбы, и так как они сходились с рассказами местных жителей о перевозке каменных столбов к гигантскому portalу на острове Тонгатабу, можно сделать заключение, что и на острове Пасхи применялся тот же способ.

Работа в кратере отнимала много времени, но она не требовала большого числа искусных мастеров и художников. Зато перевозка шла относительно быстро, но требовала большого количества людей. Остров Пасхи был в те времена богат рыбой и имел большие плантации перуанского сладкого картофеля - батата. Этнографы считают, что в период расцвета острова население его составляло 7-8 тысяч человек. Около тысячи человек требовалось для поднятия огромной статуи из жерла кратера, а 500 человек было достаточно, чтобы перевезти ее в любое место острова. Из лыка и растительных волокон плелись крепкие канаты, каменные великаны укладывались на деревянные рамы, установленные на бревна-катки и небольшие валуны, смазанные соком, добытым из корней таро, и целая толпа волокла их к месту установки. Древние культурные народы умели плести хорошие веревки и канаты. Это искусство было известно тоже народам, жившим на островах Южных морей и прежде всего в Перу, где первые европейцы нашли висячие мосты в 100 метров длиной,

из плетеных тросов толщиной в туловище человека, перекинутые через горные потоки и ущелья.

Дотащив каменные статуи к назначенному месту, нужно было решить другую задачу - поставить их. Толпа островитян сооружала для этого из песка и камня временную горку, одна сторона которой была пологой, а другая - почти отвесной. Статую поднимали по горке вверх, ногами вперед, осторожно опускали через край, и она соскальзывала в уже подготовленную яму. Таким образом, голова статуи находилась на одном уровне с сооруженной горкой. Тогда на нее вкатывали еще один цилиндр из красной лавы и ставили его на голову статуе, а затем горку убирали. Несколько таких горок в разных местах острова Пасхи все еще стоят в ожидании колоссальных статуй, которые так и не появились. Техника эта достойна восхищения, но в ней нет ничего таинственного, если только мы перестанем недооценивать разум древних людей и возможности в смысле времени и человеческой силы, которыми они располагали.

Но для чего сооружались эти каменные статуи? И зачем было необходимо брать для головы статуи особую красную горную породу, находившуюся в каменоломне, в 7 километрах от кратера, где размещались мастерские? И в Южной Америке и на Маркизских островах очень часто можно встретить целые статуи из красного камня, а ведь приходилось сталкиваться со значительными трудностями, чтобы его добыть. Красные головные уборы были характерным признаком, отличавшим знатных людей как в Полинезии, так и в Перу.

Давайте сначала посмотрим, кого изображали статуи. Когда первые европейцы прибыли на остров Пасхи, они увидели на побережье таинственных "белых" людей, и, вопреки принятым у народов тех стран обычаям, у этих "белых" людей были длинные развевающиеся бороды. Это были потомки тех женщин и детей коренной расы, которых пощадили завоеватели острова. Местные жители рассказывали, что некоторые из их предков были белые, другие - коричневые. У них были точные сведения о том, что их коричневые предки впервые прибыли сюда двадцать два поколения назад откуда-то с полинезийских островов, в то время как первые белые жители прибыли на остров с востока, на больших гребных лодках, пятьдесят семь поколений назад (то есть в V-VI веке н. э.). Людей, прибывших с востока, называли "длинноухими", потому что они искусственно оттягивали себе мочки, доходившие иногда до плеч, подвязывая к ним различные тяжелые предметы. Именно этих таинственных "длинноухих" и уничтожили, когда остров был завоеван "короткоухими". И у всех каменных статуй на острове Пасхи также

длинные, свисающие до плеч мочки. Такие же уши были когда-то у самих скульпторов.

Дело между тем обстоит так: легенды перуанских инков рассказывают, что царь-солнце Кон-Тики правил белыми бородатыми людьми, которых инки называли "большеухими", потому что они искусственно удлиняли свои уши. Инки подчеркивали, что именно "большеухие" царя-солнца Кон-Тики воздвигли заброшенные сейчас гигантские статуи, и они же были побеждены и изгнаны самими инками в битве на одном из островов озера Титикака.

Таким образом, белые "большеухие" люди Кон-Тики, с большим искусством создавшие колоссальные каменные статуи, ушли из Перу на запад, а белые "длинноухие", подданные того же Тики, прибыли на остров Пасхи с востока. Причем они были прекрасными мастерами в той же области искусства и работали с первых шагов безукоризненно. На крохотном острове Пасхи нет ни малейших следов, которые указывали бы на то, что их мастерство пережило там длительную стадию развития, прежде чем появились совершенные образцы скульптуры.

Между огромными каменными статуями Перу и некоторых островов Южных морей существует больше сходства, чем между каменными статуями на различных островах Южных морей. На Маркизских островах и Таити эти статуи известны под общим родовым именем Тики, и изображают они чтимых в истории острова предков, обожествленных после смерти. Здесь же, по всей вероятности, можно найти объяснение красным головным уборам статуй на острове Пасхи. Как уже раньше упоминалось, на всех островах Полинезии встречались отдельные жители и целые семьи с белой кожей и рыжеватыми волосами, и сами островитяне утверждают, что они происходят от первых белых людей, прибывших на острова. На некоторых островах устраивались религиозные праздники, участники которых окрашивали кожу в белый цвет, а волосы - в красный, чтобы походить на своих ранних предков. На ежегодных празднествах на острове Пасхи главное действующее лицо церемонии стригли наголо, чтобы окрасить его голову в красный цвет. Огромные красные парики на колоссальных каменных фигурах были высечены в стиле принятой на острове Пасхи мужской прически - волосы на макушке связаны в узел.

У каменных фигур на острове Пасхи были длинные уши - такие же, как и у самих скульпторов. На голове - красные парики, потому что у самих скульпторов были рыжеватые волосы. У них был сильно выдающийся вперед острый подбородок, потому что у самих скульпторов была борода. У них типичная для белой расы физиономия с узким, длинным носом и

тонкими, узкими губами, потому что сами скульпторы не принадлежали к коричневой расе. У каменных фигур были огромные головы, коротенькие ноги и сложенные на животе руки. Это произошло потому, что именно такими привыкли создавать свои гигантские скульптуры мастера в Перу. Единственное украшение статуи острова Пасхи - высеченный вокруг живота пояс. Такой же символический пояс имеют каменные статуи, найденные в древних развалинах города Кон-Тики у озера Титикака. Это мистическая эмблема бога солнца - пояс радуги. В мифе, бытующем на острове Мангарева, рассказывается, что бог солнца расстегнул свой магический пояс-радугу и спустился по нему с неба на Мангареву, чтобы населить его там своими белокожими детьми. Солнце считали некогда своим праотцем как жители всех островов Южных морей, так и жители Перу.

Мы сидели на палубе под звездным небом и пересказывали друг другу своеобразную историю острова Пасхи, хотя плот уносило прямо в самый центр островов Полинезии и вместо загадочного острова мы могли увидеть лишь его название на географической карте.

Остров Пасхи появился на географической карте в связи с тем, что несколькими голландцам случилось "открыть" его в день христианского праздника пасхи. Мы, к сожалению, забыли, что у местных жителей существуют собственные имена для своей родины, более значительные и поучительные. Любимому ребенку дается обычно много имен, и этот остров имеет по меньшей мере три полинезийских названия.

Первое имя - "Те-Пито-те-Хенуа", что означает "Пуп островов". Это поэтическое название подчеркивает, очевидно, своеобразное расположение этого острова по отношению к островам, находящимся дальше на западе, и, по признанию самих полинезийцев, является самым древним. На восточном берегу острова, недалеко от облюбованных "длинноухими" пристаней, находится тщательно обточенный круглый камень, называемый "Золотой пуп" и считающийся центром самого острова Пасхи. Нет никаких сомнений, что имеется определенный символический смысл в том, что предки полинезийцев с их поэтическим складом ума воздвигли на восточном побережье своего острова каменный его пуп - "Пуп островов", - связующее звено с прежней родиной жителей острова.

Другим названием острова Пасхи является "Рапа-нуи", что означает "Большая Рапа", в то время как "Рапа-ити", или "Малая Рапа", - это другой такой же величины остров, расположенный далеко к западу от острова Пасхи. У всех народов существует такой обычай: если он называет первую свою родину, например, "Большая Рапа", то следующее место его

поселения будет называться "Новая Рапа" или "Малая Рапа", даже если обе местности одинаковы по своим размерам. И правильным является поверье среди жителей Малой Рапы, что первые поселенцы этого острова прибыли сюда некогда с Большой Рапы - с востока, с острова Пасхи, ближайшего к южноамериканскому континенту.

Третье и последнее название этого ключевого острова - "Матакитеранги". что означает "Глаз, смотрящий на небо". На первый взгляд название может показаться сомнительным, так как низменный остров Пасхи может видеть небо отнюдь не так ясно, как гористые острова - например, Таити, Маркизские или Гавайские. Но слово "Ранги" - "небо" - имеет для полинезийцев двойное значение. Оно было первой родиной предков, святой землей солнечного бога, покинутым царством Тики. И поэтому особенно показательным является то, что из всех тысяч островов Тихого океана только их форпост - остров Пасхи - называется "Глазом, смотрящим на небо". Это еще более поразительно потому, что сходное название "Матаранги", что по-полинезийски означает "Глаз неба", дано древнему перуанскому местечку на побережье Тихого океана, находящемуся напротив острова Пасхи и у самых развалин города Кон-Тики в Андах.

Один лишь остров Пасхи давал нам множество тем для бесед, когда мы сидели на палубе под звездным небом и чувствовали себя участниками доисторических приключений. Нам казалось, будто мы только тем и занимались еще со времен Тики, что плавали по морям под солнцем и звездами и искали землю.

У нас уже больше не было того уважения к морю и волнам, которое мы чувствовали раньше. Мы знали их и их отношение к нам и к плоту. Даже акула стала для нас обыкновенной частью пейзажа. Мы знали и ее и все ее повадки. Мы уже больше не хватались за ручные гарпуны и даже не двигались с места, если она появлялась рядом, когда мы сидели на краю плота. Наоборот, мы готовы были позлить ее немножко и хватали за спинной плавник, когда она невозмутимо скользила вдоль бревен. Это понемногу развилось в совершенно новый вид спорта-единоборство с акулой без лесы.

Начали мы весьма скромно. Надо сказать, что мы вылавливали золотых макрелей больше, чем могли съесть. Мы не хотели лишиться любимого развлечения, и в то же время жаль было губить зря рыбу наживку, а потому мы изобрели ужение без крючка, доставлявшее удовольствие и нам, и макрелям. Мы просто привязывали неиспользованную летучую рыбу на шнурок и заставляли ее танцевать на

поверхности моря. Золотые макрели взвивались вверх и хватали рыбу, а мы тянули; тянули и макрели - каждый в свою сторону, причем начиналось настоящее цирковое представление - одна макрель сменялась другой. В конце концов мы получали удовольствие, а макрель - летучую рыбу. Затем мы затеяли такую же игру и с акулами. Мы крепко привязывали на шнурок кусок рыбы или даже кулек с остатками обеда. Вместо того чтобы, как обычно, перевернуться на спину, акула просто высовывала рыло из воды и приближалась к куску с широко открытой пастью. Не успевала она сомкнуть челюсть, как мы дергали за шнурок, и обманутая акула с непередаваемо озадаченным и покорным видом снова открывала пасть, но каждый раз, когда она готова была проглотить приманку, кулек выскальзывал у нее из глотки. Дело кончалось тем, что акула плыла прямо к бревнам и прыгала, как голодная собака, за едой, которая болталась над самым ее носом. Это походило на кормежку в зоологическом саду разевающего пасть бегемота. Однажды в конце июля, через три месяца после нашего выхода в море, я записал в вахтенный журнал:

"Мы установили дружественные отношения с акулой, которая плыла за нами сегодня. Во время обеда мы ее кормили и совали куски прямо в пасть. Она вела себя, как собака, о которой с уверенностью нельзя сказать, злая она или ласковая. Нельзя отрицать, что акулы могут казаться совсем симпатичными, если только не попадать им в пасть. Вообще мы довольны их обществом, но только не во время купанья".

Однажды бамбуковая палка с привязанным к ней на шнурке кульком с едой для акулы лежала на краю плотa, и вдруг большая волна смыла ее за борт. Палка уже отплыла на несколько сотен метров от кормы плотa, как вдруг она неожиданно выскочила и, плывя торчком, принялась нас догонять, явно намереваясь вернуться на свое место. Когда она подплыла поближе, мы увидели 10-футовую акулу, над которой бамбуковая палка торчала, как перископ. Акула проглотила пакет, но не перекусила шнура. Бамбуковая палка вскоре нагнала нас, спокойно проплыла мимо и наконец исчезла из виду.

Хотя мы понемногу и начали смотреть на акулу совсем другими глазами, но никогда не теряли чувства уважения к пяти-шести рядам острых, как бритва, зубов, скрывающихся в ее огромной пасти.

Однажды Кнуту пришлось совсем неожиданно для себя совершить заплыв в обществе акулы. Быстрое движение плотa и присутствие по соседству акул были причиной того, что мы запретили всем членам экипажа удаляться во время купанья от плотa. Но в тот день было очень тихо, мы только что втащили на плот следовавшую за нами акулу, и потому

желающим было разрешено быстро окунуться в море. Кнут нырнул, проплыл под водой значительное расстояние, затем вынырнул и поплыл обратно. В тот же момент один из нас увидел с мачты настигающую Кнута тень, значительно больше его по размерам, но находившуюся глубже его. Мы предупредили его по возможности спокойно, чтобы не создавать паники, и Кнут стал набирать скорость. Но тень плавала лучше, она быстро вынырнула из глубины и стала нагонять Кнута. Они пришли к плоту одновременно. И как раз в тот момент, когда Кнут вскарабкался на плот, большая 6-футовая акула проплыла под его животом и остановилась у края плота. В благодарность за то, что она не догнала Кнута, мы предложили ей лакомую голову макрели.

Вообще следует сказать, что прожорливых акул привлекает скорее запах добычи, чем ее вид. С целью проверки этого наблюдения мы садились на край плота и спускали ноги в воду, и акулы спокойно подплывали к нам, проплывали мимо, удалялись на 2-3 метра и снова, повернув хвосты, возвращались к нам.

Но если в воду попадала хоть капля крови, например во время чистки рыбы, то плавники акул были уже тут как тут, и чудовища сновали вокруг, как мясные мухи. Если же нам случалось выбросить внутренности акулы, то ее сородичи буквально сходили с ума и бешено набрасывались на добычу. Они яростно пожирали печень своих собственных собратьев, и если мы тогда спускали ногу в воду, то акулы набрасывались на нее с быстротой ракеты и вцеплялись зубами в то место бревен, где только что была нога. Между акулами существует большое различие, потому что всякая акула в первую очередь жертва своего характера.

Наши отношения с акулой закончились тем, что мы стали таскать ее за хвост. Тянуть животное за хвост обычно считается недостойным видом спорта, но никто еще не пытался проделать это с акулой. На самом деле это захватывающий вид спорта.

Для того чтобы схватить акулу за хвост, нужно дать ей сперва какой-нибудь лакомый кусочек. Она с готовностью высовывает голову из воды, чтобы его схватить. Обычно мы подавали акуле угощение в пакете на шнурке, потому что если ей дать хотя бы раз пищу из рук, то убедишься, что это совсем не забавно. Одно дело, когда кормишь из рук собаку или ручного медведя - они впиваются зубами в мясо и грызут и рвут его до тех пор, пока не оторвут порядочного куска или не вырвут его целиком; но если попробовать протянуть с безопасного расстояния крупную макрель акуле, то она просто-напросто щелкнет челюстями, добрая половина рыбыны исчезнет, а ты, не почувствовав никакого рывка, так и останешься с

хвостом в руке. Мы сами прилагали немало труда, чтобы разрезать макрель ножом пополам; акуле же достаточно было каких-то долей секунды, чтобы двинуть своими треугольными пилообразными зубами и с легкостью машины для резания колбас перегрызть спинной хребет и все остальное. Акулу было нетрудно схватить за высунутый из воды хвост, когда она перевертывалась, чтобы снова нырнуть. Чешуя акулы напоминает грубую наждачную бумагу, ее легко удержать в руке, особенно потому, что в середине верхней части хвоста есть вмятина и за это место можно ухватиться. У акулы тогда уже нет никакой возможности вырваться; нужно лишь сделать рывок до того, как акула очухается, и прижать возможно большую часть хвоста к бревнам.

Первые одну-две секунды акула ничего не соображает, затем она принимается биться и бороться передней частью тела самым бессмысленным образом, потому что без хвостового плавника она беспомощна. Сделав несколько бешеных рывков, во время которых нам нужно было смотреть в оба, чтобы хвост был вплотную прижат к бревнам, озадаченная акула падает духом и становится совершенно беспомощной. Внутренности ее опускаются ближе к голове, и акула оказывается парализованной. Тогда она затихает и вяло повисает, ожидая дальнейших событий. Значит, наступил момент, чтобы напрячь все силы и втащить ее на плот. Нам редко удавалось втащить тяжелую хищницу больше чем наполовину, но тогда она оживала и дальше справлялась сама. Яростными рывками она продвигала голову на бревна, и затем нам оставалось только рвануть ее изо всех сил и как можно скорее броситься врассыпную, если мы хотели спасти свои ноги. В этот момент акула отнюдь не была в хорошем настроении, она носилась по палубе, и хвост ее, как кувалда, молотил по бамбуковой стене хижины. Теперь уже она не жалела больше своих стальных мускулов, пасть ее была широко раскрыта, и зубы кусали все, что им ни попадалось. Воинственный танец заканчивался иногда падением акулы в море, где она исчезала после пережитого позора, но чаще всего она бесцельно кружила по палубе, пока нам не удавалось набросить ей на хвост петлю или же пока она сама не прекращала навсегда лязгать своими ужасными зубами.

Попугай приходил всегда в сильное волнение, когда у нас на борту была акула. Он выбегал из хижины, с бешеной быстротой устремлялся на крышу, где выбирал себе надежное место для наблюдения. Там он сидел, кивал головой, порхал туда и обратно и кричал от возбуждения. Он быстро стал первоклассным моряком и был неистощим на разные шутки и проказы. Мы считали, что нас было семеро на плоту: шестеро людей и один

попугай. Крабу Юханнесу пришлось в конце концов примириться с тем, что мы считали его тварью с холодной кровью. Ночью попугай залезал в свою клетку, висевшую под крышей хижины, а днем свободно прогуливался по палубе или висел на шесте, проделывая самые головокружительные акробатические упражнения. На мачтовом штаге^[25] у нас были сначала винтовые зажимы, но от них так быстро изнашивались канаты, что мы заменили их обычными морскими узлами.

Когда штаги ослабевали под действием солнца и ветра, нам приходилось вновь натягивать их, чтобы мачты из тяжелого, как железо, мангрового дерева не кренились. Эта работа требовала участия всех нас. Мы тащили, и в самый критический момент попугай начинал взывать своим резким голосом: "Тащи-тащи!.. Та, та, та..." Если ему удавалось рассмешить нас, -он сам смеялся, шатался от собственных шуток и кружил вокруг штагов.

Вначале попугай был недружелюбно настроен по отношению к радистам. Случалось, что они сидели в своем углу, надев магические наушники, счастливые и поглощенные налаживавшейся связью с каким-нибудь любителем из Оклахомы. Вдруг в их наушниках воцарялась тишина и они не могли добиться ни одного звука, сколько бы ни трогали кнопки и как бы осторожно ни дергали провода. Это означало, что попугай побывал наверху и перекусил антенну, что случалось очень часто в первое время, когда провод антенны был привязан к баллону. Но однажды попугай серьезно заболел. Он сидел в клетке, хандрил, два дня не прикасался к еде, а в его помете поблескивали кусочки антенны. Тогда радисты раскаялись в крепких словах, сказанных по адресу попугая, а попугай - в своих поступках. С этого дня Турстейн и Кнут стали его самыми близкими друзьями. Да, дело дошло до того, что он нигде не хотел больше спать, только в радиоуглке. Родным языком попугая, когда он появился на плоту, был испанский, и Бенгт утверждал, что он стал говорить по-испански с норвежским акцентом задолго до того, как стал подражать любимым словечкам Турстейна на чистом норвежском языке.

Проделки попугая и его яркая расцветка доставляли нам удовольствие в течение шестидесяти дней, а затем огромная волна захлестнула корму и смыла его в то время, как он спускался вниз с мачтового штага. Когда мы заметили, что попугай оказался за бортом, было уже поздно: его нигде не было видно. Да мы все равно и не смогли бы остановить и повернуть "Кон-Тики". Что за борт упало, то пропало - в этом мы не раз убеждались на собственном опыте.

Гибель попугая угнетающе повлияла на наше настроение в тот вечер.

Мы знали, что нас ожидает такая же участь, если кто-нибудь из нас упадет за борт во время ночной вахты.

Поэтому мы постановили строго соблюдать все правила безопасности, добавили еще бечеву для обвязывания во время ночной вахты и напомнили друг другу, что два прошедших благополучно месяца еще не гарантируют нас от всяких случайностей. Неосторожный шаг или необдуманное движение - и с нами даже среди белого дня может случиться то же, что и с зеленым попугаем.

Очень часто нам попадались плавающие на поверхности моря большие белые яйца кальмара, похожие на яйца страуса или на черепа. Однажды мы видели даже, как в одном из них извивается зародыш. Когда мы увидели эти белые шары в первый раз рядом с плотом, мы подумали, что пустое дело - сесть в резиновую лодку и их достать. То же самое мы думали, когда оборвался канат от сети для планктона и сама сеть осталась у нас в кильватере. Мы спустили лодку, привязав ее канатом к плоту. К нашему удивлению, мы обнаружили, что ветер и волны оказывают сильное сопротивление, а канат, соединяющий резиновую лодку с "Кон-Тики", тормозил нас так сильно, что мы никак не могли подплыть к тому месту, на котором только что были. Нам иногда и удавалось подойти почти вплотную к тому, что мы хотели подобрать, но в последний момент канат, которым мы были привязаны к плоту, дальше не пускал, а "Кон-Тики" этим пользовался и утаскивал нас на запад. "Что попало за борт, останется за бортом!" - такой урок мы усвоили на основании печального опыта. Кто хотел дожить до конца путешествия, должен был глядеть в оба, пока "Кон-Тики" держал свой нос по направлению к земле, находившейся по ту сторону океана.

Пусто стало без попугая в радиоуголке, но когда на следующий день тропическое солнце заиграло на поверхности Тихого океана, мы не могли больше горевать. В следующие дни мы втащили на палубу много акул, в желудке которых время от времени находили среди голов тунцов и других редкостей черный загнутый клюв попугая, однако при тщательном рассмотрении он каждый раз оказывался клювом кальмара.

Наши радисты с самого начала испытывали большие трудности. Уже в первый день нашего плавания в водах течения Гумбольдта они были вынуждены укрыть под парусиной угол, в котором находилась чувствительная радиоаппаратура, чтобы спасти от воды все, что возможно: вода начала струиться по ящикам с батареями. Кроме того, им пришлось решать и другую трудную проблему: как установить довольно длинную антенну на маленьком плоту. Они попытались поднять антенну с помощью бумажного змея, но порыв ветра сбил змея вниз и он утонул в море. Тогда

они решили поднять антенну на воздушном баллоне, но тропическое солнце прожгло в нем дыры, он сжался и исчез в океане. Были у них, как известно, большие неприятности с попугаем. К этому еще надо добавить, что мы провели четырнадцать дней в течении Гумбольдта, прежде чем выбрались из мертвой зоны около Анд, где на коротких волнах было слышно не более, чем из пустой консервной банки.

Но однажды коротковолновые позывные пробились, и сигнал Турстейна был принят случайным радиолюбителем в Лос-Анжелосе, который настраивал свой аппарат, чтобы связаться с другим радиолюбителем в Швеции. Как истинный радиолюбитель, он первым делом спросил, какой системы наш аппарат, и, получив исчерпывающий ответ, спросил, кто такой Турстейн и где он живет. Когда же он узнал, что Турстейн живет в бамбуковой хижине на плоту, путешествуя по Тихому океану, что-то странно заклокотало в аппарате, после чего Турстейн поспешил добавить другие подробности. Как только радиолюбитель немного пришел в себя, он рассказал, что его зовут Гал, а его жену - Анна, она родилась в Швеции. Он обещал сообщить нашим семьям, что мы живы и здоровы.

В тот вечер нам было странно сознавать, что совершенно чужой нам человек, по имени Гал, киномеханик, живущий далеко, в кипучем Лос-Анжелосе, был единственным человеком в мире, который, кроме нас самих, знал, где мы находимся и что у нас все в порядке. С той самой ночи Гал, иначе Гарольд Кемпель, со своим другом Франком Куэвасом сидели каждую ночь по очереди у своего радиоаппарата и ждали сигнала с плота. Вскоре с их помощью Герман принял телеграмму начальника американского бюро прогнозов погоды, который благодарил за два ежедневных кодированных сообщения. Бюро получало из этого района мало сообщений и не имело о нем никаких метеорологических сведений. В дальнейшем Кнут и Турстейн почти каждую ночь связывались с разными радиолюбителями, и они пересылали наши приветствия в Норвегию через радиолюбителя Эгиля Берга в Нотоддене.

Не прошло и нескольких дней пребывания в океане, как в радиоуголке скопилось слишком много соленой воды и радиостанция заглохла. Радисты день и ночь работали отвертками и паяльниками. А все радиолюбители решили, что плот поглощен океаном. Но однажды ночью сигналы "LI2B" были вновь посланы в эфир, и несколько сотен радиолюбителей в Америке одновременно бросились отвечать, так что у нас в радиоуголке загудело, как в осином гнезде.

Между прочим, когда мы входили во владения радистов, нам всегда

казалось, что мы садимся на осиное гнездо. Дело в том, что морская вода проникла во все уголки плота, и хотя около места радиста и лежал резиновый коврик, часто случалось, что нас било током и в пальцы и в спину, когда мы дотрагивались до ключа Морзе. И если кто-нибудь из нас, непосвященных, пытался стащить карандаш из хорошо оснащенного радиоуголка, то волосы становились у нас дыбом, а из огрызка карандаша сыпались искры. Только Кнут, Турстейн и попугай могли без ущерба для себя находиться в радиоуголке. Мы приклеили большой кусок картона там, где начиналась опасная для нас зона.

Однажды ночью Кнут, возившийся при свете фонаря в радиоуголке, внезапно дернул меня за ногу и сказал, что ему удалось связаться с человеком, по имени Христиан Амундсен, живущим в окрестностях Осло. Это был рекорд радиолюбителя, потому что маленький коротковолновый передатчик на плоту обладал частотой в 13 990 килоциклов^[26] в секунду и мощностью в 6 ватт, то есть приблизительно такой же, как лампочка карманного фонарика.

Это случилось 2 августа, мы уже проплыли 600 на запад, и Осло находился по ту сторону земного шара. На другой день королю Хакону исполнялось 75 лет; мы послали ему поздравление прямо с плота. На следующий день снова связались с Христианом Амундсеном. Он передал нам ответную телеграмму от короля - пожелание успехов и удачи в нашем плавании.

Приведу один эпизод, который характеризует, какие контрасты можно было наблюдать в нашей жизни на плоту. У нас было два фотоаппарата, и у Эрика были с собой все необходимые материалы, для того чтобы проявлять пленку со снимками, сделанными во время путешествия. Мы могли проявлять пленку и видеть, какие кадры получились хорошо и какие надо переснять. После визита китовой акулы Эрик не вытерпел, взял химикалии и воду, смешал, как указывалось в инструкции, и проявил две пленки. Негатив был похож на снимок, переданный по телетайпу^[27], - он состоял из неясных точек и черточек.

Пленка была испорчена. Мы связались с нашими радиодрузьями и попросили совета. Наша телеграмма была перехвачена радиолюбителем в Голливуде, который немедленно позвонил в лабораторию и затем сообщил нам, что пленки испорчены потому, что температура проявителя была слишком высокой. Температура проявителя не должна превышать 16 градусов, иначе негатив будет испорчен.

Мы поблагодарили за совет, сообщив одновременно, что самую

низкую температуру в нашем полушарии имела вода морского течения, но она была не ниже 27 градусов. Герман был инженером и специалистом по холодильной технике, поэтому я в виде шутки предложил ему добыть воду, температура которой не превышала бы 16 градусов. Он попросил разрешения использовать маленький пузырек с углекислотой, входившей в инвентарь надувной резиновой лодки, и проделал какие-то махинации в ведре, накрытом спальным мешком и нижней рубашкой. В результате всего этого у Германа в бороде появились снежинки, а в ведре оказался кусок льда.

Эрик принялся за проявление пленки, и результаты были блестящими.

Но если короткие волны, которые Турстейн и Кнут посылали в эфир, были неизвестной роскошью в давнишние времена Кон-Тики, то морские волны, упорно уносившие наш плот на запад, были и сейчас такими же, как пятнадцать веков назад.

Погода стала более непостоянной, когда мы подошли ближе к островам Южных морей. Начались шквальные дожди. Пассат изменил направление. Он постоянно и уверенно дул с юго-востока, пока мы порядочно не продвинулись вперед вместе с экваториальным течением. Тогда он начал все больше и больше менять направление к востоку. 10 июня мы достигли крайней северной точки своего путешествия - 6019' южной широты. Мы были тогда так близко к экватору, что нам казалось - мы пройдем севернее группы Маркизских островов и исчезнем в открытом океане, не встретив земли на своем пути. Но пассат изменил направление с востока на северо-восток, и мы, описав дугу, повернули к островам. Часто случалось, что ветер и море были спокойны в течение нескольких дней подряд, и тогда мы совершенно забывали, чья была вахта у руля, и только по ночам по-прежнему несли вахту. Кормовое весло, когда ветер на море устойчивый, было накрепко привязано, парус "Кон-Тики" все время наполнен, и наше участие было излишним. Ночной вахтенный спокойно сидел в дверях хижины и смотрел на звезды, и только в том случае, когда созвездия меняли свое положение на небе, он выходил на корму и смотрел, что изменилось: положение кормового весла или направление ветра.

Просто невероятно, до чего легко оказалось управлять по звездам, после того как мы неделями наблюдали их движение по небу. Впрочем, по ночам больше не на что было смотреть. По опыту многих ночей мы знали, в каком месте должно появиться то или другое созвездие. А когда подошли к экватору, то Большая Медведица появилась так ясно над горизонтом в северном направлении, что мы опасались увидеть и Полярную звезду, которая появляется, когда пересекаешь экватор с юга на север. Но начали

дуть северо-восточные пассаты, и Большая Медведица исчезла.

Древние полинезийцы были великими мореходами. Днем они управляли по солнцу, а ночью - по звездам. Их знания в области астрономии были поразительными. Они знали, что земля круглая, употребляли такие сложные термины, как экватор, эклиптика, южные и северные тропики. На Гавайских островах они вырезали морские карты на корке круглых бутылочных тыков, а на некоторых других островах они сплетали подробные морские карты из прутьев, на которых ветки обозначали морские течения, а перламутр - острова. Полинезийцы знали пять планет, которые они называли холодными блуждающими звездами и отличали их от неподвижных звезд, для которых они имели не менее трехсот названий. Хороший мореплаватель в древней Полинезии прекрасно знал, в каком месте на небосводе должна появиться та или иная звезда и где эти звезды находятся в различные часы ночи и в разное время года. Он знал также, какие звезды достигали наивысшего положения над определенными островами, и часто бывали случаи, что остров носил имя той звезды, которая кульминировала над ним каждую ночь из года в год.

Звездное небо было, кроме того, для полинезийцев гигантским мерцающим компасом, вращающимся с востока на запад. Они знали также, что по находящимся над их головами звездам можно определить, как далеко они ушли на север или на юг. Когда полинезийцы исследовали и покорили все острова, ближайшие к Америке, они в течение многих поколений поддерживали между ними связь. Из преданий известно, что когда вожди с острова Таити посещали Гавайские острова, расположенные свыше 2 тысяч миль к северу и на несколько градусов дальше к западу, рулевые держали прямо на север по солнцу и звездам до тех пор, пока звезды, стоявшие над их головой, не говорили им о том, что они находятся на широте Гавайских островов. Тогда они делали поворот под прямым углом и плыли точно на запад до тех пор, пока не узнавали по птицам и облакам, в какой стороне находятся острова.

Откуда же у полинезийцев были такие основательные познания в астрономии и откуда они взяли точный календарь? Конечно, не от меланезийских и малайских народностей на западе. Нельзя забывать, что у старого, исчезнувшего культурного народа, "бородатых белых людей", оставившего ацтекам, майя^[28], инкам в Америке свою замечательную культуру, существовал такой календарь и они имели такие основательные познания в астрономии, о каких тогдашние народы Европы не могли и мечтать.

В Перу, там, где Анды отлого спускаются к Тихому океану, до нашего

времени сохранилась древняя астрономическая обсерватория, засыпанная песками пустыни, - ее оставили те самые таинственные культурные люди, которые вырубали из камня колоссальные статуи, воздвигали пирамиды, выращивали батат и бутылочную тыкву.

2 июля ночному вахтенному не пришлось сидеть в дверях и изучать звезды. После многих дней слабого северо-восточного бриза поднялся сильный, порывистый ветер, и море заволновалось. Ночью мы наслаждались ярким лунным светом и свежим попутным ветром. Скорость движения плота мы измерили обычным способом, выбросив за борт в носовой части деревянную палочку и подсчитав, за сколько секунд плот проплывет мимо нее. Оказалось, что мы установили новый рекорд. Обычно наша средняя скорость исчислялась, согласно нашему бортовому жаргону на плоту, в 12-18 "палочек", а сейчас скорость достигла 6 "палочек". Мы видели, как фосфоресцирует за кормой встававшая волна.

Турстейн стучал ключом Морзе, я стоял на вахте у руля, а остальные четверо храпели в каюте. Незадолго до полуночи я увидел необычайно огромную волну, надвигавшуюся на корму, а за ней, шипя и пенясь, следовали по пятам еще две гигантские волны. Если бы мы сами всего несколько минут назад не прошли мимо этого места, я подумал бы, что вижу большой прибой, разбивающийся об опасную мель. Я закричал, предостерегая товарищей, когда первая волна длинной стеной, залитой лунным светом, понеслась на нас, и сделал попытку повернуть плот навстречу волнам.

Первая волна настигла нас. Плот развернуло кормой на гребень волны, которая разбилась под ним, и мы проплыли сквозь бушевавшую по обеим сторонам плота пену и почувствовали, что волна прошла под нами. Волна прошла, нос опустился, и мы соскользнули в широкий провал между волнами. Но уже следующая стена была готова броситься на нас. Но мы так же изящно поднялись на гребень волны, и, как и в первый раз, масса воды обрушилась на корму. Плот стал против волны. Я отчаянно боролся, чтобы повернуть его, но уже следом шла третья гигантская волна. Ее гребень навис над плотом, и огромная стена воды обрушилась на нас. В последнюю минуту я уцепился за выступающий на крыше хижины бамбуковый шест и, сдерживая дыхание, почувствовал, что нас подбросило вверх и все вокруг исчезло в круговороте бушующей пены. В следующее мгновение мы и "Кон-Тики" вынырнули снова из воды и медленно соскользнули в провал между волнами. После этого море приняло обычный вид. Три гигантские волны понеслись дальше, впереди нас, а за кормой, покачиваясь на волнах, плыли освещенные лунным светом кокосовые орехи.

Последняя волна с такой силой ударила по хижине, что Турстейн полетел кувырком и приземлился в радиоуголке, а остальные проснулись в испуге от шума, когда вода ворвалась между бревнами и через стены. В бамбуковой палубе слева была большая пробоина, похожая на маленький кратер, водолазная корзина сплющилась о носовую часть, но в остальном все было в порядке. Откуда взялись эти три волны, осталось для нас навсегда загадкой. Возможно, что они явились следствием сдвигов морского дна, которые случаются нередко в этом районе Тихого океана.

Через два дня нам пришлось пережить первый шторм. Пассат внезапно перестал дуть, а легкие перистые облака, плывшие над нашими головами высоко в голубом небе, внезапно сменились грядой темных, тяжелых туч, которые очень быстро заволокли с юга весь горизонт. Затем появился порывистый ветер, дувший попеременно с самых неожиданных направлений, и вахтенный просто был не в состоянии справиться с рулем. Только мы успевали с большим трудом поставить корму навстречу новому направлению ветра и парус успевал наполниться, как ветер снова менялся, сжимал надутый парус, вывертывал его и бил им так, что мы могли ожидать самого худшего и для груза и для команды. Затем ветер вдруг принялся дуть прямо с юга, на нас поползли черные тучи, свежий бриз сменился сильным ветром, который перешел в настоящий шторм.

В невероятно короткое время волны около нас достигли высоты 5 метров. Были гребни, которые возвышались на 6-7 метров над бороздой между двумя волнами. Они были на одном уровне с верхушкой мачты, когда мы находились между волнами. Все мы цеплялись за палубу, став на четвереньки, а ветер потрясал бамбуковые стены, выл и свистел во всех штагах. Для защиты радиоуголка мы накрыли снаружи парусиной заднюю и левую стены хижины. Весь груз был накрепко привязан к палубе, парус снят и обернут вокруг бамбуковой рей. Облака скоро скрыли все небо, море стало темным и грозным. Насколько хватал глаз, оно было покрыто вздымающимися волнами с белыми гребнями. Пена лежала полосами с наветренной стороны длинных гряд волн, и повсюду, где гребни разбивались и рассеивались, долго оставались в черно-синем море зеленые пятна, похожие на раны. Ветер сносил верхушки волн, и брызги пены разлетались над морем соленым дождем. Затем на нас полил бурный тропический ливень, падавший косыми полосами и, как кнутом, хлеставший по морю. Кругом ничего не было видно; вода, струившаяся с наших волос и бород, имела солоноватый вкус, и мы, голые и замерзшие, передвигались по палубе, согнувшись пополам, следя за тем, чтобы все на плоту было в порядке. С честью мы выдержали надвигающийся шторм.

Когда он перевалил через горизонт и впервые налетел на нас, наши глаза были полны напряжения, ожидания и тревоги. Но когда он всюду разбушевался над нами, а "Кон-Тики", несмотря ни на что, весело и легко продолжал свой путь, шторм превратился для нас в волнующий вид спорта. Мы стали восхищаться неистовством стихий, с которыми так мастерски справлялся бальзовый плот, старавшийся все время, подобно пробке, быть на верхушке волны, оставляя все беснующиеся массы воды несколько ниже себя. В такую погоду океан имеет много общего с горами. Казалось, что шторм застал нас на голой скале в высоких горах. Несмотря на то, что мы находились в центре тропиков и плот нырял вверх и вниз по волнующемуся океану, наши мысли все время возвращались к тем дням, когда мы скатывались на санках со снежных склонов между скалами.

В такую погоду рулевой был все время настороже. Когда гребень волны приходился как раз под серединой плота, бревна кормы полностью высовывались из воды, но в следующее мгновение они проваливались во впадину между волнами, чтобы затем снова взобраться на следующий гребень. Волны все время набегали так быстро одна за другой, что нос плота еще торчал из воды, а следующая волна уже с грохотом обрушивалась на корму, и рулевой исчезал в бурлящем потоке воды. Но в следующую минуту корма вновь поднималась, и вода быстро исчезала, как в решетке.

Мы высчитали, что период между двумя волнами в обычную тихую погоду равнялся приблизительно семи секундам, и тогда на корму обрушивалось около 200 тонн воды в сутки - это происходило почти незаметно, вода спокойно проходила под ногами у рулевого и исчезала между бревнами. Но во время шторма на корму обрушивалось свыше 10 тысяч тонн воды в сутки, и каждые пять секунд на нас выливалось от нескольких литров до 2-3 кубических метров воды. Когда же волны с грохотом ударялись о борт, рулевому приходилось стоять по пояс в воде, напрягать все силы так, как будто он шел против течения по большой бурной реке; и пока тяжелый груз не исчезал, разбрасывая вокруг себя каскады воды, плот, весь дрожа, на несколько секунд замирал.

Герман был все время на палубе и измерял своим анемометром^[29] силу порывов шторма, продолжавшегося двадцать четыре часа.

Шторм затих, и за ним поднялся ветер с порывами шквального дождя, от которого бурлило все море. Попутный ветер быстро понес нас на запад. Для более точного определения силы ветра в непогоду Герман, когда это было возможно, взбирался со своим прибором на верхушку раскачивающейся мачты, прилагая все усилия, чтобы удержаться.

Погода наконец стала потише. Но крупная рыба, сновавшая вокруг нас, совершенно взбесилась. Вода кишела акулами, тунцами, золотыми макрелями, ошалевшими бонито. Все они теснились к бревнам или плавали вокруг плота. Шла непрерывная борьба за существование, спины крупных рыб изгибались дугой под водой, и они выскакивали, как ракеты, преследуя друг друга, а вода вокруг плота в море снова и снова окрашивалась густой кровью. Сражения происходили главным образом между тунцами и золотыми макрелями. Золотые макрели подходили большими косяками, передвигались быстрее и были бдительнее, чем обычно. Тунцы нападали, и, несмотря на свои 70-80 килограммов веса, они подпрыгивали высоко в воздух с окровавленной головой золотой макрели в пасти. Однако, хотя на некоторых золотых макрелях набрасывалось по несколько тунцов и многие сильно пострадали и плавали с открытыми ранами, стая макрелей не покидала поле боя и храбро оказывала сопротивление. То тут, то там появлялись акулы, совершенно слепые от ярости; они схватывались с крупными тунцами, и тем приходилось признавать в акуле превосходящего противника.

Нигде не было видно ни одной миролюбивой рыбки-лоцмана. Или их сожрали бешеные тунцы, или же они попрятались в щели под плотом, а может быть, просто-напросто заблаговременно покинули поле битвы. Во всяком случае, мы не отваживались сунуть голову в воду, чтобы посмотреть, что с ними случилось.

Мне пришлось пережить однажды сильное потрясение, хотя затем я немало посмеялся над собственной незадачливостью. Дело было так. Я находился на корме в укромном местечке для известной надобности. Мы, конечно, привыкли к тому, что в нашем гальюне немного продувает, но я совершенно неожиданно неизвестно от кого получил сильный удар чем-то большим, холодным и очень тяжелым, словно в меня ткнулась головой акула. Вообразив, что я действительно имею дело с акулой, я мигом бросился к мачте и взобрался уже до половины, когда наконец пришел в себя. Герман от хохота лежал на кормовом весле; кое-как ему все-таки удалось рассказать, что на меня налетел огромный, 70-килограммовый тунец, и эта рыбина со всего размаха нанесла мне удар по обнаженному телу. Позже, во время вахты Германа и Турстейна, этот же тунец дважды пытался прыгнуть на корму, но оба раза эта громадина соскальзывала обратно в море, прежде чем мы успевали схватить ее скользкое туловище. Однажды волна выбросила нам на палубу совершенно ошалевшего бонито, а накануне мы поймали тунца и тогда решили заняться рыбной ловлей, чтобы навести порядок в окружавшем нас кровавом хаосе.

В нашем вахтенном журнале записано:

"Первой попалась на крючок 6-футовая акула, которая была вытащена на палубу. Мы снова закинули крючок, и попалась 8-футовая акула, которую мы тоже втащили на борт. Забросив крючок в третий раз, мы поймали опять 6-футовую акулу, но подняли ее лишь до края плотa, так как она сорвалась и исчезла. Снова забросили крючок, на него попалась 8-футовая акула, которая затеяла с нами настоящую драку. Мы втащили уже на бревна ее голову, когда она перекусила леску из четырех стальных тросиков и исчезла в морских глубинах. Снова закинули, и снова акула на палубе. Стало опасно продолжать ловлю на скользких бревнах, потому что три лежавшие на них акулы вскидывали головы и норовили цапнуть нас за ногу еще долгое время после того, как мы сочли их мертвыми. Поэтому мы стащили их за хвосты на бак и сложили там в кучу. Сразу же после этого мы поймали большого тунца, и он задал нам работы больше, чем любая акула, прежде чем нам удалось втащить его на палубу. Он был такой жирный и тяжелый, что никто из нас не смог поднять его за хвост.

Море по-прежнему кишит взбесившейся рыбой. Поймалась еще одна акула, но ей удалось вырваться, не попав на плот. Затем благополучно втащили на борт еще одну 6-футовую акулу. После этого поймали 5-футовую акулу. Забросив еще раз крючок, поймали еще одну 7-футовую акулу".

Представьте себе палубу, на которой валяются под ногами огромные акулы; они судорожно колотят хвостами о бревна или бьются о стены бамбуковой хижины и хватают все вокруг. Мы принялись за ловлю рыбы после штормовых ночей уже достаточно усталыми и измотанными. Теперь же совершенно выбились из сил и не разбирали, какие акулы были уже мертвы, какие лежали в предсмертных судорогах, все еще норовя нас цапнуть, а какие были совсем живые и выслеживали нас своими зелеными, кошачьими глазами. И вот по всему плоту было разбросано девять больших акул, а мы так умаялись от бесконечного вытаскивания тяжелых тросиков и борьбы с непокорными акулами, что после непрерывного пятичасового тяжелого труда сдались.

На следующий день было уже меньше золотых макрелей и тунцов, но по-прежнему много акул. Мы принялись было снова ловить рыбу, но скоро прекратили: запах свежей крови привлекал все новых и новых акул. Мы выбросили всех мертвых акул за борт и начисто отдраили палубу от крови. Бамбуковые цыновки, порванные зубами акул и исцарапанные их шкурой, мы выбросили за борт, заменив их новыми, золотисто-желтыми, запас которых хранился у нас на баке.

Всегда, когда мы вспоминали те вечера, перед нашими глазами вставали прожорливые открытые пасти акул и кровь. И мы ощущали запах мяса акулы. Мясо акулы пригодно для еды, и по вкусу оно напоминает пикшу^[30], но предварительно, чтобы избавиться от привкуса аммиака, нужно держать его в течение суток в морской воде.

Мясо бонито и тунцов, конечно, вкуснее акулы.

В один из тех вечеров я впервые услышал, как кто-то с тоской в голосе заметил, что неплохо бы растянуться на траве под пальмами на каком-нибудь острове; хотелось бы, конечно, посмотреть еще на что-нибудь, кроме рыбы и бурного моря.

Погода опять стала хорошей, но уже не такой постоянной и надежной, как раньше. Несчетные бурные порывы ветра приносили с собой сильные ливни, которые мы радостно приветствовали, потому что большая часть наших запасов воды начала портиться и скверно пахла болотом. Когда ливень был очень сильным, мы собирали дождевую воду с крыши хижины, а сами стояли голые на палубе и смывали с себя соль пресной водой, наслаждаясь этим редким удовольствием.

Рыбки-лоцманы резвились на своих обычных местах, но были ли то наши старые друзья, вернувшиеся после кровавого побоища, или новые спутники, приобретенные в разгар боя, - этого мы не могли узнать.

21 июля ветер снова внезапно стих. Было ужасно душно, наступил полный штиль. Что это означало, нам было известно с прошлого раза. И действительно, после нескольких резких порывов ветра с востока, с запада и с юга задул свежий ветер с юга, где над горизонтом, точно так же как в прошлый раз, заворачивались черные, грозные тучи. Герман был все время на палубе с анемометром, показывавшим скорость ветра 14-15 метров в секунду и больше. И вдруг спальный мешок Турстейна перелетел за борт. То, что случилось потом, произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю.

Герман попытался схватить мешок на лету, но сделал лишний шаг и упал вниз головой за борт. Среди шума волн мы еле услышали слабый крик о помощи, увидели Германа, размахивавшего рукой, а также что-то зеленое и непонятное, кружившее около него в воде. Он стремился к плоту, борясь изо всех сил с огромными волнами, отбрасывавшими его от левого борта. Турстейн, стоявший на корме у рулевого весла, и я, находившийся в носовой части плота, первыми заметили Германа и похолодели от ужаса. Мы заорали изо всей мочи; "Человек за бортом!" - и бросились к ближайшим спасательным средствам. Остальные не слышали крика Германа из-за шума моря, но теперь все забежали и засуетились на палубе. Герман был первоклассным пловцом, и хотя мы прекрасно понимали, что

на карту поставлена его жизнь, каждый из нас был полон надежды, что ему удастся в последний момент взобраться на плот.

Турстейн, стоявший ближе всех к лебедке с канатом, к которому мы привязывали лодку, бросился к ней, но единственный раз за все время плавания канат заело. Герман плыл вровень с кормой, на расстоянии нескольких метров, и его последней надеждой было ухватиться за лопасть кормового весла и повиснуть на нем. Ему не удалось схватить задние концы бревен, и он бросился к лопасти кормового весла, но оно ускользнуло, и Герман оказался в кильватере плота, как многие другие предметы, следовавшие за нами на расстоянии, которые мы никогда не могли достать. В то время как Бенгт и я спускали на воду резиновую лодку, Эрик и Кнут бросили в воду спасательный пояс. Он всегда висел на углу хижины с привязанной к нему длинной веревкой. Однако ветер был настолько силен, что, несмотря на все их старания, спасательный пояс прибывало обратно к плоту. Герман сделал несколько безуспешных бросков, но с каждым порывом ветра он все больше и больше отставал от кормового весла, хотя плыл изо всех сил. Он, естественно, понимал, что расстояние будет все увеличиваться и увеличиваться, но, несмотря на это, надеялся, что мы подберем его, когда спустим резиновую лодку на воду. Без связывающего лодку с плотом и тормозящего ее движение каната мы, быть может, и смогли бы подойти к упавшему в море пловцу, но вопрос был в том, как мы добрались бы обратно до "Кон-Тики"?

Тем не менее у трех человек в резиновой лодке все же были кое-какие шансы, а у человека в море никаких шансов не было.

И вдруг Кнут разбежался и нырнул головой вниз в море. Он держал в руке спасательный пояс и заметно продвигался вперед. Каждый раз, когда на гребне волны показывался Герман, Кнут исчезал между волнами; и каждый раз, когда появлялся Кнут, исчезал Герман. Наконец мы увидели обе головы рядом. Им удалось встретиться, и теперь оба держались за спасательный пояс. Кнут махал рукой. Резиновую лодку мы уже подняли, и теперь все четверо ухватились за веревку спасательного пояса и тащили изо всех сил, не спуская глаз с огромной тени, видневшейся сейчас же за спинами обоих мужчин. С Кнутом, когда он плыл к Герману, чуть было не случился удар, когда он внезапно увидел над поверхностью воды огромный зелено-черный треугольный плавник таинственного зверя. Только один Герман знал, что этот плавник не принадлежал ни чудовищу, ни акуле и вообще никакому животному. Это был угол непромокаемого спального мешка Турстейна. Но спальный мешок недолго плавал после того, как Герман и Кнут здоровыми и невредимыми были наконец водворены на борт.

Кто-то, упустив более солидную добычу, утянул в морскую пучину спальный мешок.

- Хорошо, что меня там не было, - сказал Турстейн, продолжая управлять плотом.

Однако в тот вечер было мало шутливых замечаний. После этого происшествия мы еще долго чувствовали, как по спине пробегают холодные мурашки. Но мрачное чувство смешивалось с чувством теплой благодарности за то, что нас было по-прежнему шестеро на борту.

Кнуту было сказано в этот день много хороших слов; говорили их и Герман и мы.

Однако у нас было мало времени на размышления о случившемся. Небо над нашими головами заволакивалось черными тучами. Порывы ветра становились все сильнее, и с наступлением ночи разразился новый шторм. Мы решили оставить спасательный пояс на длинной бечевке в море за плотом, чтобы можно было ухватиться за него в случае, если кто-нибудь из нас окажется поело резкого порыва ветра за бортом. С наступлением ночи густая, непроницаемая мгла опустилась на плот и океан, нас швыряло во тьме то вверх, то вниз, и мы чувствовали и слышали шторм, завывавший в мачтах и штагах. Иногда сильный порыв ветра яростно бросался на упирающуюся бамбуковую хижину, и мы опасались, как бы ее не снесло. Но она была укрыта парусиной и тщательно принаитована. Мы чувствовали, как "Кон-Тики" то поднимало, то бросало, и его бревна двигались, как клавиши пианино. Мы каждый раз удивлялись, что через широкие щели между бревнами проникала не вода, а свежий воздух; они действовали, как кузнечные мехи, нагнетавшие сырой воздух.

В течение пяти суток многобалльный шторм чередовался со свежим ветром, море было покрыто широкими ложбинами, заполненными брызгами пенящихся серо-синих волн, гребни которых под натиском ветра стали длинными и плоскими. Наконец на пятый день облака сперва пропустили клочок голубого неба, а затем зловещие черные тучи исчезли вместе со штормом и победило голубое небо. Мы выяснили, что у нас сломалось кормовое весло, лопнул парус и все килевые доски свободно болтались, так как удерживавшие их под водой тросы лопнули. Но мы и груз были совершенно невредимы.

После двух штормов крепления "Кон-Тики" стали гораздо слабее. Бесконечное ныряние по крутым волнам растянуло тросы, и они от непрерывного движения бревен то вверх, то вниз глубоко врезались в бальзовое дерево. Мы благодарили все небесные силы за то, что поступили, как индейцы, и не применили стальных креплений, которые в шторм

просто-напросто перепилили бы весь плот на куски. Нам повезло и в том отношении, что мы не связали плот из сухого бальзового дерева, легко держащегося на воде. Это неминуемо привело бы к тому, что древесина пропиталась бы морской водой и плот уже давно бы пошел ко дну. Сок, сохранившийся в свежих бревнах, не давал пористой бальзовой древесине впитывать воду. Однако тросы уже настолько ослабели, что было рискованно попасть ногой между бревнами - они с силой сталкивались между собой и могли легко ее раздавить. На носу и на корме, там, где не было бамбуковой палубы, мы напрягали колени, когда стояли на двух бревнах, широко расставив ноги. Бревна на корме из-за мокрых водорослей были скользкими, как листья бананов; и хотя мы проложили тропинку и наложили на водоросли широкую планку для вахтенного рулевого, все же, когда волны ударяли о бревна, устоять было трудно. С левого борта одно из девяти гигантских бревен денно и нощно с глухим мокрым стуком молотило по поперечному бревну. Канаты, связывающие две наклонные мачты вверху, жалобно скрипели, потому что степсы^[31] мачт были независимы друг от друга, они были в разных бревнах.

Мы отремонтировали кормовое весло, срастив его твердыми, как железо, длинными валками из мангрового дерева. Эрик и Бенгт привели в порядок парус. "Кон-Тики" снова поднял свою голову, расправил грудь, и мы пошли по направлению к Полинезии. Кормовое весло танцевало сзади по волнам, которые с хорошей погодой снова стали тихими и ласковыми. Но килевые доски уже не были такими надежными: они не оказывали, как раньше, сопротивления воде, потому что соскочили с места и болтались непривязанными под плотом. Было бесполезно проверять состояние тросов в подводной части плота, потому что они совершенно заросли водорослями. Подняв всю бамбуковую палубу, мы увидели, однако, что порвались лишь три главных троса: они износились из-за давления на них груза. Было ясно, что вес бревен увеличился вследствие того, что они пропитались водой, но груз стал легче, потому что мы уже израсходовали большую часть воды и продовольствия, а также сухих батарей. Так что одно уравновешивало другое.

После недавнего шторма одно, во всяком случае, было несомненно: плот выдержит то небольшое расстояние, которое отделяло нас от земли. Но возникала совершенно новая проблема: как закончится путешествие?

"Кон-Тики", без сомнения, будет неуклонно пробиваться на запад, пока не наскочит своим носом на скалу или на какое-либо другое неподвижное препятствие, которое его задержит. Наше путешествие закончится только тогда, когда мы все, целые и невредимые, приплывем к какому-нибудь из

многочисленных полинезийских островов, лежащих на нашем пути.

Когда мы вышли из последнего шторма, было совершенно неизвестно, куда же плот все-таки попадет. Мы находились на одинаковом расстоянии как от Маркизских островов, так и от островов группы Туамоту и могли совершенно спокойно пройти между ними, не заметив ни одного острова. Ближайший из Маркизских островов находился на расстоянии 300 морских миль к северо-западу, а ближайший из островов Туамоту в 300 морских милях к юго-западу, в то время как направление ветра и течения были неопределенны и несли нас в основном на запад, к широкому океанскому проходу между обеими группами островов.

Где-то там, на северо-западе, находился ближайший остров Фатухива. Это маленький гористый, покрытый джунглями остров. Там, на берегу, в построенной на сваях хижине, я жил и слушал рассказы старика о его боге Тики. Если "Кон-Тики" причалит к берегу, я, конечно, встречу много знакомых, но вряд ли самого старика. Он, вероятно, уже давно умер, с тайной надеждой встретиться с настоящим Тики. Если плот держит курс на гористые хребты Маркизских островов, то отдельные острова этой группы разбросаны далеко друг от друга и море беспрепятственно бьется об их отвесные скалы, и нам нужно будет держать ухо востро, чтобы направить плот в один из немногочисленных проходов, оканчивающихся обычно узкой полосой берега. Если же плот ляжет курсом на коралловые рифы, к архипелагу Туамоту, то мы увидим множество островов, густо разбросанных на огромном пространстве моря. Эта группа островов известна также под названием "Низкие" или "Опасные острова", потому что все они созданы коралловыми полипами и окружены предательскими подводными рифами. Острова покрыты пальмами и возвышаются всего лишь на 2--3 метра над уровнем моря. Опасные кольцеобразные рифы окружают каждый атолл в отдельности и представляют большую угрозу для мореплавателей во всем этом районе. Но хотя атоллы Туамоту построены коралловыми полипами, а Маркизские острова являются остатками потухших вулканов, обе эти группы островов заселены представителями одной и той же полинезийской расы. И на тех и на других Тики считается родоначальником.

Уже 3 июля, когда мы еще находились на расстоянии около 1000 морских миль от Полинезии, сама природа указала нам, как она указывала и древним мореплавателям из Перу, на близость земли. Небольшие стаи чаек следовали за нами от берегов Перу на расстоянии около 1000 морских миль. Они исчезли приблизительно на 100° западной долготы, и после этого мы видели лишь небольших буревестников, отдыхавших на волнах.

Но 3 июля, на 125е западной долготы, стайки чаек появились вновь, и с того времени мы часто могли наблюдать их или высоко в небе, или на гребнях волн, где они хватали летучих рыб, выскакивавших из воды, спасаясь от золотых макрелей. Никак нельзя было сказать, что эти птицы летели за нами из Америки: их гнезда были где-то на берегу, находившемся впереди на нашем пути.

16 июля мы получили от природы еще более ясную примету. В этот день мы втащили на борт огромную голубую акулу, и она изрыгнула еще не переваренную морскую звезду, пойманную ею где-то неподалеку от берега.

А на следующий день нам был нанесен первый визит из самой Полинезии. Наступило торжественное мгновение, когда с запада появились два больших глупыша и низко пролетели над мачтой. Размах их крыльев был около 1,5 метра. Они сделали над нами несколько кругов, затем сложили крылья и опустились на воду около плота. Золотые макрели немедленно устремились к этому месту и назойливо кружили вокруг него, но ни одна из сторон не осмелилась напасть на другую. Это были первые живые вестники, принесшие нам привет из Полинезии. Вечером они не улетели, а остались на воде. После полуночи мы слышали, как они кружили над мачтой и хрипло кричали. Летучие рыбы, падавшие на палубу, были теперь другого вида и гораздо крупнее. Я ловил таких вместе с местными жителями у берегов острова Фатухива.

Уже трое суток мы шли прямо на Фатухиву, но затем налетел сильный норд-ост и направил нас к атоллам Туамоту. Нас вынесло из южного экваториального течения, а те течения, с которыми мы теперь имели дело, не оказывали особого влияния на движение плота. Сегодня они были, завтра их не будет. Иногда они разветвлялись по всему морю, как невидимые реки. Если течение было быстрое, то рябь увеличивалась и температура воды понижалась на 1 градус. Направление и сила течений выявлялись при сравнении расчетов и измерений Эрика.

Почти у самых полинезийских островов ветер внезапно спасовал и передал нас слабому течению, которое, к нашему ужасу, понесло нас на юг, по направлению к Антарктике. Полного безветрия не наступило; его не бывало во время всего путешествия, но как бы слаб ни был ветер, мы поднимали все имевшиеся лоскуты, чтобы его захватить. Не было у нас такого дня, чтобы мы плыли обратно к Америке. В худшем случае мы проходили в сутки 9 морских миль, то есть около 17 километров, тогда как наша средняя скорость равнялась 42,5 морской мили, или 78,5 километра в сутки.

Но пассат все же не решился бросить нас в последний момент, когда

мы были так близко к цели. Он снова принялся за свое дело - толкал и пихал расшатанное суденышко, готовившееся к встрече с новым, незнакомым миром.

С каждым днем все больше морских птиц бесцельно кружило над нами. Однажды вечером, когда солнце собралось окунуться в океан, мы обратили внимание, что птицы летят в определенном направлении. Они летели на запад, их не интересовали больше ни мы, ни летучие рыбы. С верхушки мачты нам было видно, что все они летели в одну и ту же сторону. Может быть, они сверху видели то, что нам не было видно; может быть, ими руководил инстинкт. Во всяком случае, они летели целеустремленно, прямо домой, к ближайшему острову, на котором высиживали птенцов.

Мы повернули кормовое весло и изменили курс, взяв то направление, в котором исчезали птицы. Даже в темноте были слышны крики отставших птиц, пронесившихся над нами. Ночь была чудесная. В третий раз со времени начала путешествия луна была почти полной.

На следующий день птиц было еще больше, но нам уже не нужно было ждать вечера, чтобы они указали нам путь. На горизонте появилось своеобразное неподвижное облако. Большая часть облаков была похожа на легкие раздерганные клочки шерсти. Они появлялись на юге и, подгоняемые пассатом, бежали по небу, пока не исчезали на западе. Это были пассатные облака, с ними я впервые познакомился на Фатухиве, их мы видели и днем и ночью с "Кон-Тики". Но то одинокое облако на юго-востоке было неподвижно, оно, как столб дыма, поднималось над горизонтом, а пассатные облака проплывали мимо. Такое облако по-латыни называется Cumulonimbus. Этого полинезийцы не знали, но они знали, что под ним - земля. Когда тропическое солнце раскаляет песок, то вверх поднимается теплый поток воздуха; в более холодных слоях он превращается в облако.

Мы плыли по направлению к облаку до тех пор, пока оно не исчезло вместе с заходящим солнцем. Ветер был постоянный, и с помощью хорошо закрепленного кормового весла "Кон-Тики" сам держал курс, как это часто с ним бывало в хорошую погоду. Задачей вахтенного у руля было по возможности больше находиться на отполированной от сиденья планке на верхушке мачты и следить за всеми признаками, указывающими на близость земли.

Всю ночь над нами оглушительно кричали птицы. А луна была почти полная.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ К ОСТРОВАМ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Земля! Нас относит от острова Пука-пука. Веселый день у рифа Ангатау. У врат рая. Первые полинезийцы. Экипаж "Кон-Тики" пополняется новыми членами. Кнут отправляется на берег. Сражение проиграно. Мы снова в море. В опасных водах. Все ближе к кипящему котлу. Во власти бурунов. Кораблекрушение. На коралловом рифе. Необитаемый остров.

В ночь на 30 июля "Кон-Тики" оказался в новой и своеобразной атмосфере. Оглушительный гомон всех морских птиц возвещал нам о приближении чего-то нового. Многоголосый крик птиц был таким живым и земным по сравнению с мертвым скрипом, издаваемым безжизненными канатами. Этот скрип был для нас в течение трех месяцев единственным звуком, заглушавшим шум моря. И луна, словно плывшая вокруг планки на верхушке мачты, казалась нам гораздо больше и круглее, чем обычно. В нашем воображении она была связана с пальмовыми кронами и пылкой романтикой. Она совсем не была такой желтой, когда светила в открытом море холодным рыбам.

В 6 часов Бенгт спустился с верхушки мачты, разбудил Германа и залез в постель. Уже забрезжил день, когда Герман взобрался на скрипящую и качающуюся мачту. Через десять минут он спустился по выбленкам^[32] вниз и дернул меня за ногу:

- Может быть, выйдешь и посмотришь на свой остров?

Лицо у него так и сияло. Я вскочил, а за мной поднялся и Бенгт, который еще не спал. Нагоняя один другого, мы все трое взобрались так высоко, как только могли, до самого скрещения мачт. Вокруг было множество птиц, и слабая сиренево-голубая дымка на небе отражалась в море, как последнее воспоминание о ночной мгле. По всему горизонту на востоке начал разливаться ярко-красный свет; далее на юго-востоке он стал алым фоном для слабой тени, похожей на черточку, проведенную карандашом по краю моря.

Земля! Остров! Мы жадно пожирали его глазами и разбудили

остальных. Они выходили из хижины совсем сонные и испуганно озирались вокруг, как будто решив, что мы сейчас уткнемся носом в мель. Горланящие птицы образовали на небе мост между нами и видневшимся вдали островом, который вырисовывался все отчетливее и отчетливее на горизонте, по мере того как красный фон разливался все шире и превращался в золотой, предвещая приближение солнца и дневного света.

Прежде всего мы подумали о том, что остров лежит там, где его не должно было быть. И так как остров не мог передвинуться, то плот, по всей вероятности, подхватило ночью северным течением. Только взглянув на море и на направление волн, мы определили, что в темноте потеряли все шансы на приближение к острову. С того места, где мы находились, ветер не позволял нам вести плот на остров. Нас это нисколько не удивило, потому что море вокруг архипелага Туамоту изобиловало местными сильными течениями, которые крутили в разные стороны каждый раз, когда наталкивались на берег, а многие из них меняли свое направление и тогда, когда встречались с местными приливами и отливами в рифах и лагунах.

Мы изменили курс, хотя знали, что это было бесполезно. В половине шестого солнце вынырнуло из моря и, как это часто бывает в тропиках, сразу начало карабкаться вверх. Остров стоял от нас в нескольких морских милях и имел вид низкой лесной полосы, словно растущей прямо из воды. Деревья стояли тесно друг к другу. Перед ними был песчаный берег, который лежал так низко, что через равные промежутки времени исчезал под волнами. По расчетам Эрика, это был остров Пука-пука - форпост архипелага Туамоту. В "Руководстве по судоходству в Тихом океане за 1940 г." на двух морских картах, а также по наблюдениям Эрика, для этого острова указывалось четыре совершенно разных местоположения, но так как поблизости не было никаких других островов, не было сомнений, что перед нами Пука-пука.

Взрывов восторга на борту плота не было. Переложив парус и повернув руль, мы молча сидели на мачте или стояли на палубе, уставясь на остров, который имел дерзость внезапно вынырнуть на горизонте среди бесконечного, господствующего над всем моря. Наконец-то мы получили наглядное доказательство, что в течение этих трех месяцев действительно двигались, а не топтались на месте в середине вечно круглой линии горизонта! Мы все были полны теплого чувства удовлетворения, что достигли Полинезии. Но одновременно были и слегка разочарованы: ведь нам приходилось беспомощно покориться тому, что остров лежал перед нами подобно миражу, а нам нужно было продолжать свое неуклонное движение на запад.

Сразу же после восхода солнца слева от центра острова, над вершинами его деревьев, поднялся густой, черный столб дыма. Мы следили за ним и думали, что местные жители только что встали и начали готовить завтрак. Мы не знали тогда, что они заметили нас со своих наблюдательных постов и дым был сигналом приветствия и приглашения высадиться на берег. Около 7 часов утра мы почувствовали слабый запах дыма горящего дерева борео. Он разбудил во мне дремавшие воспоминания о костре на берегу Фатухивы. Через полчаса до нас донесся запах леса и свеженарубленных дров. Остров начал уменьшаться и был у нас уже за кормой; до нас доносились с него трепещущие дуновения ветерка. По меньшей мере в течение четверти часа Герман и я сидели, прилипнув к самой верхушке мачты, и пропускали через свои ноздри теплый запах листьев и зелени. Это была Полинезия, чудесный, сладостный запах сухой земли, после девяноста трех просоленных суток плавания. Бенгт, забравшись в спальный мешок, храпел. Эрик и Турстейн лежали в хижине на спине и размышляли, а Кнут то выбегал, то возвращался, то вдыхал запах листьев, то делал записи в своем дневнике.

В половине девятого Пука-пука опустил за нашей кормой в море, но часов до одиннадцати мы видели с верхушки мачты слабую синюю полосу над горизонтом в восточном направлении. Наконец и эта полоска исчезла, лишь облако *Cumuluriiimbus*; неподвижно стоявшее в небе, указывало место, где находился остров Пука-пука. Птицы исчезли. По всей вероятности, они держались наветренной стороны острова, чтобы было легче с полными зобами по ветру возвращаться домой. Золотые макрели также почти исчезли, и снова под плотом было несколько рыбок-лоцманов.

В тот вечер Бенгт заявил, что он мечтает о столе и стуле. Очень было утомительно читать, переворачиваясь то на спину, то на живот. Однако он все же был доволен тем, что нам не удалось высадиться на сушу: ему оставалось прочесть еще три книги. Между тем Турстейну вдруг захотелось яблока, а я проснулся от того, что определенно почувствовал восхитительный запах бифштекса с луком; потом оказалось, что так пахла моя грязная рубашка.

Уже на следующее утро мы заметили два новых облака, которые поднимались над горизонтом, словно клубы пара от двух паровозов. Карта подсказала, что они поднимались над двумя коралловыми островами Фангахина и Ангатау. Облако над Ангатау было для нас более благоприятным с точки зрения направления ветра, и поэтому мы легли курсом на этот остров, закрепили кормовое весло и наслаждались великолепным спокойствием широкого Великого океана. Жизнь на

бамбуковой палубе "Кон-Тики" в этот прекрасный день была столь хороша, что мы жадно впитывали все впечатления, уверенные в скором окончании путешествия, что бы ни ожидало нас впереди.

Три дня и три ночи держали мы курс на облако над Ангатау; погода была изумительной, весло само управляло плотом, морское течение не строило нам никаких козней. На четвертое утро, когда Турстейн в шесть часов утра сменял Германа, стоявшего на вахте от четырех до шести, тот сказал, что он как будто видел при лунном свете контуры низкого острова. Сразу же после восхода солнца Турстейн просунул голову в хижину и крикнул:

- Земля!

Мы все бросились на палубу, и то, что представилось нашим взорам, заставило нас в одно мгновение поднять все флаги. Сначала мы подняли на корме норвежский, затем на самой верхушке мачты - французский, так как мы приближались к колонии Франции. Вскоре свежий пассат играл всей нашей коллекцией флагов: шведским, американским, английским, перуанским и вымпелом Explorers Club. На палубе никто не сомневался, что "Кон-Тики" имеет праздничный вид. На этот раз остров лежал идеально, как раз там, куда направлял курс плот.

Он был немного дальше от нас, чем остров Пука-пука, когда тот появился перед нами четыре дня назад при восходе солнца. По мере того как солнце поднималось, зеленое зарево в туманном небе над островом становилось все отчетливее. Это было отражение спокойной зеленой лагуны, лежавшей внутри кольцевого рифа. Такие лагуны отражаются иногда в виде миражей на тысячи метров вверх, что давало возможность древним мореплавателям определять местонахождение острова за несколько дней до его появления на горизонте.

Часов в десять утра мы снова встали у кормового весла - необходимо было решить, к какой части острова мы направляемся. Мы уже различали отдельные кроны и видели ряды освещенных солнцем деревьев, выступавших на фоне густой листвы.

Мы знали, что где-то между нами и островом находится опасный подводный риф, лежавший в засаде против всех, кто приближался к мирному острову. Этот риф лежал на пути свободно катившихся с востока крутых волн, которые, встречаясь с ним, спотыкаются, вздымаются к небу и, пенясь и грохоча, переваливают через острые кораллы. Многие корабли в районе архипелага Туамоту попадались в ловушку подводных рифов и разбивались в щепки о кораллы.

С моря нам не было видно коварной западни. Мы шли, следуя

направлению волн, и видели лишь их круглые, поблескивавшие на солнце гребни, которые исчезали на пути к острову. И кольцеобразный риф и пляска ведьм, которую исполняли на нем волны, были совершенно скрыты от нас вздымающимися рядами широких гребней волн. Но у обеих оконечностей острова, где берег нам был виден в профиль как с севера, так и с юга, мы заметили, что море в нескольких сотнях метров от острова представляет собой сплошную бурлящую массу воды, высоко взлетающую в воздух.

Мы пошли так, чтобы обойти бурлящий котел у южной оконечности острова, надеясь, что нам удастся проскочить вдоль рифа и подойти к острову с подветренной стороны или, по крайней мере, попасть в более мелкое место, где можно будет приостановить плот с помощью самодельного якоря и подождать, пока ветер изменит направление.

Около полудня мы находились на таком расстоянии, что могли рассмотреть в бинокль растительность острова - пышные зеленые кустарники на фоне густой рощи молодых кокосовых пальм. На берегу перед ними на светлом песке лежали огромные коралловые глыбы. Кроме белых птиц, паривших в воздухе над пальмами, никаких других признаков жизни не было.

Часам к двум мы приблизились настолько, что могли идти вдоль острова с наружной стороны опасного рифа-барьера. Чем ближе мы подплывали к острову, тем сильнее становился грохот прибоя. Этот грохот сначала напоминал беспрерывно низвергающийся водопад, затем нам стало казаться, что параллельно с нами, в нескольких сотнях метров от нашего плота, несется экспресс. Мы видели за крутыми разбивающимися гребнями волн белые фонтаны воды, высоко скакавшие в воздух с нашей стороны, там, где громыхал экспресс.

На корме у руля стояли двое. Они были за бамбуковой хижинкой и не видели, что делается впереди. Эрик в качестве признанного морехода, пристроившись на кухонном ящике, подавал рулевому команду. Наш план был очень прост: держаться как можно ближе к опасному рифу. На мачте постоянно находился наблюдатель. высматривая брешь или проход в рифе, в который плот мог бы проскользнуть. Течение, к счастью, несло нас вдоль рифа. Неустойчивые килевые доски все же позволяли нам поворачивать плот в обе стороны под углом примерно в 20° к ветру, а ветер дул вдоль рифа.

Эрик вел плот зигзагами, имея в виду, что нас могло затянуть к рифу, а мы с Германом вышли на резиновой лодке, привязанной канатом к плоту. Каждый раз, когда плот был на галсе, направленном к рифу, нас

подбрасывало, и мы подходили так близко к гремящему барьеру-риффу, что ясно видели зеленую стеклянную стену воды, откатывавшуюся от нас. Когда волны уходили, риф обнажался и напоминал разрушенную баррикаду из ржавого железа. Вдоль берега, насколько видел глаз, мы не могли обнаружить в рифе ни бреши, ни прохода. Отпустив шкоты с правого борта и натягивая их с левого, Эрик переключал парус, а рулевые помогали кормовым веслом. Таким образом, "Кон-Тики" поворачивался носом в сторону моря, и нас выносило из опасной зоны до следующей попытки проникнуть за риф.

Всякий раз, когда "Кон-Тики" несло на риф и отбрасывало обратно, у нас, сидящих в лодке, душа уходила в пятки: ведь мы подходили все ближе и чувствовали, как волны становились все выше и яростнее, удары их все ускорялись. Нам казалось, что Эрик слишком близко подходит к рифу, нет никакой надежды спасти "Кон-Тики", нас вот-вот затянет и мы разобьемся об этот проклятый красный риф. Но Эрик повторял свой изящный маневр, и "Кон-Тики" снова уходил в море, подальше от места, где его могло затянуть к рифу. Мы двигались так близко вдоль берега острова, что видели каждую мелочь на берегу, но его райская красота была недосыгаема из-за лежащего между нами пенящегося вала.

Приблизительно в три часа в пальмовом лесу появился просвет, и мы впервые увидели голубую водяную гладь лагуны. Окружающий ее риф был все так же непреодолим и все так же, зловеще пенясь, скрежетал своими кроваво-красными зубами. Ни одного прохода. Скоро и просвет в лесу исчез, а мы с попутным ветром двигались и двигались вдоль острова. Затем пальмовый лес стал редеть, и мы смогли еще раз заглянуть внутрь кораллового острова. Мы увидели широкую, красивую лагуну с соленой водой, похожую на большое молчаливое горное озеро, обрамленное колышущимися кокосовыми пальмами и блестящим песком. Заманчивый зеленый пальмовый остров окружал широким песчаным кольцом гостеприимную лагуну и, в свою очередь, был окружен вторым кольцом - кроваво-ржавым мечом, защищавшим вход в земной рай.

Весь день мы шли зигзагами вокруг Ангатау и очень близко ощущали его прелесть - сейчас же за входом в хижину. Солнце бросало свои лучи на пальмы, и весь остров казался нам радостным и райским. Когда маневрирование нашего плота превратилось в установившуюся привычку, Эрик достал свою гитару и стал на палубе в огромной перуанской соломенной шляпе, наигрывая и напевая сентиментальные песенки Южных морей, а Бенгт готовил на краю плота праздничный обед. Мы открыли старый кокосовый орех из Перу и выпили за здоровье молодых

свежих орехов, еще висевших на деревьях острова. Огромное впечатление на нас, шестерых, прибывших с моря, произвела царившая вокруг атмосфера: покой царил над большим зеленым пальмовым лесом, твердо стоявшим на земле и простиравшимся перед нами во всем своем великолепии. Покой царил среди белых птиц, паривших над верхушками пальм; покой был и над зеркальной лагуной, и над мелким песком берега, и над злобным красным рифом с его канонадой и барабанным боем. Полученное нами от всего этого впечатление никогда не изгладится из нашей памяти. Не было сомнений в том, что мы находились уже на противоположной стороне атолла и перед нами был самый настоящий остров Южных морей.

Удастся ли вам выйти на берег или нет, не имело значения. Как бы то ни было, мы прибыли в Полинезию, а просторы океана остались навсегда позади нас.

Волею судеб торжественный день прибытия к Ангатау оказался девяносто седьмым днем нашего путешествия. Но ведь еще в Нью-Йорке мы рассчитывали достигнуть полинезийских островов при теоретически идеальных условиях на девяносто седьмой день.

Примерно в пять часов вечера мы прошли мимо двух стоявших на берегу между деревьями хижин, крытых пальмовыми листьями. Не было видно ни дыма, ни какого-либо другого признака жизни.

В половине шестого плот снова подходил к рифу. Мы приближались к западной оконечности острова и решили еще раз поискать, нет ли прохода в лагуну. Солнце висело так низко, что слепило глаза, а за последним мысом, где море билось о риф, появилась небольшая радуга. Нам видны были лишь очертания острова. На берегу показалась неподвижная группа черных точек. Вдруг одна из них медленно двинулась к воде, в то время как другие бросились к лесу и исчезли. Это были люди! Мы пошли вдоль рифа настолько близко к лесу, насколько у нас хватило смелости. Ветер затих, и мы почувствовали, что нас может сейчас затянуть к острову. Мы увидели, как на воду спустили каноэ, в него прыгнули два человека и стали грести к рифу с внутренней его стороны.

Сначала они шли вдоль рифа, затем резко изменили направление, и мы увидели, как каноэ быстро поднялось в воздух, скользнуло в проход в рифе и направилось в нашу сторону.

Значит, проход был! Единственная наша надежда! Теперь мы видим всю деревню, раскинувшуюся между пальмами. Но тени уже становились более длинными.

Двое людей, находившихся в каноэ, махали нам руками. Мы усиленно

отвечали тем же, и они погнали скорее свое суденышко. Это была полинезийская лодка с балансиром, а в ней две коричневые фигуры в фуфайках гребли изо всех сил, сидя лицом к нам. Нас опять ожидали трудности из-за незнания языка. Из всех нас я один помнил несколько слов на диалекте Маркизских островов, и то потому, что я жил на острове Фатухива. Но полинезийский язык трудно помнить, а в наших скандинавских странах не могло быть и речи о применении его на практике.

Мы почувствовали некоторое облегчение, когда каноэ стукнулось о край плота и оба гребца прыгнули на борт; один из них, ухмыляясь, протянул свою коричневую руку и крикнул по-английски:

- Cood night!^[33]

- Cood night! - ответил я, удивленный. - Do you speak english?^[34]

Человек снова улыбнулся и кивнул головой.

- Good night, - сказал он, - good night! Это был весь его запас иностранных слов. Исчерпав его, он сердито закричал на своего более скромного друга, который стоял сзади, подавленный ученостью товарища.

- Ангатау? - спросил я и указал на остров.

- Х'ангатау, - кивнул островитянин утвердительно.

Эрик тоже гордо кивал головой. Он, оказывается, был прав: мы действительно находились в том самом месте, которое Эрику подсказало солнце.

- Maimai hee iuta, - сказал я нерешительно.

Этим исчерпывались познания, полученные мной на острове Фатухива, и эти слова должны были означать: "Хотеть... пойти... на землю..."

Гребцы указали на невидимый проход в рифе, и мы, переложив кормовое весло, решили попытаться счастья.

В тот же момент с острова подул свежий ветер, над лагуной показалось маленькое дождевое облако. Ветер угрожал отогнать нас от рифа, и мы заметили, что "Кон-Тики" поворачивается не под тем углом, который был необходим, чтобы мы могли подойти к устью прохода в рифе. Мы пытались стать на якорь, но якорный канат не дотянул. Пришлось взяться за весла, и поскорее, пока ветер не совсем разошелся. В один миг мы спустили парус, и каждый из нас взял по большому веслу. Я хотел дать по веслу и обоим островитянам, которые наслаждались полученными от нас сигаретами.

Но они только энергично мотали головой, указывая направление, куда

нужно быстро идти, и, казалось, были чем-то смущены. Я показал знаками, что мы все должны грести, и повторял слова: "Хотеть... пойти... на землю". Тогда более решительный из них нагнулся и, вращая правой рукой в воздухе, произнес:

- Тр-р-р-р-р-р-р-р!

Нельзя было сомневаться в его желании, чтобы мы завели мотор. Островитяне думали, что находятся на борту какого-то странного, глубоко сидящего в воде судна. Мы потащили их на корму и показали, что у нас под бревнами нет ни винта, ни корпуса. Они были страшно изумлены, немедленно бросили свои сигареты и кинулись к нам; и вот уже с каждой стороны плота сидели и гребли по четыре человека. В это время солнце опустилось по вертикальной линии в море за мысом, и ветер со стороны острова подул еще сильнее. Было не похоже, чтобы мы двинулись вперед хотя бы на сантиметр. Местные жители вдруг прыгнули в свое каноэ и исчезли. Смеркалось, и мы опять были одни на плоту и гребли как бешеные, чтобы нас снова не унесло в море.

Когда остров погрузился во мрак, из-за рифа появились четыре каноэ, и вскоре на плоту оказалась толпа полинезийцев. Все они протягивали нам руки и хотели сигарет. С этими ребятами, хорошо знакомыми с местными условиями, мы себя почувствовали вне опасности. Они-то уж не допустят, чтобы плот унесло далеко в море. Сегодня вечером мы наверняка будем на острове.

Не теряя времени, мы привязали все четыре остроконечных каноэ канатами к носовой части "Кон-Тики", и они, как собачья упряжка, рассыпались веером перед плотом. Кнут вскочил в резиновую лодку и втиснулся в качестве упряжной собаки между каноэ. А мы снова заняли свои места на боковых бревнах "Кон-Тики" и взялись за весла. Так началась ожесточенная борьба с восточным ветром, который столько времени был для нас попутным.

Было совершенно темно. Луна еще не показывалась. Дул свежий ветер. На берегу собрались все жители деревни. Они набрали хворосту, разожгли огромный костер, чтобы мы могли найти проход в рифе. Громоподобный грохот, рождавшийся у рифа, доносился до нас со всех сторон во мраке и казался непрерывным шумом водопада, который все усиливался и усиливался.

Мы не видели людей, сидевших в каноэ и тянувших нас вперед, но мы слышали, что они во весь голос пели бодрые, боевые полинезийские песни. Мы слышали, что и Кнут им подтягивал. Каждый раз, когда утихали звуки полинезийской песни, до нас доносился одинокий голос Кнута, певшего в

хоре полинезийцев на норвежском языке: "Мы отважно шагаем впере-е-ед!" В дополнение к этому разноголосью мы затянули на плоту "У бэби Тома Броуна был прыщик на носу", С веселым смехом и пением и белые и коричневые еще сильнее налегали на весла.

Настроение было великолепным. Девяносто семь суток! Прибыли в Полинезию! Сегодня вечером в деревне будет праздник. Местные жители ликовали и кричали в полном восторге. К Ангатау суда приходили лишь один раз в год: обычно это была шхуна из Таити, которая забирала кокосовые орехи. А сегодня вокруг костра на берегу будет настоящий праздник.

Но резкий ветер упорно не стихал. Мы работали так, что ныли все суставы. Мы не сдавались, но костер не приближался, а грохот с рифа доносился с прежней силой. Постепенно песня затихла, стало совсем тихо. Людям оставалось только грести. Костер не приближался. Он скакал то вверх, то вниз, когда волны то поднимали, то опускали нас. Прошло три часа, и было уже девять часов вечера. Столь блестяще начатая попытка не удалась. Мы выбились из сил.

Мы объяснили местным жителям, что нужно позвать на помощь еще людей. Они ответили, что в деревне народу много, но на всем острове только четыре каноэ.

Тогда из темноты вынырнул на резиновой лодке Кнут. У него возникла следующая мысль. Он пойдет на остров на своей лодке и привезет пять-шесть местных жителей.

Это было слишком рискованно. Кнут не был знаком с местными условиями, и ему никогда не добраться в такой непроглядной тьме до прохода в коралловом рифе. Тогда он предложил взять с собой вожака местных жителей, который укажет ему дорогу. Мне и эта идея показалась ненадежной, потому что у островитян не могло быть такого опыта, чтобы провести неуклюжую резиновую лодку через узкий и опасный проход. Но я попросил позвать вожака, который греб где-то в темноте впереди плота, и узнать его мнение о создавшемся положении. Было ясно, что мы больше не могли сдерживать плот и его уносило в море.

Кнут исчез в темноте, чтобы найти вожака. Прошло много времени, а он не возвращался. Мы начали громко его звать, но, кроме кудахтающего хора полинезийцев, ничего не было слышно. Кнут пропал где-то во мраке. Но мы все же поняли, что случилось. В шуме, гаме и грохоте Кнут неправильно понял данное ему указание и отправился вместе с вожаком к острову. Звать и кричать было бесполезно: там, где находился теперь Кнут, все звуки поглощались грохотом прибоя.

В один миг мы достали фонарь для сигнализации, один из нас залез на мачту и начал сигнализировать по азбуке Морзе: "Возвращайся обратно! Возвращайся обратно!"

Но никто не возвращался; двоих гребцов не было, третий занимался сигнализацией, а остальные выбились из сил. Мы бросили в море несколько палочек и увидели, что нас медленно, но верно относит от острова. Костер все уменьшался. Шум от прибоя у рифа стал тише. И чем дальше мы отходили из-под защиты пальмового леса, тем крепче завладевал нами неизменный восточный ветер. Мы его снова узнали, он сейчас уже был таким, как в открытом море. Мы постепенно начинали понимать, что нет почти никакой надежды... Нас несло в море. Но весла бросать нельзя: надо всеми силами тормозить движение плота в открытое море, пока не вернется Кнут.

Прошло пять минут... Десять минут... Полчаса.

Костер становился меньше, а иногда, когда мы скользили вниз, в ложбину волны, он совсем исчезал. От прибоя доходило неясное бормотанье. Показалась луна. Мы увидели ее диск за верхушками пальм на берегу, но небо казалось затуманенным и было наполовину затянуто тучами.

Мы слышали, как островитяне начали что-то бормотать и совещаться между собой. Вдруг мы заметили, что экипаж одного из каноэ отвязал канат и исчез. В остальных каноэ люди были измучены и измотаны и уже не могли работать в полную силу. "Кон-Тики" продолжал двигаться в открытое море.

Вскоре и остальные три каната ослабели, и все три каноэ стукнулись о плот. Один из островитян поднялся на борт и, мотнув головой, спокойно сказал:

- Иута. На землю!

Он озабоченно посмотрел в сторону костра, который теперь исчезал на более длительный срок. Нас относил все быстрее. Прибой молчал. Только волны шумели, как прежде, да канаты "Кон-Тики" скрипели и стонали.

Мы дали островитянам сигарет, и я наскоро написал записку, которую они должны были взять с собой и передать Кнуту, если найдут его.

Я писал:

"Возвращайся на каноэ с двумя островитянами, резиновую лодку возьми на буксир. Один в лодке не возвращайся".

Мы рассчитывали, что всегда готовые оказать помощь жители острова согласятся взять Кнута к себе в каноэ, если они вообще сочтут возможным выйти в море; а если не сочтут, то для Кнута было бы безумием

отправиться одному догонять убегающий плот.

Островитяне взяли записку, прыгнули в свои каноэ и исчезли в ночном мраке. Последнее, что мы слышали, был резкий голос первого нашего друга, который вежливо желал нам из мрака:

- Good night!

Остальные, не будучи столь блестящими лингвистами, ограничились восхищенным бормотаньем. И опять все стало тихо. До нас не доносилось никаких звуков, как и в те дни, когда мы находились в 2 тысячах морских миль от ближайшей земли.

Бессмысленно было нам вчетвером продолжать работать веслами при сильнейшем ветре в открытом море, но подачу световых сигналов с мачты мы не прекращали. Мы уже не решались сигналить: "Возвращайся обратно!", а посылали лишь равномерно мигающие сигналы. Тьма стояла кромешная. Луна показывалась лишь изредка из-за гряды облаков. По всей вероятности, над нами висело облако Cumulonimbus острова Ангатау.

В десять часов мы потеряли последнюю маленькую надежду встретиться с Кнута, в полном молчании сели на край плота и сжевали несколько печений. Поочередно залезали на мачту и подавали световые сигналы.

Без широкого паруса с изображением Кон-Тики мачта казалась голой и безжизненной.

Мы решили посылать световые сигналы всю ночь, посылать до тех пор, пока не найдется Кнут. Мы не хотели верить, что он погиб в бурном прибое. Кнут всегда причаливал к берегу и выходил невредимым, имел ли он дело с бурунами или с грозным морем. Но нам было страшно подумать, что он остался один среди коричневых островитян на заброшенном островке Тихого океана. Как нелепо получилось! После такого длительного путешествия все наши достижения заключались в том, что мы оставили Кнута на одном из, уединенных островков Южных морей, а сами отправились дальше. Не успели первые полинезийцы улыбнуться нам на плоту, как должны были очертить голову удирать, чтобы не стать жертвой неукротимого и неутомимого движения "Кон-Тики" на запад. Действительно, чертовское положение! Этой ночью канаты так страшно скрипели... Никто из нас не собирался спать.

Было уже половина одиннадцатого. Бенгт спускался с качавшейся мачты, закончив свою очередную вахту. Вдруг все мы вздрогнули: мы ясно слышали голоса откуда-то с моря и из мрака. Вот опять... Говорили полинезийцы. Мы закричали изо всех сил куда-то в ночь. Нам ответили. Среди незнакомых голосов мы узнали голос Кнута! От восторга мы готовы

были, как говорится, шляпу съесть. Усталости как не бывало. Все собравшиеся грозовые тучи исчезли. Что из того, что нас отнесло от острова Ангатау? В океане еще много островов. Теперь наши девять любящих путешествовать бальзовых бревен могут плыть куда угодно - нас будет опять шестеро на борту.

Из мрака выпорхнули, танцуя по волнам, три каноэ, и Кнут первым вскочил на любимый, старый "Кон-Тики", а за ним шесть коричневых островитян. Рассказывать не было времени, нужно было одарить островитян: они спешили отправиться в свое бесстрашное путешествие обратно на остров. В темноте, не видя ни земли, ни света, вряд ли видя звезды, они должны были грести наугад, против ветра и волн, пробивая себе путь, пока не заметят огонь костра. Мы обильно снабдили их продуктами, сигаретами и другими подарками. Каждый из них, прощаясь, долго тряс нам руки.

Они явно беспокоились за нас и, указывая на запад, объясняли, что мы двигаемся навстречу опасным рифам. Вожак со слезами на глазах подошел ко мне и трогательно поцеловал меня в щеку. Затем они вскочили в свои каноэ, и снова остались мы шестером одни на плоту...

Мы предоставили плоту двигаться вперед по воле волн и сели слушать рассказ Кнута о его похождениях.

Кнут добросовестно отправился на резиновой лодке к острову, взяв с собой вожака островитян. Тот сидел на маленьких веслах и греб к проходу в рифе, как вдруг Кнут, к своему удивлению, увидел сигналы с "Кон-Тики" - приказ возвращаться. Он знаками показал темнокожему гребцу, что надо вернуться, но тот отказался. Тогда Кнут сам бросился к веслам, но островитянин оттолкнул его, и Кнут сообразил, что бессмысленно вступать в борьбу, находясь среди разбивающихся о риф бурунов. Танцуя на волнах, лодка шла в проход в рифе, и наконец волны подняли ее на коралловую глыбу на самом острове. Множество островитян ухватились за резиновую лодку и втащили ее быстро на берег, и вот Кнут стоит под пальмами, окруженный огромной толпой местных жителей, болтающих на непонятном языке. Коричневые босые мужчины, женщины всех возрастов и дети толпились вокруг него, щупали его рубашку и брюки. Сами они были одеты в старую, поношенную европейскую одежду, но на острове не было ни одного белого.

Кнут обратился к самым приятным и сильным на вид островитянам и знаками попросил их отправиться с ним на резиновой лодке вдогонку за "Кон-Тики". В это время подошел, переваливаясь, рослый, тучный мужчина. Кнут решил, что он был вождем - у него на голове была старая

форменная фуражка, и он говорил громко и властно. Все расступились перед ним. Кнут объяснил по-норвежски и по-английски, что ему нужны люди и он хочет вернуться на плот, пока он не ушел в море. Вождь широко улыбался, но не понял ни слова, и, несмотря на отчаянные протесты Кнута, вся толпа уволокла его с собой в деревню. Здесь его встретили и красивые девушки Южных морей, принесшие свежие фрукты, и собаки, и свиньи, и куры. Было ясно, что островитяне решили сделать жизнь Кнута как можно приятнее, но Кнут не соблазнялся, он думал лишь о плоте, уходящем все дальше на запад. Замысел островитян был очевиден. Им было скучно, и они знали, что на судах белых людей бывает много хороших вещей. Они думали: если им удастся удержать Кнута, то другие придут за ним на своем странном судне. Они очень хорошо понимали, что ни одно судно не оставит белого человека на таком уединенном маленьком острове, как Ангатау.

После целого ряда приключений Кнуту, окруженному поклонниками обоего пола, все же удалось вырваться и пробиться к резиновой лодке.

Трудно было не понять его международный язык и жесты; он должен вернуться, и он вернется на то странное судно, которое так спешило, что с места в карьер помчалось дальше.

Островитяне попытались пойти на хитрость: они стали объяснять знаками, что оставшиеся на плоту подходят к острову с другой стороны мыса. На одно мгновение Кнут был сбит с толку. Но вот с берега, где женщины и дети поддерживали огонь, донеслись оживленные голоса. Это вернулись три каноэ, и один из гребцов передал Кнуту записку. Кнут находился теперь в отчаянном положении. Он получил указание не выходить одному в море, а все островитяне наотрез отказались сопровождать его.

Между островитянами завязался оживленный спор. Те, кто выходил в море и видел плот, прекрасно понимали, что бесполезно пытаться задерживать Кнута, рассчитывая залучить таким образом и остальных на берег. Спор закончился тем, что обещания и угрозы Кнута с международными интонациями в голосе заставили гребцов трех каноэ отправиться с ним на своих суденышках вдогонку за "Кон-Тики". Тропической ночью с резиновой лодкой, плывшей на буксире, они наконец вышли в море. Островитяне стояли безмолвно на берегу вокруг потухающего костра и смотрели, как их новый светловолосый друг исчезает с той же быстротой, как и появился.

Уже далеко в море, когда каноэ поднялись на греб не волны, один из сопровождавших Кнута островитян увидел световой сигнал с плота. Узкие и стройные полинезийские каноэ, с балансиrom, разрезали воду, как нож,

но тем не менее Кнуту показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он наконец снова почувствовал под ногами круглые толстые бревна "Кон-Тики".

- Ну как, хорошо повеселился на берегу? - завистливо спросил Турстейн.

- Угу! - ответил Кнут. - Посмотрел бы ты, какие там девушки!

Мы не стали поднимать паруса, убрали кормовое весло, забрались в хижину и заснули, как валуны на острове Ангатау.

Трое суток мы плыли по океану, не видя земли.

Нас несло прямо на зловещие рифы Такуме и Рароиа, протянувшиеся огромным барьером на 40 - 50 морских миль поперек нашего пути. Мы делали отчаянные попытки провести плот севернее, чтобы избежать опасного рифа. И одно время казалось, что нам это удастся. Но однажды ночью вахтенный влетел в хижину и поднял всех на ноги.

Ветер переменялся. Мы плыли прямо на риф Такуме. Начался дождь, и видимость была плохая. Но риф был где-то неподалеку.

Ночью заседал "военный совет". Теперь стоял вопрос о жизни и смерти. Обойти риф с севера было немыслимо. Единственное, что мы могли еще сделать, - это изменить курс и попытаться обойти его с юга. Мы поставили парус, изменили положение кормового весла и начали наше опасное путешествие вдоль рифа. Нас подгонял переменный северный ветер.

Если восточный ветер снова подует, прежде чем мы пройдем все 50 морских миль рифа, то мы неминуемо окажемся во власти прибоя.

Мы договорились о всех мерах, которые необходимо будет принять в случае, если авария станет неминуемой, и решили любой ценой держаться на "Кон-Тики". Взбираться на мачту было нецелесообразно, потому что нас стрясет с нее, как загнивший плод, но мы решили крепко уцепиться за мачтовые штаги, когда волны начнут на нас обрушиваться. На палубе мы приготовили резиновую лодку, уложив в нее небольшой водонепроницаемый радиопередатчик, немного продовольствия, бутылки с водой и ящик с медикаментами. Мы рассчитывали на то, что волны сами пригонят лодку к суше и она будет ждать нас, если нам удастся перебраться через риф невредимыми, но с пустыми руками. На корме "Кон-Тики" прикрепили длинный канат с буйком, который также, вероятно, будет выброшен на сушу, так что мы сможем задержать деревянные части плота, если он будет выброшен на риф. Договорившись обо всем, мы забрались обратно в постели, оставив под дождем на палубе вахтенного у руля.

Пока ветер дул с севера, мы медленно скользили вдоль фасада

кораллового рифа, который подкарауливал нас на горизонте. Однако в полдень ветер затих, а затем начал дуть с востока. По вычислениям Эрика, мы уже столько прошли, что у нас теперь была надежда обойти риф Рароиа с юга.

С наступлением ночи начались сотые сутки нашего пребывания на море.

Ночью я проснулся от какого-то безотчетного чувства беспокойства и тревоги. С волнами действительно происходило что-то странное. "Кон-Тики" шел иначе, чем обычно в подобных же условиях. Мы уже привыкли к тому, что у него был определенный ритм. Теперь этот ритм был нарушен. Я подумал, что причиной этого, может быть, было обратное течение от острова, и все время выходил на палубу и взбирался на мачту. Но я видел лишь одно море. И все же я не мог спокойно уснуть. Время шло...

Около шести часов на рассвете Турстейн неожиданно свалился с мачты. Далеко впереди он увидел цепочку островков, покрытых пальмами. Прежде всего мы повернули кормовое весло, насколько это было возможно, чтобы идти на юг. То, что Турстейн видел, по-видимому, были мелкие коралловые островки, раскинувшиеся, как жемчужное ожерелье, позади рифа Рароиа. Нас наверняка уносило течением, направлявшимся на север.

В половине восьмого вдоль всего горизонта на западе показалась целая цепь островков, покрытых пальмами. Самый южный из них лежал на нашем курсе, и от него по всему горизонту справа от нас были острова и группы пальм, которые постепенно превращались в точки и исчезали в северном направлении. Ближайший островок находился от нас на расстоянии 4-5 морских миль.

Забравшись на мачту, мы убедились, что, хотя нос плота и был направлен на самый крайний остров в цепи, все же снос плота в сторону был настолько велик, что мы двигались не в том направлении, куда смотрел нос. По сути дела нас сносило наискось прямо на риф. Если бы килевые доски были у нас в порядке, можно было бы справиться со сносом плота, но лезть под него, чтобы закрепить килевые доски новыми оттяжками, - бессмысленно: акулы следовали за нами по пятам.

Мы понимали, что нам остается пробыть на- плоту "Кон-Тики" считанные часы. Нужно было использовать их для того, чтобы подготовиться к неизбежной катастрофе - крушению на коралловом рифе. Каждый из нас знал, что ему делать, когда настанет критический момент. Каждому были даны определенные обязанности. Никто не будет суетиться, наступая другому на пятки, когда настанет роковая минута и каждая секунда будет на счету.

"Кон-Тики" нырял вверх и вниз, вверх и вниз, повинаясь порывам ветра. Уже не было сомнения, что мы попали в водоворот, образующийся обычно около рифа, - волны набегали и насккивали на откатывающиеся массы воды, которые уже успели удариться об окружающую их стену.

Шли по-прежнему под парусом, в надежде, что нам все же удастся обойти риф. Мы подходили, хотя и боком, все ближе и ближе к нему и увидели с мачты, что вся цепь коралловых островов тесно связана, частью под водой, частью над ней, коралловым рифом, который тянулся, как мол, там, где море было белым от пены и прыгало высоко в воздух.

Риф Рароиа имеет форму овала, диаметром 40 километров. Длинной своей стороной он обращен к востоку, в ту сторону, откуда мы пришли. В ширину риф, тянувшийся от горизонта к горизонту, имел всего лишь несколько сот метров, и за ним, вокруг тихой лагуны, расположилась цепь идиллических мелких островков.

Со смешанным чувством наблюдали мы, как впереди нас по всему горизонту риф безжалостно рвал и швырял в воздух голубой Тихий океан. Я знал, что нас ожидало. Я уже бывал на архипелаге Туамоту и много раз наблюдал с берега великолепное зрелище, открывавшееся на востоке: буруны надвигались с Тихого океана и разбивались о риф. На юге один за другим появились новые острова и рифы. Мы, очевидно, находились у середины фасада кораллового рифа.

На борту "Кон-Тики" были сделаны все приготовления к окончанию путешествия. Все ценное мы снесли в хижину и прочно привязали. Документы и бумаги, а также пленки и другие портящиеся от воды вещи мы запаковали в водонепроницаемые мешки. После этого мы укрыли всю бамбуковую хижину парусиной, закрепили ее особенно прочным тросом. Когда наконец исчезла последняя надежда, мы подняли палубу и обрубали тросы, поддерживавшие килевые доски. Вытащить их на палубу оказалось очень трудно, потому что они густо обросли огромными ракушками. Теперь, когда килевые доски были убраны, наш плот сидел в воде, как обычные бревна на плаву, и поэтому ему было легче перебраться через риф. Лишившись паруса и килевых досок, плот повернулся бортом к ветру и стал беспомощной добычей ветра и волн.

Мы выбрали самый длинный трос и привязали его одним концом к самодельному якорю, а другим к основанию мачты с правого борта; после спуска якоря плот должен был войти в буруны кормой. Якорь был сделан из пустых баков для воды, наполненных использованными батарейками и другими тяжелыми предметами, и из связанных накрест тяжелых мангровых бревнышек.

Приказ номер один - первый и последний на плоту - гласил: "Держись за плот". Что бы ни случилось, мы должны были крепко держаться на плоту, предоставив девяти бревнам принять на себя удар при столкновении с рифом. С нас было достаточно, если мы выдержим удары волн. Прыгать за борт было равносильно самоубийству, потому что мы немедленно стали бы беспомощной жертвой прибоя, который принялся бы швырять нас об острые кораллы. Бессмысленно было бы спасаться и в резиновой лодке, потому что она или будет опрокинута крутыми волнами, или вместе с нами разорвана рифом в клочья. А бревна рано или поздно будут выброшены на берег, а с ними и мы, если ухитримся крепко на них удержаться.

После этого всем было приказано надеть ботинки - впервые за сто суток - и приготовить спасательные пояса. Польза от них была, однако, сомнительной, потому что, очутившись за бортом, нам предстояло скорее разбиться о рифы, чем утонуть. У нас осталось еще время, чтобы рассовать по карманам паспорта и те немногие доллары, которые у нас были. Но нас беспокоил отнюдь не недостаток во времени.

В течение нескольких напряженных часов мы беспомощно, боком, шаг за шагом шли к рифу. На борту царила поразительная тишина. Молча, перебрасываясь лишь необходимыми замечаниями, входили мы в хижину и выходили из нее, занятые своей работой. Серьезность лиц показывала, что никто не пребывал в неведении относительно того, что нас ожидало, а отсутствие паники говорило за то, что все мы приобрели непоколебимое доверие к возможностям плота. Если он перенес нас в целости и сохранности через океан, то доставит живыми и на берег.

В хижине царил невероятный хаос: картонки с продовольствием и всякий другой крепко-накрепко привязанный груз. Турстейн едва нашел себе место в радиоуголке, где ему удалось настроить коротковолновый радиопередатчик. Теперь мы были на расстоянии 4 тысяч морских миль от Кальяо и радиостанции военно-морской школы, поддерживавшей с нами постоянную связь, а до радиолюбителей из США было еще дальше. Однако накануне нам повезло: мы установили связь с радиолюбителем на Раротонге (архипелаг Кука), и наши радисты договорились с ним об установлении, в виде исключения, связи в утренние часы. А пока что мы подходили все ближе и ближе к рифу. Турстейн стучал ключом и вызывал Раротонгу.

Вот что записано в вахтенном журнале "Кон-Тики":

"8.15. Мы медленно приближаемся к земле. Невооруженным глазом можем уже различить справа стволы пальм.

8.45. Ветер стал на четверть румба^[35] еще более неблагоприятным для

нас, и нет никакой надежды на то, что удастся увернуться от аварии. На борту нет паники, на палубе - лихорадочные приготовления. На рифе перед нами лежит что-то, напоминающее остов погибшей шхуны, но, может быть, это просто прибившиеся бревна.

9.45. Ветер гонит нас прямо к последнему острову из тех, которые мы можем разглядеть за рифом. Сейчас мы ясно видим весь коралловый риф; он похож на стену из красных и белых кусочков, выступающую из воды, опоясывая все острова. Вдоль всего рифа взлетает к небу белый пенящийся прибой. Бенгт подает нам хороший горячий обед - последний перед тяжелым испытанием. Да, там на рифе действительно лежат останки корабля. Мы подошли уже так близко, что видим искрящуюся лагуну за рифом и даже очертания островов на другой стороне.

Пока писались эти строки, глухой грохот прибоя снова усилился и, как резкая барабанная дробь, разносился вокруг, возвещая начало последнего акта драмы "Кон-Тики".

9.50. Уже совсем близко. Идем вдоль рифа. Мы от него всего в нескольких метрах. Турстейн все еще говорит с радиолюбителем на Раротонге. Все ясно. Нужно уложить вахтенный журнал. Все в бодром настроении. Выглядит эта история неважно, но мы должны из нее выскочить".

Через несколько минут мы выбросили якорь за борт. Он коснулся дна, плот развернулся и встал кормой к бурлящему пеной рифу. Якорь на несколько мгновений задержал ход плота. Турстейн воспользовался этим и в бешеном темпе застучал ключом. Он связался с Раротонгой. Прибой гремел в воздухе, волны яростно вставали и падали. Все были заняты работой на палубе, а Турстейн передавал сообщение, что нас несет к рифу Рароиа, и попросил Раротонгу в дальнейшем слушать каждый час на той же волне. Если от нас не будет никаких сообщений в течение 36 часов, он должен уведомить норвежское посольство в Вашингтоне. Последние слова Турстейна были:

"O. K. 50 yards left. Here we go. Good bye!"^[36]

И он выключил станцию. Кнут запаковал бумаги, и оба со всех ног бросились к нам на палубу. Якорь больше не выдерживал.

Волны становились круче и круче и ложбины между ними все глубже, и мы чувствовали, как плот стремительно взлетал вверх и опускался вниз, вверх и вниз, все выше и выше...

И снова громкий приказ:

"Держитесь! Наплевать на груз! Держитесь!"

Мы уже подошли к прибою так близко, что больше не слышали

упорного непрерывного грохота волн вдоль всего рифа. Мы слышали теперь отдельные удары, раздававшиеся каждый раз, когда ближайший вал разбивался о скалы.

Все были готовы, и каждый из нас крепко держался за тот трос, который внушал ему больше доверия. В последний момент Эрик залез в хижину: он не выполнил всей программы - забыл надеть ботинки.

На корме никого не было, ей предстояло столкнуться с рифом. Ненадежны были и два мачтовых штага на корме: в случае падения мачты они повиснут за бортом над рифом. Герман, Бенгт и Турстейн забрались на ящички, у передней стены хижины. Герман ухватился за оттяжки, укреплявшие стены, а остальные двое ухватились за тросы мачты, которыми в лучшие времена поднимался парус. Кнут и я выбрали себе место около носового штага, считая, что если даже мачта, хижина и все остальное будет сметено за борт, то носовой штаг все же останется на плоту, потому что волны набегали с носа.

Как только мы почувствовали, что попали в прибой, мы обрубили якорный канат. Огромная волна вставала как раз под плотом и подняла высоко в воздух "Кон-Тики". Наступил великий момент: мы неслись на гребне волны с бешеной скоростью, наше еще живое суденышко скрипело, стонало и дрожало под ногами. Кровь у нас буквально кипела от возбуждения. Помню, что совершенно неожиданно для самого себя я замахал рукой и закричал изо всех сил: "Ура!" Это вызвало некоторую разрядку в настроении и не нанесло никакого вреда. Остальные, должно быть, подумали, что я сошел с ума, но все лица просияли и выразили улыбкой свое одобрение. Мы по-прежнему неслись вперед, волны бросались на нас сзади. "Кон-Тики" переживал свое боевое крещение. Мы не сомневались, что все сойдет хорошо.

Но приподнятое настроение скоро исчезло. Позади нас, как зеленая стеклянная стена, поднялась огромная волна, мы скользнули вниз. Она налетела на нас, и в следующее мгновение я увидел ее высоко над головой, почувствовал сильнейший толчок и исчез под массой воды. У меня было такое ощущение, как будто все мое тело отрывалось от плота и с такой силой, что мне пришлось напрячь все мускулы и думать только об одном: "Держись! Держись!". В таком отчаянном положении руки могут быть оторваны от плота раньше, чем мозг на это согласится, зная, чем это грозит. Затем я почувствовал, что водяная гора удаляется, освобождая мое тело из своих дьявольских тисков. Когда она с оглушительным грохотом и ревом пронеслась мимо, я снова увидел Кнута, висевшего около меня свернувшись в клубок. Сзади гигантская волна уже казалась почти плоской

и серой, и когда она пронеслась наконец над хижинкой, я увидел, как остальные трое тоже вынырнули из воды.

Мы все еще были на плаву.

Вмиг я восстановил свое положение и обвился руками и ногами вокруг штага. Кнут прыгнул, как тигр, к тем, кто был на ящике, потому что хижина, невидимому, была более надежной опорой. Я слышал их успокаивающие крики и видел, как поднимается новый зеленый вал, который, вздымаясь, направлялся к нам. Я предостерегающе крикнул и постарался сделаться как можно меньше и крепче. В следующий момент вновь разверзся ад, и "Кон-Тики" совершенно исчез под массами воды. Море изо всех сил стаскивало и сдергивало бедный маленький комочек человека. Второй гигантский вал пронесся над нами. И третий такой же.

Затем я услышал торжествующий крик Кнута, державшегося за выбленки:

- Посмотрите на плот - он держится!

После трех валов только двойная мачта накренилась да хижина немного осела.

Мы еще раз почувствовали, что одерживаем победу над стихией, и это придало нам новые силы.

Затем я увидел, как вздымается новая волна. Она была выше первых трех. Я снова предупредил криком товарищей, а сам поторопился взобраться как можно выше на штаг и уцепился за него. Затем я исчез в недрах зеленой стены, поднявшейся высоко над нами. Находившиеся позади меня товарищи успели заметить, что волна, в которой я исчез, достигала высоты 8 метров, а ее пенистый гребень был на 5 метров выше того вала, который меня накрыл. Затем огромная волна докатилась и до них, и у всех у нас была одна мысль: "Держись, держись, держись!"

Мы, по всей вероятности, уже налетели на риф. Я ощутил только удар, какое-то давление снизу на штаг, который начал провисать и подпрыгивать от толчков. Вися на нем, я не мог определить, сверху или снизу шли толчки. Все произошло на протяжении нескольких секунд, но они потребовали больше сил, чем имеется обычно у человека. Человеческий организм обладает не только мускульной, но еще и другой силой, значащей гораздо больше. Я решил, что если мне суждено умереть, то я умру в том положении, в каком находился, - как узел, висающий на штаге. Волны налетали, обрушивались и мчались дальше, оставляя после себя ужасающую картину. "Кон-Тики" преобразился, как по мановению волшебной палочки. Того плота, который мы так хорошо знали многие недели и месяцы, уже не существовало. В течение нескольких секунд наш

чудесный мир превратился в обломки крушения.

Я видел на борту, кроме самого себя, лишь одного человека. Он лежал, прижатый к крыше хижины, с вытянутыми руками и лицом вниз. И правая и задняя стенки хижины были смяты, как карточный домик, а неподвижной фигурой был Герман. Когда потоки воды помчались дальше на риф, я огляделся, но не увидел никаких других признаков жизни. Мачта из твердого мангрового дерева была сломана, как спичка, и верхушка ее при падении разбила крышу хижины. Мачта со всеми снастями висела теперь с правого борта над рифом. Чурбан, на котором лежало кормовое весло, был расколот пополам. Поперечная балка переломлена, кормовое весло разбито вдребезги. Толстые сосновые доски в носовой части были раздавлены, как коробки из-под папирос, палуба разлетелась в клочья и, как мокрая бумага, вцепилась в переднюю стену хижины вместе с ящиками, банками, парусом и другими предметами. Отовсюду торчали щепки бамбука и концы канатов. Кругом царил полный хаос.

Я похолодел от ужаса. Что проку в том, что я держался крепко? Все потеряно, если хотя бы один из членов экипажа плота погиб. А после недавней борьбы с волнами я видел лишь одного человека. В этот момент за бортом плота появилась сгорбленная фигура Турстейна. Он, как обезьяна, висел на снастях упавшей мачты, но ему удалось все-таки взобраться на борт и подползти к развалившейся хижине. Герман тоже повернул голову и постарался состроить бодрую гримасу, но сам не двинулся с места. Я крикнул, в надежде, что и остальные отзовутся, и услышал спокойный голос Бенгта, сообщавший, что весь экипаж находится на борту. Они лежали, крепко держась за тросы за баррикадой из плетеного бамбука, покрывавшего палубу.

Все произошло в несколько секунд. "Кон-Тики" отнесло обратной волной от кипящего котла, а в это время подошла новая волна. В последний раз я крикнул изо всех сил, стараясь перекричать окружающий грохот, и исчез в нахлынувших массах воды. Я висел, скорчившись, на штаге. Прошло бесконечных две-три секунды. Вал откатился. С меня было довольно. Я видел, что концы бревен бьются об острый выступ кораллового рифа, но не могут перевалить через него. Затем нас снова стало уносить от рифа. Я видел двух людей, которые, растянувшись, лежали на крыше хижины. Но никто из нас больше не улыбался. Из груды бамбука донесся спокойный голос:

- Так дело не пойдет.

И мной овладело уныние. Так как мачта все больше и больше кренилась через правый борт, я оказался наконец висящим за бортом. Шла

следующая волна. Когда она прошла, я почувствовал смертельную усталость и думал лишь о том, чтобы попасть на бревна и прилечь за баррикадой. Когда вода отхлынула, я впервые заметил около нас обнажившийся зловеющий красный риф и увидел Турстейна, стоявшего, согнувшись пополам, на блестящих красных кораллах и державшегося за снасти, свисающие с мачты. Кнут стоял на корме, приготовившись к прыжку. Я крикнул, что мы все должны оставаться на бревнах, и Турстейн, как кошка, прыгнул обратно - его смыло за борт волной.

Еще две или три волны меньшей силы обрушились на нас. А что случилось потом, я не помню. Знаю только, что пенящиеся волны набегали и убегали, а я опускался все ниже и ниже, к красному рифу, над которым нас подняла волна. Затем до меня стали долетать только вспененные гребни из соленых брызг, и я смог вскарабкаться на плот. Все мы начали перебираться на бревна кормы, которые лежали выше остальных на рифе.

Мы не успели моргнуть глазом, как Кнут присел и прыгнул на риф. В руках у него был трос, лежавший на корме. Пользуясь спадом волны, он пробежал метров двадцать по рифу и, когда следующая волна хлынула, пенясь, на него, спала и широким потоком ринулась с рифа, - он стоял цел и невредим.

Только теперь Эрик в ботинках выполз из хижины. Куда легче мы бы отделались, если бы последовали его примеру. Хижина не была снесена за борт, а лишь превратилась под парусиной в лепешку, и Эрик спокойно вытянулся среди вещей и слушал грохот волн, хотя обвалившиеся бамбуковые стены прогнулись внутрь. Бенгт получил небольшое сотрясение мозга, когда на него свалилась мачта, но ему тоже удалось заползти в хижину и улечься рядом с Эриком. Мы, конечно, все бы залегли в ней, если заранее знали, как спокойно будут выдерживать натиск воды бесчисленные найтовы и плетеные бамбуковые стены.

Эрик стоял наготове на корме, и когда волна отхлынула, он тоже прыгнул на риф. Следующей была очередь Германа, а за ним - Бенгта. С каждой волной плот продвигался все дальше по рифу, и когда очередь дошла до Турстейна и меня, то плот находился уже так далеко на рифе, что не было надобности его покидать. Весь экипаж принялся за спасение груза.

Дьявольский выступ на рифе находился теперь на расстоянии 20 метров сзади нас, и об него разбивались катившиеся один за другим длинными рядами буруны. Коралловые полипы позаботились построить такой высокий риф, что только самая верхушка буруна могла посылать через наши головы свежий поток морской воды в богатую рыбой лагуну. Здесь был свой мир - мир кораллов, и они развлекались, изобретая самые

причудливые формы и раскраски.

Далеко в глубине рифа мы нашли выброшенную волнами резиновую лодку, полную воды. Воду мы вычерпали, а лодку притащили к обломкам плота. Здесь мы нагроулили ее самыми необходимыми вещами; радиоаппаратурой, продовольствием и бутылками с водой, и оттащили все это по рифу к одиноко возвышавшейся и похожей на метеорит коралловой глыбе. Затем мы вернулись к месту крушения за новым грузом. Мы не знали, как сложатся обстоятельства и до какого места будут доставать волны, когда начнется прилив.

В мелководье на рифе мы заметили что-то, блестевшее на солнце. Мы подошли поближе и, к своему удивлению, увидели, что это были две пустые консервные банки. Конечно, это совсем не то, что мы ожидали найти. Еще больше мы удивились, когда рассмотрели, что маленькие банки совсем недавно были откупорены и блестели как новенькие. На них была надпись "Ананасы", точно такая же, как на банках, входивших в новый фронтальной паек, которым нас снабдили для его проверки перед началом путешествия. Таким образом, это были наши банки, которые мы выбросили за борт после нашего последнего обеда на "Кон-Тики".

Мы по их пятам шли на риф.

Кораллы под ногами были острыми и очень неровными, и когда мы шли по шероховатому дну, вода доходила то до щиколоток, то до самой груди, в зависимости от многочисленных каналов и ручьев, прорезавших риф. Анемона, морские розы и кораллы делали риф похожим на подводный сад на скале, в котором росли кактусы и мох и стояли окаменелые растения красного, желтого, зеленого и белого цвета. Кораллы и водоросли, раковины и кишевшие повсюду фантастические рыбки играли всеми цветами радуги. В более глубоких каналах в кристально прозрачной воде к нам подбирались небольшие, 4-футовые акулы. Но стоило хлопнуть по воде ладонью, как они делали разворот и держались на почтительном расстоянии.

В том месте, где мы потерпели аварию, были лишь мокрые коралловые глыбы и небольшие озерца, а дальше лежала спокойная голубая лагуна. Начался отлив, и из воды кругом нас показывались все новые и новые коралловые образования, а прибой, беспрестанно грохотающий вдоль рифа, стал ниже на целый этаж. Кто знает, что будет, когда начнется прилив... Лучше убраться подальше, в безопасное место.

Риф, похожий на полузатопленную стену крепости, к северу поднимался и к югу спускался. Далеко на юге широко раскинулся остров, густо покрытый пальмовым лесом, а прямо перед нами к северу, всего

лишь в 600-700 метрах, находился другой, совсем маленький островок. Он лежал за рифом, его пальмы поднимали свои кроны к небу, и снежно-белые песчаные берега сбегали к спокойной лагуне. Весь остров напоминал большую зеленую корзину с цветами и казался нам воплощением рая.

Его-то мы и выбрали.

Герман стоял рядом со мной, и все его бородатое лицо сияло. Он не произнес ни слова, протянул руку и тихо засмеялся. "Кон-Тики" по-прежнему лежал далеко на рифе, и над ним летели брызги. Это были обломки плота, но почетные обломки. Все на палубе было разбито, а девять бальзовых бревен из леса в Киведо, в Эквадоре, были по-прежнему целы. Они спасли нам жизнь. Море унесло часть нашего груза, но все, что было укрыто в хижине, уцелело. Мы уже собрали с плота все, что имело ценность, и перенесли в безопасное место - на верхушку огромной, опаленной солнцем глыбы за рифом.

С того момента, как я прыгнул на риф, мне, собственно, не хватало рыбок-лоцманов, извивающихся перед носовой частью плота. Огромные бальзовые бревна лежали на рифе, воды было всего несколько сантиметров, и под носовой частью копошились коричневые морские слизняки. Рыбок-лоцманов не было. Золотых макрелей не было. Между бревнами назойливо шмыгали неизвестные нам плоские рыбы с окраской, как у павлинов, и с развевающимися плавниками. Мы попали в новый мир. Юханнес покинул свою щель, Несомненно, он нашел здесь более удобное убежище.

Я бросил последний взгляд на палубу полуразвалившегося плота и увидел на дне смятой корзинки маленькую пальмочку. Она выросла из глазка кокосового ореха, пустила два сильных корня и имела около метра в высоту. С растением в руках я направился по воде к острову. Впереди я увидел Кнута, который шлепал по воде туда же, неся подмышкой модель плота, сделанную им с большим искусством во время путешествия. Вскоре мы нагнали Бенгта. У нашего прекрасного завхоза была шишка на лбу, с бороды капала морская вода. Он шел, согнувшись в три погибели, и подталкивал ящик, который подскакивал каждый раз, когда прибой посылал на риф волну. Бенгт гордо поднял его крышку. Это был камбузный ящик; в нем находились примус и вся кухонная утварь, причем в хорошем состоянии.

Я никогда не забуду нашего шествия вброд по рифу к райскому пальмовому острову, который становился все больше, по мере того как мы к нему приближались. Я достиг наконец залитого солнцем берега, снял ботинки и зарылся ногами в сухой, теплый песок. Затем я побрел к зарослям пальм, наслаждаясь каждым впечатлением ноги в нетронутым песке.

Скоро верхушки пальм сомкнулись над моей головой; я продолжал идти к середине маленького острова. Надо мной под листьями пальм висели зеленые кокосовые орехи. Какие-то пышные кусты были усыпаны белыми цветами, пахнувшими так сильно и нежно, что у меня закружилась голова. В самом центре острова надо мной появились две морские крачки. Белые и легкие, они напоминали два облачка. Маленькие ящерицы выскакивали из-под ног, а самыми важными обитателями острова были кроваво-красные раки-отшельники; они шныряли во всех направлениях, волоча за собой украденные у улиток раковины величиной с яйцо, которыми прикрывали свое нежное тело.

Я был взволнован до глубины души. Опустившись на колени, я засунул пальцы глубоко в теплый песок.

Путешествие закончилось. Все были живы. Нас выбросило на маленький необитаемый остров Южных морей. И на какой остров! Подошел Турстейн, сбросил мешок, растянулся на спине и стал смотреть на кроны пальм и на белых птиц, легких как пух. У Германа же, как всегда, оказался избыток энергии. Он недолго думая взобрался на небольшую пальму и сбросил вниз гроздь зеленых кокосовых орехов. Мы срезали ножами их мягкие верхушки, как скорлупу у яиц, и пили холодное кокосовое молоко - самый восхитительный, освежающий напиток. Стражи ворот рая выбивали на рифе монотонную барабанную дробь.

- Чистилище было немного сырым, - сказал Бенгт. - Но рай я примерно так себе и представлял.

Мы лениво растянулись на земле и улыбались белым пассатным облакам, плывшим над кронами пальм на запад. Теперь мы уже не следовали беспомощно за ними, а лежали на надежном неподвижном острове и были действительно в Полинезии.

Мы лежали и потягивались, а буруны продолжали грохотать, как поезд, туда и обратно, туда и обратно.

Бенгт был прав: мы были в раю!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ СРЕДИ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

Новые робинзоны. Борьба за связь с землей. "Все хорошо, все хорошо!" Обломки корабля. Необитаемые острова. Бой с муренами. Встреча с полинезийцами. Послы к вождю островитян. Вождь посещает нас. Осмотр "Кон-Тику". Прилив. Путешествие плота через сушу в лагуну. Плыдем к полинезийцам на остров. Прием в деревне. Предки из страны восходящего солнца. Лекари в эфире. Мы получаем местные имена. Еще одно кораблекрушение. "Тамара" спасает "Маоаэ". На остров Таити. Встреча на пристани. Шесть венков.

Остров был необитаем. Мы быстро освоили все его пальмовые рощицы и все побережье. В поперечнике остров имел не более 200 метров. Мы ознакомились с каждой пальмой и каждой коралловой глыбой. Самая высокая точка острова поднималась над лагуной всего на 2 метра. На пальмах висели гроздья больших орехов, в которых хранилось, как в графинах, холодное кокосовое молоко. Нам не придется умирать от жажды хотя бы в первые недели пребывания на острове: там были спелые кокосовые орехи, уйма раков-отшельников и множество всякой рыбы в лагуне. Да, нам, видимо, не придется голодать.

На северной стороне острова мы нашли остатки старого, неокрашенного деревянного креста, полузасыпанного песком. Отсюда в северном направлении виден был на рифе развалившийся остов разбитого корабля, который мы заметили еще с плота, до того как нас выбросило на риф. Еще дальше к северу мы рассмотрели в голубоватой дымке другой маленький остров. Ближе к нам лежал небольшой лесистый островок на юге. Нигде ни одного признака жизни. Однако нам нужно было думать не об этом.

Прихрамывая, подошел Эрик, похожий на Робинзона в своей огромной соломенной шляпе, и принес солидную охапку шевелящихся раков-отшельников. Кнут набрал сухого хвороста, развел огонь и угостил нас вареными раками, а на десерт подал какао на кокосовом молоке.

- Чувствуете себя неплохо на берегу, ребята? - осведомился

восхищенно Кнут.

Он ведь был единственным из нас, кому уже пришлось побывать на суше. В тот же миг он споткнулся и опрокинул полкотла с горячей водой на голые ноги Бенгта. После ста одного дня путешествия на плоту в первый день пребывания на суше мы чувствовали себя непрочно на ногах. Нас внезапно начинало бросать среди пальм, и это происходило потому, что мы расставляли ноги, стараясь не поддаваться качке, которой не было.

Бенгт роздал каждому из нас столовые приборы, и Эрик захохотал во все горло. Помню, что после прощального обеда я перегнулся, как всегда, через край плота и вымыл свою посуду, а Эрик посмотрел на риф и спокойно положил свой прибор в кухонный ящик.

- Думаю, что мне нечего утруждать себя мытьем посуды, - сказал он.

Когда же он получил сейчас свой прибор, то он оказался таким же чистым, как и мой.

После обеда и солидного мертвого часа на берегу мы принялись собирать промокшую радиоаппаратуру.

Необходимо было сделать это как можно скорее, чтобы Турстейн и Кнут могли связаться с радиолюбителем из Раротонги, прежде чем он сообщит о нашем печальном конце.

Большую часть радиоаппаратуры нам удалось спасти. Среди вещей, валявшихся на рифе, Бенгт нашел ящик, за который он сразу ухватился и немедленно подпрыгнул высоко в воздух от удара током. Не было никаких сомнений, что содержимое ящика принадлежало нашему радиоуголку. Пока радисты завинчивали, соединяли и собирали, мы приступили к разбивке лагеря.

На месте крушения мы нашли свой тяжелый, намокший парус, притащили его на остров и прикрепили два его конца к двум большим пальмам на опушке, выходившей на лагуну. Подпорками для двух других концов паруса послужили взятые с плота шесты. Густой, дикий цветущий кустарник оказался под парусом, так что у нас было три стены, крыша и вид на лагуну, а наши носы услаждал опьяняющий аромат. Здесь было хорошо. Все мы улыбались и наслаждались покоем. Каждый из нас приготовил себе постель из свежих листьев, предварительно убрав все торчавшие из песка куски кораллов. Еще до наступления ночи мы очень приятно отдохнули, а с потолка на нас смотрело бодрое лицо старого, доброго Кон-Тики. Он уже больше не выпячивал свою грудь под напором восточного ветра. Он спокойно лежал на спине и смотрел на звезды, мерцавшие над Полинезией.

Вокруг нас на кустах были развешаны флаги и спальные мешки, на

песке были разбросаны для просушки разные наши вещи. Еще один день на этом солнечном острове - и все высохнет. Даже наши радисты должны были отложить свою работу до следующего дня, когда солнце высушит внутренность их аппаратов. Мы сняли с деревьев спальные мешки и устроили соревнование, у кого самый сухой мешок. Бенгт выиграл: его мешок не хлюпал, когда он поворачивался с боку на бок. Но, боже мой, как хорошо, что можно спать!

Проснувшись на следующее утро с восходом солнца, мы увидели на крыше палатки большие лужи кристально чистой дождевой воды, Бенгт завладел этим добром и ушел к лагуне, где он вытащил на завтрак несколько причудливых рыбок, которых заманил в вырытые в песке канавы.

Ночью у Германа снова разболелись спина и шея, которые он повредил при столкновении с волной в Лиме. А у Эрика опять начался ишиас. В остальном мы отделались сравнительно легко, прыгая через риф. У всех у нас было всего лишь несколько царапин и маленьких ранок, за исключением Бенгта, на которого упала мачта: у него были шишка на лбу и легкое сотрясение мозга. И я от слишком крепких объятий с мачтовым штагом выглядел весьма оригинально - все мои руки и ноги были в синяках.

Но ни один из нас не чувствовал себя настолько плохо, чтобы отказаться поплавать до завтрака в кристально чистой воде лагуны. Лагуна была громадной. Вдали она казалась голубой и волновалась под налетами пассата. И она была такой широкой, что мы видели только верхушки пальм целого ряда туманных, голубоватых островов, которые оттеняли дугу атолла на другой стороне. Там, где мы находились под защитой островов, пассат мирно шелестел в верхушках пальм, шевелил и раскачивал их, а внизу неподвижным зеркалом лежала лагуна, отражая их во всей красоте. Горько-соленая вода была такой чистой и прозрачной, что ярко окрашенные кораллы, находившиеся на глубине 3 метров, казалось, были совсем близко от поверхности, и мы боялись порезать о них пальцы ног. Мир кругом фантастичен. Вода не была холодной, а только освежающей. Воздух теплый и солнечно-сухой. Но сегодня нам нужно как можно скорее выходить из воды. Если к концу дня не будет радиосообщения с плота, Раротонга даст в эфир тревожную весть о пропаже "Кон-Тики".

На сухих коралловых плитах сушились катушки и разные детали радиоаппаратуры. Турстейн и Кнут заворачивали и собирали. День подходил к концу. Атмосфера становилась все более напряженной. Мы бросили все другие дела и собрались вокруг радистов, в надежде, что

удастся предложить им свою помощь. Нужно было попасть в эфир до 10 часов вечера, иначе обусловленные 36 часов истекнут и радиоловитель на Раротонге вызовет самолеты и спасательную экспедицию.

Наступил полдень, ранний вечер, и солнце зашло. Только бы любитель на Раротонге оказался терпеливым человеком. Семь часов... восемь... девять... Напряжение достигло высшей точки. Полное молчание в передатчике, но приемник "NC-173" ожил где-то вправо, в нижней части шкалы, где была слышна слабая музыка, но не на волне радиоловителя. Однако звук скользил вверх по шкале. Может быть, какая-то мокрая катушка еще не высохла с другого конца? Передатчик был мертв - одни короткие замыкания и искры.

До конца назначенного срока оставалось менее часа. Ничего не выйдет. Мы оставили обыкновенный передатчик в покое и взялись за портативный передатчик военного образца. Пробовали его несколько раз днем, но безрезультатно. Может быть, он все-таки в конце концов просох? Все батареи были испорчены, для получения энергии пришлось пустить в ход маленький ручной генератор. Он поддавался туго, и нам, четверем профанам в области радиотехники, пришлось по очереди крутить эту адскую штуку.

36 часов истекают. Я помню, как кто-то шепотом отсчитывал: "Осталось семь минут... шесть минут... пять минут..." А затем никому уже больше не хотелось смотреть на часы. Передатчик был нем по-прежнему, но вдруг в приемнике что-то зашипело. Внезапно пробила частота любителя на Раротонге, и мы пришли к заключению, что он наладил полную связь с радиостанцией на Таити. Сразу после этого мы перехватили следующий отрывок из сообщения с Раротонги:

"...Никакого самолета с этой стороны Самоа. Я совершенно уверен..."

И опять звук исчез. Напряжение было невыносимым. Что там происходило? Высланы ли самолеты и спасательные экспедиции? Сейчас не было сомнения, что в эфире во всех направлениях несутся касающиеся нас сообщения.

Наши радисты работали лихорадочно. Пот лился с них так же обильно, как и с нас, крутивших генератор. Вдруг передатчик заработал, и Турстейн, сияющий от радости, указал на стрелку, которая медленно двигалась по шкале, когда он опускал ключ Морзе. Ну наконец-то!

Мы крутили как сумасшедшие, а Турстейн вызывал Раротонгу. Никто нас не слышал! Еще раз! Приемник ожил, но это не помогало, потому что Раротонга нас не слышала; мы вызывали Гала и Франка в Лос-Анжелосе и военно-морскую школу в Кальеа, но никто не отзывался.

Тогда Турстейн послал сигнал "CQ", то есть он обратился ко всем станциям мира, которые могли слышать нас, на нашей специальной волне любителей.

Это помогло. Где-то в эфире нас начал медленно вызывать какой-то слабый голос. Мы позвали его снова и сказали, что мы слышим его. После чего тихий голос в эфире сказал:

- Меня зовут Пауль. Я живу в Канаде. Как зовут тебя и где ты живешь?

Это был радиолюбитель. Мы продолжали усиленно крутить, а Турстейн схватил ключ, чтобы ответить:

"Это "Кон-Тики". Нас выбросило на необитаемый остров в Тихом океане".

Но Пауль ничему не поверил. Он подумал, что радиолюбитель с соседней улицы вздумал подшутить над ним, и больше в эфире не появлялся. Мы в отчаянии рвали на себе волосы. Сидим тут под пальмами в звездную ночь, на необитаемом острове, и никто даже не хочет нам верить.

Турстейн не сдавался; он взялся за ключ и непрерывно посылал в эфир: "Все хорошо, все хорошо, все хорошо". Нам нужно было любой ценой помешать спасательным экспедициям выйти в Тихий океан.

Затем в приемнике послышался слабый голос:

- Если все хорошо, нельзя ли быть поспокойнее?

И опять все умерло в эфире.

В припадке отчаяния мы готовы были скакать и сбить все кокосовые орехи, и бог знает что мы могли еще сделать, если бы внезапно и Раротонга и наш старый друг Гал нас не услышали. Гал сказал, что он заплакал от радости, услышав опять знакомые "LI2B". Вся кутерьма была тотчас приостановлена, и мы могли быть уверены, что нас не тронут на нашем острове Южных морей. В полном изнеможении мы добрались до наших постелей из пальмовых листьев.

На следующий день мы были спокойны и наслаждались жизнью всей душой. Одни купались, другие ловили рыбу или ходили в разведку к рифу в поисках необыкновенных морских тварей, но самые энергичные занялись уборкой лагеря и украшением нашей жизни. На мысе против обломков "Кон-Тики" мы выкопали рядом с другими деревьями яму, наполнили листьями и посадили проросший кокосовый орех из Перу. Около него против места, где "Кон-Тики" был выброшен на риф, мы соорудили пирамиду из кораллов.

За ночь "Кон-Тики" вынесло еще выше на риф, и теперь он, почти сухой, лежал в луже между крупными коралловыми глыбами.

Хорошенько пропекшись на теплом песке, Герман и Эрик снова были в надлежащей форме, и им не терпелось совершить экскурсию в южном направлении вдоль рифа, в надежде перебраться на большой остров. Я предупредил их, что мурены бывают иногда опаснее акул, и каждый из них заткнул за пояс нож мачете. Коралловые рифы часто служат убежищем страшным муренам с длинными ядовитыми зубами, которыми они легко могут откусить ногу человеку. Мурены нападают с быстротой молнии, и неудивительно, что местные жители боятся их больше, чем акул, рядом с которыми они плавают совершенно спокойно. Большую часть пути Эрик и Герман могли идти вброд, но то тут, то там попадались глубокие каналы, и тогда им приходилось прыгать в воду и переплывать их. Они благополучно добрались до большого острова и вышли на берег. Длинный и узкий остров был покрыт густым пальмовым лесом и простирался далеко на юг под прикрытием рифа. Эрик и Герман продолжали путешествие по острову до его южной оконечности. Здесь покрытый белой пеной риф тянулся к другим отдаленным островам. Они нашли остов большого погибшего корабля с четырьмя мачтами, который лежал на берегу, переломившись пополам. Это было старое испанское парусное судно, груженное железнодорожными рельсами, которые ржавели теперь на рифе. Эрик и Герман возвращались по другой стороне острова, но никаких следов на песке они и там не видели. На обратном пути по рифу они все время вспугивали причудливых рыб и делали попытку их поймать, как вдруг на них напало не меньше восьми огромных мурен. Но наши ребята вовремя заметили в прозрачной воде, что мурены к ним приближаются, и успели вскочить на большую коралловую глыбу. Мурены тотчас ее окружили. Эти скользкие бестии были толщиной с человеческую ногу; их шкура, как у ядовитых змей, вся в зеленых и черных пятнах; у них были злобные змеиные глаза и острые, как шило, зубы. Оба, и Эрик и Герман, рубили ножами маленькие качающиеся, тянущиеся к ним головки. Одна мурена лишилась головы, а другую они ранили. Кровь привлекла нескольких молодых голубых акул, которые тотчас же набросились на убитую и раненую мурен, а Эрику и Герману удалось перескочить на другую коралловую глыбу и ускользнуть с места побоища.

В тот же день я бродил по воде у берега нашего острова и вдруг почувствовал, как что-то обвило мою щиколотку и крепко вцепилось в нее. Это был осьминог. Он был невелик, но ощущение обвившихся вокруг ноги холодных щупальцев и обмен взглядом со злобными маленькими глазками, сидевшими в синевато-красном мешке с клювом, были омерзительны. Я тряхнул ногой изо всех сил, но метровый осьминог взлетел вместе с ней и

не отпускал ее. По всей вероятности, его соблазнил бинт, которым была повязана моя щиколотка. С этой чертовщиной на ноге я прыжками выбрался на берег. Страшилище отпустило меня лишь тогда, когда я ступил на сухой песок, и медленно поползло по мелководью к лагуне, вытянув щупальца и выпучив глаза, готовое к новому нападению. Осьминог исчез лишь после того, как я швырнул в него несколько кусков коралла.

Многочисленные приключения на рифе вносили приятное разнообразие в нашу райскую жизнь на острове. Но здесь мы не могли оставаться, и пора было подумать о том, как нам отсюда выбраться. Через неделю после крушения "Кон-Тики" уже почти перевалил через риф и довольно крепко держался на сухом грунте. На пути к лагуне огромные бревна снесли и отломали большие куски кораллов, но теперь деревянный плот лежал неподвижно, и все наши усилия сдвинуть и стащить его ни к чему не привели. Если бы нам только удалось перетащить остатки плота в лагуну, то мы смогли бы без особого труда установить мачту, оснастить ее парусом, переплыть с попутным ветром через чудесную лагуну и посмотреть, что находится на другой стороне. Если какие-нибудь из островов обитаемы, то они должны находиться на востоке за горизонтом, там, где атолл поворачивает свой фасад к рифу с подветренной стороны.

Шли дни...

Однажды утром один из наших парней влетел в палатку и заявил, что видел в лагуне белый парус. С верхушки пальмы нам действительно удалось разглядеть маленькое, совершенно белое пятнышко на фоне голубой лагуны. Несомненно, это был парус, находившийся близко от берега на другой стороне лагуны. Мы видели, как он переложил галс. Вскоре появился еще один парус.

Паруса понемногу росли и приближались. Они направлялись прямо к нам. Мы подняли на пальму французский флаг и размахивали длинным шестом с норвежским флагом. Первый парус был уже близко, и мы могли различить, что он принадлежал полинезийской лодке с балансиром. Парус, однако, был современный.

Две коричневые фигуры стояли на борту, рассматривая нас. Мы помахали. Они ответили и поплыли прямо на отмель.

- Иа ора на! - приветствовали мы их по-полинезийски.

- Иа ора на! - хором ответили они, и один из них спрыгнул в воду и пошел к нам по песчаной отмели, таща за собой каноэ.

У обоих была одежда белых, но тела были коричневые. Они были босы, крупного сложения. Самодельные соломенные шляпы защищали их головы от солнца. Они приближались несколько неуверенно, но когда мы

улыбнулись и закивали им головой, они обнажили в улыбке белоснежные зубы, и это сказало нам больше всяких слов.

Наше приветствие по-полинезийски удивило и ободрило их, точно так же, как в свое время нас самих поразило, когда их единоплеменник с острова Ангатау закричал нам "спокойной ночи" по-английски. Они начали какую-то длинную историю по-полинезийски и говорили, пока не сообразили, что изливаются впустую. Больше им нечего было сказать, они любезно захихикали и указали на подходившее к берегу второе каноэ.

На нем было трое мужчин, и когда они вышли на берег и приветствовали нас, оказалось, что один из них немного говорит по-французски. Мы узнали, что на одном из островов по ту сторону лагуны расположена деревня и они видели свет от нашего костра несколько дней назад. Но в рифе Рароиа был только один проход к островам вокруг лагуны, он находился неподалеку от деревни, и никто не мог приблизиться к островам за рифом без ведома жителей деревни. И вот старики решили, что свет, который они видели на рифе в восточном направлении, не костер, разведенный людьми, а огонь сверхъестественного происхождения. И тогда у всех пропало всякое желание узнать причину света. Но затем по лагуне к деревне приплыла крышка от ящика, на которой были какие-то буквы. Двое островитян, которые бывали на Таити, знали алфавит, и они расшифровали надпись и прочли, что на крышке ящика большими черными буквами было написано "Тики". После этого уже не оставалось никаких сомнений в том, что на рифе находятся призраки, потому что Тики был их давным-давно умершим предком, праотцем их племени. Но затем к берегу прибило сигареты, какао, герметически упакованный хлеб и ящик со старыми башмаками, и тогда все поняли, что на восточной стороне рифа произошло кораблекрушение. Вождь выслал два каноэ за теми, кто спасся, жил и разводил костер на острове.

Переводчик по просьбе своих единоплеменников спросил нас, почему на крышке ящика было написано "Тики". Мы объяснили, что надпись "Кон-Тики" была на всем нашем снаряжении, так как это было названием нашего судна.

Наши новые друзья громко выражали свое удивление, узнав, что все люди на потерпевшем крушение судне спаслись и находившиеся на рифе обломки и были судном, на котором мы пришли. Они хотели тотчас взять всех нас в каноэ и увезти с собой в деревню. Мы поблагодарили их, но отказались. Мы хотели дожидаться, пока "Кон-Тики" сорвется с рифа. Они испуганно посмотрели на остов на рифе. Нельзя было и мечтать, чтобы снова спустить на воду эти обломки. Переводчик настаивал, что все же

будет лучше, если мы отправимся с ними; вождь дал определенный приказ - без нас не возвращаться.

Тогда мы решили, что один из нас отправится нашим посланцем к вождю и, возвратясь обратно, расскажет, как обстоят дела на другом острове лагуны. Плотно мы ни за что не оставим на рифе; не могли мы бросить на произвол судьбы и наше снаряжение. С островитянами отправился Бенгт. Островитяне спихнули свои два каноэ с отмели и скоро исчезли, гонимые попутным ветром, в западном направлении.

На следующий день горизонт буквально кишел белыми парусами. По-видимому, островитяне шли за нами со всем своим флотом.

Все каноэ направлялись к нам, и когда они подошли ближе, мы увидели в первой лодке нашего Бенгта. Он размахивал шляпой и был окружен коричневыми фигурами. Он крикнул нам, что с ним в каноэ идет сам вождь, и мы поспешили выстроиться в почетный караул, пока островитяне брели по воде к берегу.

Бенгт представил нас вождю с большими церемониями. Его звали Тепиураиарии Териифаатау. Бенгт добавил, что вождь поймет, что мы имеем в виду его, если мы будем называть его Тека. Мы стали звать его Тека.

Вождь Тека был высокий, стройный полинезиец, с очень умными глазами. Он был важным лицом - наследником старого царского рода Таити. Он являлся вождем как на островах Рароиа, так и Такуме. Учился в школе на острове Таити, говорил по-французски и мог читать и писать. Он сказал мне, что главный город в Норвегии называется Христиания, и спросил, знаю ли я Бинга Кросби. Далее он рассказал, что за последние десять лет только три иностранных корабля посетили Рароиа, но несколько раз в год в деревню приходит шхуна из Таити, которая забирает ядра кокосовых орехов, оставляя в обмен различные товары. Они уже давно ждут шхуну, и она может прийти в любой момент.

Бенгт кратко сообщил нам, что на Рароиа нет ни школы, ни радио, ни белых людей. Все сто двадцать семь обитателей деревни сделали все возможное, чтобы мы чувствовали себя у них хорошо, и подготовили нам большой праздничный прием.

Вождь прежде всего изъявил желание посмотреть на судно, на котором нас выбросило живыми на риф. Мы пошли вброд к "Кон-Тики" в сопровождении целого хвоста островитян. Когда мы приблизились, они внезапно остановились и начали хором что-то кричать. Бревна "Кон-Тики" были видны теперь совершенно ясно. Один из наших коричневых друзей закричал:

- Это не лодка, это паэ-паэ!

- Паэ-паэ! - повторяли все хором. Они галопом пробежали по рифу и взобрались на "Кон-Тики". Словно дети, они в восторге ползали по плоту и трогали бамбуковые плетенки, тросы. Вождь был в таком же восторге, как и все остальные. Он вернулся к нам с задумчивым выражением лица:

- "Тики" - вовсе не судно, это всего-навсего паэ-паэ.

"Паэ-паэ" по-полинезийски означает "плот" или "помост", а на острове Пасхи также и "каное". Вождь рассказал нам, что паэ-паэ на острове уже давно исчезли, но старики в деревне могли бы рассказать старые предания о паэ-паэ. Островитяне перекрикивали друг друга в восхищении от огромных бальзовых деревьев, но от тросов они воротили носы. Такие канаты долго не выдержат морскую воду и солнце. Они с гордостью показывали нам свои крепления, сплетенные из волокон кокосового ореха, которые были как новые после пяти лет употребления.

Мы вернулись по мелководу с рифа на островок и назвали его "Фенуа Кон-Тики", что означает "Остров Кон-Тики". Это название выговаривали мы все, но нашим коричневым друзьям пришлось попотеть над норвежскими именами. Поэтому они пришли в бурный восторг, когда я сказал, что они могут называть меня Тераи Матеата, потому что это имя я получил от великого вождя Таити, усыновившего меня, когда я впервые прибыл в эти края.

Часть островитян перенесли из каное на берег привезенных с собой кур, яйца и плоды хлебного дерева. Другие в это время ловили рыбу в лагуне, третьи разводили костер. Нам пришлось рассказать все наши приключения на паэ-паэ в море, и они без конца просили повторять историю с китовой акулой и каждый раз, когда рассказ доходил до того, что Эрик метнул гарпун в голову акулы, издавали возбужденные крики. Они сразу узнали на рисунках всех рыб и говорили их названия по-полинезийски. Но китовую акулу и макрель-змею *Gempylus* они никогда не видели и ничего о них не слыхали.

Наступил вечер, и мы, к великой радости всего общества, включили радио. Больше всего вкусам островитян соответствовала церковная музыка. Но это было лишь до тех пор, пока мы, к нашему собственному удивлению, вдруг внезапно не поймали музыку танца "хула" из Америки. Самые подвижные немедленно начали размахивать поднятыми над головой руками, и скоро вся компания была на ногах и в такт музыке танцевала "хула-хула". Надвинулась ночь, мы все разместились вокруг костра. Для островитян все это было таким же великолепным приключением, как и для нас.

Утром, когда мы проснулись, островитяне были уже на ногах и жарили только что наловленную рыбу; шесть открытых кокосовых орехов только и ждали, чтобы мы утолили свою утреннюю жажду.

В тот день море у рифа шумело сильнее, чем обычно, ветер усилился, и прибой взлетал высоко в воздух у обломков плота.

- Сегодня "Тики" придет к нам, - сказал вождь, указывая на плот. - Прилив будет высокий.

Около 11 часов вода устремилась мимо нас в лагуну. Лагуна наполнялась, как гигантская чаша, вода поднималась вокруг всего острова; позднее, днем, целая река потекла со стороны моря. Вода постепенно поднималась с террасы на террасу, и риф все больше и больше исчезал под водой. Масса воды катилась по обе стороны острова, отрывая большие коралловые глыбы и закрывая обширные песчаные мели, которые бесследно исчезали, как мука, которую развеял ветер, а другие в это время возникали. Мимо нас проплыли бамбуковые обломки, и "Кон-Тики" тронулся с места.

Все, что лежало на берегу, было перенесено вглубь острова, чтобы вещи не были унесены приливом. Вскоре над водой торчали лишь самые большие камни рифа, а все песчаные берега нашего острова исчезли под водой. Она подошла уже к травяному покрову плоского, как блин, острова. Мы начали чувствовать себя неловко. Казалось, что на нас хлынул весь океан. "Кон-Тики" развернулся и поплыл, пока не наткнулся на коралловые глыбы.

Островитяне бросились в воду и то вплавь, то вброд через водовороты и мели добрались до плота. Кнут и Эрик побежали за ними. Тросы уже лежали наготове на плоту, и когда он перемахнул через последние коралловые глыбы и освободился из когтей рифа, островитяне ухватились за концы в надежде удержать плот. Но они не знали ни нашего "Кон-Тики", ни его необузданного стремления на запад. Они беспомощно потянулись за ним, держась за концы, а он уже шел на хорошей скорости через риф в лагуну.

Плот попал в спокойные воды лагуны и на мгновение задержался, словно оценивая положение и дальнейшие возможности. Но больше у него ничего не вышло. Прежде чем ему удалось отыскать выход из лагуны, островитяне захлестнули конец за пальму. И вот "Кон-Тики" накрепко пришвартован в лагуне. Судно пропутешествовало по морю и по суше, перемахнуло через баррикаду и благополучно прибыло в лагуну внутри острова Рароиа.

Подбадривая себя боевыми криками, в которых особенную бодрость

вызывал припев "Кэ-кэ те-хуру-хуру", мы притянули "Кон-Тики" к берегу острова, носившего его имя. В тот день вода поднялась на 4 фута выше обычного. Мы уже гадали, не исчезнет ли весь остров под водой. Ветер гнал волны в лагуну, а в узких мокрых каноэ могла уместиться лишь небольшая часть нашего груза.

Островитяне вынуждены были спасаться бегством в свою деревню. Бенгт и Герман, узнав, что в деревне лежит в хижине умирающий мальчик, отправились вместе с ними, чтобы полечить ребенка пенициллином.

Весь следующий день мы оставались вчетвером на острове Кон-Тики.

Восточный ветер дул настолько сильно, что островитяне не могли переправиться через лагуну. Дно ее было усеяно коралловыми глыбами. Утихший прилив снова повел яростное наступление, катясь длинными рядами волн.

На третий день стало спокойнее. Мы смогли нырнуть под "Кон-Тики" и нашли, что все девять бревен были целы, хотя риф и отщепил от каждого из них по несколько дюймов.

Крепления так глубоко врезались в бревна, что только четыре троса были перерезаны кораллами.

Мы начали наводить порядок на плоту. Наше гордое судно стало выглядеть лучше, когда мы прибрали на палубе, установили хижину, срастили и подняли мачту.

Днем на горизонте опять показались паруса: шли островитяне, чтобы забрать нас и остальной груз. Герман и Бенгт были с ними.

Они сообщили нам, что жители деревни приготовили большое пиршество. Нас просили, когда мы подойдем к их острову, не выходить на берег до тех пор, пока не получим приглашения.

Подгоняемые попутным свежим ветром, мы пустились через лагуну шириной около 7 морских миль. Было грустно расставаться со знакомыми пальмами острова Кон-Тики, кивавшими нам на прощанье своими кронами; а затем они слились все вместе и превратились в маленький, трудно различимый островок, похожий на другие такие же острова у восточной части рифа. Зато впереди вырастали другие, более крупные острова. На одном из них мы увидели насыпь и дым, поднимавшийся над хижинами, разбросанными среди пальм.

Деревня, казалось, вымерла, ни одного человека не было видно. Что они затеяли? Внизу на берегу, за насыпью из коралловых глыб, мы наконец рассмотрели две одинокие фигуры: одна была длинной и тощей, другая - короткой и круглой, как бочка. Мы сошли на землю и приветствовали их обоих. То были вождь Тека и его помощник Тупухое; дружелюбная и

широкая улыбка Тупухое сразу же завоевала наши симпатии. Тека был дипломатом и умницей, а Тупухое был дитя природы, обладавший таким юмором и такой физической силой, какие редко встречаются. У него было мощное тело и величественные черты лица - нам казалось, что таким и должен быть настоящий полинезийский вождь. Тупухое и был вождем на острове, но Тека понемногу захватывал все большую власть в свои руки: он говорил по-французски, умел читать и писать, и капитанам шхун, приходившим из Таити за копррой, не удавалось обсчитывать жителей деревни.

Тека объяснил, что нам нужно всем вместе пройти к общественному дому в деревне. Когда все вышли на берег, мы выстроились в торжественную процессию и зашагали. Впереди шел Герман с флагом, развевающимся на древке от гарпуна, а за ним шествовали оба вождя; между ними шел я.

В деревне мы увидели много такого, что говорило о ее торговле с Таити: мы видели доски и гофрированное железо, привезенное на шхунах. Одни хижины были построены в обычном полинезийском стиле - из прутьев и плетеных пальмовых листьев, другие были сколочены гвоздями из досок по типу маленьких тропических бунгало. Большое дощатое здание, стоявшее среди пальм, было новым общественным домом, в котором нам, шестерым, предстояло жить. Неся перед собой флаг, мы вошли внутрь дома через маленькую заднюю дверь и вышли из него на широкие ступени перед фасадом. Перед нами на площади стояли все жители деревни: мужчины, женщины и дети, старые и молодые - все, кто мог ходить или ползать. Все были чрезвычайно серьезны; даже наши веселые друзья, побывавшие на острове Кон-Тики, стояли вытянувшись среди других, ни одним движением не показывая, что они с нами знакомы.

Мы вышли на ступени, и тогда все собравшиеся открыли рты и запели... Марсельезу! Вождь, знавший слова, был запевалой, и пели они хорошо, несмотря даже на то, что некоторые старухи на высоких нотах спотыкались. Здорово им пришлось, наверно, прорепетировать! Перед ступенями развевались французский и норвежский флаги, и на этом закончилась официальная часть церемонии и приема вождя Теки. Он спокойно отступил в сторону, и церемониймейстером стал выскочивший вперед тучный Тупухое. Он энергично взмахнул рукой, и собравшиеся запели другую песню, На этот раз она звучала лучше, потому что они сами придумали мелодию и слова были полинезийские. Петть свои собственные хула (мелодии) они умели. Мелодия была такой чарующей в своей трогательной простоте, что у нас мурашки побежали по спине. Южные

моря покорили нас. Несколько человек выступали запевалами, и через определенные промежутки времени хор подхватывал припев. Мелодия была с вариантами, хотя текст был один и тот же:

"Здравствуйте, Тераи Матеата и твои люди, пришедшие к нам на Рароиа через море на паэ-паэ, здравствуйте! Оставайтесь у нас надолго и поделитесь с нами воспоминаниями, чтобы мы всегда были вместе, даже когда вы уедете в свою далекую страну. Здравствуйте!"

Мы попросили их спеть эту песню еще раз. Поборов первую робость, они оживлялись все больше и больше. Тупухое попросил меня рассказать народу, как мы прибыли по морю на паэ-паэ - все ждали этого повествования. Я начал говорить по-французски, а Тека переводил фразу за фразой.

Моего выступления ждали необразованные, но в высшей степени смышленные коричневые люди. Я рассказал им, как я жил раньше среди их собратьев на островах Южных морей, где впервые услышал об их первом вожде Тики, который привел их праотцев на острова из таинственной страны - о ней никто уже больше ничего не знал. Но в далекой стране, называемой Перу, правил когда-то могучий вождь, которого звали Тики. Народ называл его Кон-Тики - Солнце-Тики; он говорил, что происходил от солнца. Тики с людьми исчез из своей страны на больших паэ-паэ, и поэтому мы, шестеро, считаем, что он был тем самым Тики, который прибыл на эти острова. Так как никто не верил, что на паэ-паэ можно перейти океан, то мы сами отправились на плоту из Перу. И вот мы здесь. Значит, это возможно.

Тека перевел эту краткую речь, и тогда Тупухое - весь огонь и пламя - выскочил перед собравшимися и зачастил по-полинезийски, размахивая руками, указывая на небо и на нас. И в потоке его речи беспрестанно повторялось слово "Тики". Он говорил так быстро, что следить за ним было невозможно, но собрание глотало каждое слово и было, видимо, в восторге. Тека же, когда пришло время переводить, был в явном замешательстве.

Тупухое сообщил, что его отец, дед и прадед и их прародители рассказывали о Тики и говорили, что Тики был их первым вождем, а сейчас он находится на небе. Но затем пришли белые и сказали, что предания их предков были сплошной ложью; Тики никогда не существовал. Его совсем не было на небе, потому что там был Иегова. Тики был языческим богом, в него нельзя верить. Но вот теперь мы, шестеро, приплыли на паэ-паэ через море. Мы первые белые, которые признали, что его предки говорили правду и Тики действительно жил, хотя теперь он умер и находится на небе.

Мне стало не по себе - ведь я, может быть, свел на нет всю работу миссионеров. Я поспешил объяснить, что Тики - в этом нет никаких сомнений - жил, но сейчас он умер, и в этом тоже нет сомнений. Но был ли он на небе или в аду, об этом знал только Иегова. Тики, вероятно, был великим вождем, как Тека или Тупухое - возможно, даже более великим, - но он был смертным человеком.

Мое объяснение вызвало припадок веселья и удовлетворило наших коричневых друзей, и их одобрителные кивки подтвердили, что мои слова произвели впечатление. Тики жил - это основное. А если он сейчас и был в аду, тем хуже для него. Тупухое предположил, что в таком случае шансы увидеть его увеличиваются.

Три старика вышли вперед и пожали нам руки. Не было сомнения, что именно они хранили память о Тики, и вождь рассказал нам, что один из стариков знал множество преданий и исторических песен времен их предков. Я спросил старика, есть ли в преданиях какое-нибудь указание на то, откуда пришел Тики. Ни один из стариков не мог припомнить ничего подобного. После долгого и тщательного размышления старик прощамкал, что Тики взял с собой ближайшего родственника. по имени Мауи, и в песне о Мауи говорится, что на острова он пришел из Пуры, а слово "Пура" употребляется для обозначения места, откуда восходит солнце. Если Мауи прибыл из Пуры, заметил старик, то и Тики пришел оттуда, и мы, шестеро, прибыли на паэ-паэ также из Пуры - в этом нет никаких сомнений. Я рассказал коричневым людям, что жители уединенного острова Мангарева, расположенного неподалеку от острова Пасхи, не имели никакого понятия о каноэ и в наше время выходили в море на больших паэ-паэ. Этого старики не знали, но им было известно, что у их предков также были большие паэ-паэ. Они постепенно исчезали, и сейчас от них остались только название и предания. В давние времена, заметил самый древний из стариков, для паэ-паэ существовало и другое слово: они назывались "ронгоронго", но это слово сейчас исчезло из языка, оно упоминается только в древнейших преданиях.

Это слово представляет интерес, потому что Ронго, произносимое на некоторых островах как Лоно, является именем одного из самых известных легендарных предков полинезийцев. Он всегда описывается человеком со светлыми волосами и с белой кожей. Когда капитан Кук впервые прибыл на Гавайи, население встретило его с распростертыми объятиями. Они приняли его за своего белого родича Ронго, вернувшегося на большом парусном корабле из страны предков после длительного путешествия, во время которого родилось и умерло много поколений. И, наконец, следует

заметить, что на острове Пасхи ронго-ронго было обозначением загадочных иероглифов, тайна которых была утеряна с исчезновением последних грамотных "длинноухих".

Старикам хотелось поговорить о Тики и ронго-ронго, а молодежи не терпелось послушать о китовой акуле и путешествии по морю. Но нас ждало угощение, да и Тека устал переводить.

Всем жителям деревни было разрешено подойти и пожать нам руки. Мужчины бормотали "иа ора на" и чуть ли не вывертывали нам руки. Девушки подходили, изгибая стан, и приветствовали нас застенчиво и робко, а старухи что-то шептали и показывали пальцами на наши бороды и белую кожу. Дружелюбие сияло на всех лицах, и было совершенно не важно, что мы не понимаем друг друга. Если они говорили нам что-то непонятное по-полинезийски, то мы отвечали той же монетой по-норвежски, и это вызывало всеобщее веселье. Первое, чему мы выучились по-полинезийски, было слово "нравиться". И если к тому же мы могли показать, что нам нравится, то мы получали немедленно эту вещь, и все оказывалось очень просто. Если же мы говорили "нравится" и отворачивались при этом, то это означало "не нравится". Имея такой запас слов, мы прекрасно разговаривали, пока не познакомились со всеми ста двадцатью семью жителями деревни. В конце концов мы заняли место за длинным столом рядом с обоими вождями, и деревенские девушки начали обносить нас восхитительными блюдами. Пока одни занимались угощением, другие украшали гирляндами цветов нашу шею, а венком голову. Цветы издавали чудесный аромат и были прохладными и освежающими в жаркое время. Так началось это радушное празднество, которое фактически закончилось много недель спустя, когда мы покинули остров. Глаза у нас широко раскрылись, и изо рта потекли слюнки при виде стола, ломившегося от поросят, цыплят, уток, свежих омаров, полинезийских рыбных блюд, плодов хлебного дерева и кокосового молока. Мы набросились на яства, и наши коричневые друзья развлекали нас полинезийскими песнями, а молодые девушки танцевали вокруг стола.

Наши ребята смеялись и забавлялись от души. Сидя за столом и насыщаясь, как умирающий от голода, я не знал, кто из нас выглядел нелепее с развевающейся по ветру бородой и венком из цветов на голове. Оба вождя наслаждались жизнью так же откровенно, как и мы.

После угощения начался общий танец "хула". Деревне очень хотелось показать нам местные народные танцы. Мы, шестеро, вместе с Текой и Тупухое заняли первые места; явились два гитариста, присели на корточки и заиграли настоящие мелодии Южных морей. Два ряда танцующих

мужчин и женщин, шурша юбками из листьев пальмы, повязанными вокруг бедер, вошли, скользя и извиваясь, в круг зрителей, сидевших на корточках и распевавших песни. У них был веселый и живой запевала в лице изумительно толстой "вахине", у которой одну руку откусила акула. Сначала танцующие нервничали и вели себя немного натянуто, но, увидев, что белые люди с паэ-паэ любят их древними народными танцами, они все больше и больше оживлялись. К ним присоединились несколько пожилых островитян. Они прекрасно выдерживали ритм и хорошо знали свои танцы, хотя их сейчас редко танцевали. Солнце погрузилось в Тихий океан, а пляски под пальмами становились все оживленнее и аплодисменты зрителей непосредственнее. Они совершенно забыли, что среди них сидят шестеро иностранцев. Мы принадлежали теперь все шестеро к их народу и веселились вместе с ними.

Репертуар был неистощим, один очаровательный танец сменялся другим. Наконец несколько юношей уселись перед нами в круг и по знаку Тупухое начали бить в такт ладонями по земле-сначала медленно, потом быстрее и быстрее. Ритм выделялся все явственнее, особенно когда присоединился барабанщик и начал аккомпанировать, ударяя в бешеном темпе двумя палочками по выдолбленному сухому древесному обрубу, издававшему резкий напряженный звук. Когда темп достиг желаемой быстроты, раздалось пение, и внезапно в круг влетела танцовщица с гирляндой на шее и цветами за ухом. Ее ноги с согнутыми коленями двигались, в такт музыке, она ритмично раскачивала бедрами и поднимала руки над головой. Так танцуют полинезийцы. Она танцевала великолепно, и вскоре все собравшиеся отбивали ей такт ладонями. В круг вбежала еще одна танцовщица, а вслед за ней другая. Они с невероятной гибкостью и в безупречном ритме двигались и скользили одна вокруг другой, подобно танцующим грациозным теням. Глухие удары ладонями по земле, пение и веселый деревянный барабан все убыстряли темп, он становился все бешенее, и пляска делалась все более дикой. А зрители кричали и хлопали, безукоризненно выдерживая ритм.

Такой была жизнь на Южных морях и в давние времена. Звезды мерцали, и пальмы качались на ветру. Ночь была мягкой, долгой, полной запаха цветов и крика цикад. Тупухое сиял и похлопывал меня по плечу.

- Маитаи? - спросил он.

- Маитаи, - ответил я.

- Маитаи? - спросил он остальных.

- Маитаи! - ответили все хором, и они действительно так думали.

- Маитаи, - кивнул головой Тупухое, указав на себя. Он тоже радовался

жизни.

И Тека тоже считал, что праздник был великолепен. Белые люди, сказал он, впервые присутствовали на таких плясках на Рароиа.

Все быстрее и быстрее били барабаны, быстрее хлопали ладони, пели голоса и плясали ноги...

Но вот одна из танцовщиц вышла из хоровода и закружилась, извиваясь в танце, на одном месте, протягивая руки к Герману. Герман хихикнул в бороду; он совсем не знал, как ему к этому отнестись.

- Не теряйся. Покажи ей, что мы не хуже, - прошептал я, - Ты же хороший танцор.

К неописуемому восторгу присутствующих, Герман вбежал в круг, присел и энергично выполнил все нетрудные извивающиеся движения танца "хула". Ликованию не было конца. Вскоре Бенгт и Турстейн тоже включились в танец, и они так старались не сбавить темпа, что с них пот лил градом. А темп становился все бешенее, до тех пор, пока остались только удары барабана, превратившиеся в сплошной протяжный гул. Тогда три танцовщицы, настоящие танцовщицы "хула", задрожали все вместе, словно осиновые листья при сильном ветре, и опустились на землю. И тогда барабаны сразу замолкли.

Теперь мы были героями вечера. Не было конца изъявлениям восторга.

Следующим номером программы был танец птиц - один из древнейших обрядовых танцев на Рароиа. Мужчины и женщины прыгали рядами навстречу друг другу в ритмичном танце, подражая стае птиц. Ведущий танцор величался вожаком птиц, и он выделял замысловатые движения, не участвуя в самом танце. Когда танец окончился, Тупухое объяснил, что его танцевали в честь плота и танец нужно повторить, только теперь я должен быть ведущим танцором. Насколько я понял, задача ведущего танцора заключалась в том, чтобы издавать дикие крики и прыгать кругом на корточках, раскачивая бедрами и размахивая руками над головой. Я натянул как следует на голову венки и выступил на сцену. Я уже извивался порядочно времени, как вдруг заметил, что старый Тупухое от хохота чуть не падает со стула, а музыка постепенно утихает, потому что певцы и барабанщики последовали его примеру.

Но все хотели танцевать, старые и молодые, и вскоре барабанщики и хлопавшие по земле снова заняли свои места и начали играть огненный танец "хула-хула". Сперва вбежали в круг коричневые танцовщицы и начали танцевать в темпе, который с каждой минутой становился все более диким. А затем они начали приглашать нас, шестерых, по очереди. В это время в танец включалось все больше и больше мужчин и женщин, и они

топали и извивались, с каждой минутой все быстрее и быстрее.

Одного Эрика никак нельзя было расшевелить. Сквозняки и сырость на плоту возродили его ишиас, и он сидел, как старый шкипер с яхты, чопорный и бородатый, и попыхивал трубкой. Он не обращал внимания на танцующих, пытавшихся вытащить его на площадку. На нем были огромные брюки из овечьей шкуры, которые он носил по ночам, когда в водах течения Гумбольдта нас мучил холод. Он сидел под пальмой точной копией Робинзона, со своей огромной бородой, голым туловищем и брюками из овечьей шерсти. Красивые девушки одна за другой пытались снискать его расположение. Но он сидел важно в своем венке из цветов на густых волосах и попыхивал трубкой.

В круг вошла крепко сложенная, с мощными мускулами женщина, сделала несколько более или менее грациозных па из танца "хула" и решительно направилась к Эрику. На его лице появилось выражение ужаса, но амазонка приветливо улыбалась; она взяла его за руку и подняла со стула. Смешные брюки Эрика были сшиты шерстью внутрь, но сзади они были порваны, и оттуда, как заячий хвост, торчал большой клок шерсти. Эрик неохотно последовал за ней и вошел в круг, держась одной рукой за то место, где он чувствовал боль от ишиаса, а в другой у него была трубка. Он принялся прыгать, и тогда ему пришлось выпустить брюки, чтобы поправить падавший с головы венок, но он вынужден был оставить его висеть на ухе, чтобы схватить брюки, падавшие от собственной тяжести. Его массивная дама, кружившаяся перед ним в танце "хула", была не менее забавной, и у нас всех слезы катились по бороде. Вскоре все прекратили танцевать, и Эрик-хула с женщиной-тяжеловесом грациозно кружились в одиночестве под взрывы хохота, гремевшие в пальмовой роще. Наконец им пришлось остановиться, потому что певцы и музыканты были больше ни на что не способны, как хвататься за бока от хохота.

Праздник продолжался до утра. И лишь после того, как мы снова обменялись рукопожатиями со всеми ста двадцатью семью жителями, нам было разрешено немного отдохнуть. Впрочем, нам приходилось повторять эти рукопожатия ежедневно и утром и вечером в течение всего нашего пребывания на острове. Со всех хижин деревни нам собрали шесть кроватей и поставили их рядом вдоль стены в общественном доме, и мы спали рядом, как семь гномов Белоснежки из сказки, а над нашими головами висели сладко пахнущие венки из цветов.

На следующий день шестилетний мальчик, у которого был нарыв на голове, почувствовал себя значительно хуже. Температура у него поднялась выше 40 градусов, нарыв был величиной с кулак и причинял ужасную боль.

У него были, кроме того, небольшие нарывы и на пальцах.

Тека сказал, что от таких нарывов в деревне погибло много детей, и если мы не спасем мальчика, то он умрет очень скоро. У нас были с собой таблетки пенициллина, но мы не знали, какую дозу можно дать такому маленькому ребенку; и если он умрет после нашего лечения, это может повлечь за собой серьезные последствия для всех нас.

Кнут и Турстейн вынули свою радиоаппаратуру и натянули антенну между самыми высокими кокосовыми пальмами. Вечером они связались с нашими друзьями Галом и Франком, сидевшими у себя дома в Лос-Анжелосе. Франк позвонил врачу, мы передали ключом. Морзе все симптомы болезни мальчика и перечислили все лекарства, имевшиеся в нашей аптечке. Франк передал ответ врача, и мы поспешили к хижине, где маленький Хаумата метался в жару, а половина жителей деревни шумела и плакала над ним.

Герман и Кнут занялись лечением, а у остальных оказалось больше чем достаточно дела - мы должны были удерживать жителей деревни за дверями. У матери мальчика началась истерика, когда мы явились с ножом и попросили горячей воды. Герман и Кнут сбрили все волосы с головы мальчика и вскрыли нарыв. Гной брызнул высоко вверх, к потолку, и несколько возбужденных островитян в ярости ворвались в хижину, но были тут же выброшены обратно: дело было нешуточное. Когда нарыв был очищен и стерилизован, "доктора" забинтовали голову мальчика, и мы начали лечение пенициллином. В течение двух суток мы давали мальчику пенициллин через каждые четыре часа; температура была высокой и нарыв открытым. Каждый вечер мы консультировались с врачом в Лос-Анжелосе. Потом температура упала, вместо гноя появилась сукровица, и рана начала затягиваться. Мальчик начал улыбаться и проявлять интерес к картинкам из удивительного мира белых людей, где были машины, коровы и многоэтажные дома.

Через неделю Хаумата уже играл с ребяташками на берегу. Голова по-прежнему была забинтована, но повязку вскоре сняли.

После этого удачного лечения нас осаждали толпы больных, которым в деревне, казалось, не было конца. Зубная боль и желудочные болезни были у всех, у молодых и старых оказались нарывы. Мы отсылали всех пациентов к "доктору" Кнуту и "доктору" Герману, которые "предписывали" диету и опустошали нашу аптечку от пилюль и мазей. Некоторые вылечились, никому не стало хуже, и когда аптечка была пуста, мы приготовили суп из какао и овсяную кашу, оказавшие исключительное действие на истеричных женщин.

Мы прожили уже несколько дней у коричневых друзей, и наступил самый торжественный день во всех празднествах. Нас принимали в число граждан острова Рароиа и давали полинезийские имена. Я уже больше не был Тераи Матеата. Так меня называли на Таити, но здесь мне дадут другое имя.

Посередине площади для нас поставили шесть стульев, и вся деревня заблаговременно собралась сюда, чтобы захватить хорошее место около нас. Тека торжественно сидел среди односельчан. Он был, без сомнения, вождем, но когда дело касалось старых местных обычаев, Тека передавал главную роль Тупухое.

Все сидели очень серьезные и молчаливые. Большой, толстый Тупухое торжественно и медленно подошел, держа в руках громадную узловатую палку. Он сознавал торжественность минуты. Все взгляды были прикованы к нему, когда, будто погруженный в собственные мысли, он остановился перед нашей шестеркой. Он был прирожденный вождь, блестящий оратор и актер.

Тупухое обратился к запевалам, барабанщикам и танцорам и, указывая на них поочередно своей узловатой палкой, отдал им низким, сдержанным голосом краткие приказания. Затем он снова повернулся к нам и так закатил глаза, что белки засверкали такой же белизной, как и зубы на его выразительном медно-коричневом лице. Затем он поднял свою палку и отрывисто начал произносить древние обрядовые слова. Они сыпались у него, как горох из мешка, и были понятны лишь нескольким самым древним старикам, потому что он говорил на древнем, забытом диалекте.

Он говорил нам, а Тека переводил, что имя первого царя, поселившегося на Рароиа, было Тикароа. Он правил всем этим атоллом от севера до юга, от востока до запада, а также и небом над головами людей.

Хор запел старую песню о царе Тикароа, а Тупухое положил свою огромную руку мне на грудь, повернулся к зрителям и сказал, что он называет меня Вароа Тикароа, что означает Дух Тикароа.

Песня замерла, и настала очередь Германа и Бенгта. Большая коричневая рука побывала поочередно у них на груди, и они получили соответственно имена Тупухое-Итетахуа и Топакино. Это были имена двух древних героев, вступивших в битву с морским чудовищем и умертвивших его у прохода в рифе Рароиа.

Барабанщики ударили несколько раз в барабаны, у, и двое сильных мужчин с длинными копьями в обеих руках и в повязках вокруг бедер выбежали вперед. Они промаршировали в бурном темпе, высоко вскидывая колени, поднимая копья и поворачивая головы в разные стороны. Снова

ударили барабаны, мужчины взвились в воздух и ногами изобразили в чистейшем балетном стиле символический поединок героя с морским чудовищем. Он был показан в очень быстром темпе. Затем Турстейн под звуки песни получил имя прежнего вождя деревни Мароаке, а Эрик и Кнут были названы Тане-Матарау и Тефаунуи - в честь двух древних мореплавателей и морских героев. В длинной и однообразной декламации, сопровождавшей присвоение имен, слова произносились непрерывным потоком с головокружительной быстротой. Это должно было одновременно произвести впечатление и позабавить.

Церемония была окончена. И опять, как встарь, на острове Рароиа среди полинезийцев сидели белые бородатые вожди. Вперед выступили два ряда танцующих мужчин и женщин, одетых в юбки из соломы и с коронами из лыка на голове. Танцуя, они подошли к нам, сняли с себя короны, надели их на нас и подвязали нам свои юбки. И празднество продолжалось...

Как-то ночью увенчанным цветами радистам удалось связаться с радиолюбителем на Раротонге, передавшим нам послание с Таити. Это было сердечное приветствие от губернатора всех французских колоний Тихого океана.

По приказу из Парижа он выслал правительственную шхуну "Тамара", чтобы переправить нас на Таити, тем самым избавив от необходимости ждать неизвестно сколько времени, пока придет шхуна за копррой. Таити - центр французских колоний и единственный остров, имеющий связь с внешним миром. Только на Таити мы могли сесть на пароход, чтобы добраться домой.

Празднества на Рароиа тем временем продолжались. Однажды ночью со стороны моря слышались какие-то странные звуки. Дозорные, сидевшие на верхушках пальм, спустились и сообщили, что у входа в лагуну появилось какое-то судно. Мы бросились бегом через пальмовую рощу к берегу и начали смотреть в сторону, противоположную той, откуда пришли мы. Там прибой был значительно слабее - та сторона была под защитой всего атолла и рифа.

Прямо у прохода в лагуну мы увидели огни какого-то судна. Небо было светлое и звездное, и мы сейчас же различили контуры широкой двухмачтовой шхуны. Было ли это судно, присланное губернатором? Почему же оно не входило в лагуну?

Островитяне становились все беспокойнее. Наконец и мы увидели, в чем дело. Судно сильно накренилось на один бок и могло опрокинуться. Оно село на мель на коралловом рифе, которого не было видно. Турстейн

схватил фонарь и просигнализировал:

"Quel bateau?" (Какой корабль?)

"Маоаэ", - замерцал ответ.

"Маоаэ" была шхуна, курсировавшая между островами и перевозившая копру. Она шла на Рароиа за копррой. Капитан шхуны и вся команда были полинезийцами, и они знали рифы вдоль и поперек. Но в темноте течение коварно. Шхуне повезло в том отношении, что она села на мель с подветренной стороны и погода была спокойной. "Маоаэ" все больше и больше накренилась на бок, и команде пришлось перейти в спасательную шлюпку. К мачтам шхуны привязали толстые тросы, перетащили их на берег, и островитяне закрепили концы за пальмы, чтобы шхуна не перевернулась. Ее команда стояла в своей шлюпке с тросами у прохода в рифе, рассчитывая взять шхуну на буксир, когда начнется прилив и вода пойдет из лагуны. Жители деревни спустили на воду свои каноэ и поплыли к шхуне, чтобы спасти копру. На борту шхуны было не менее 90 тонн ценного груза. Каноэ за каноэ перевозили копру в мешках с накренившейся шхуны на берег.

Начался прилив, но шхуна оставалась на мели. Ее так било и швыряло о коралловые глыбы, что она получила пробоину. На рассвете "Маоаэ" была в еще худшем положении, чем раньше. Команда обессилела. Нечего было и пытаться сдвинуть с места шхуну, водоизмещением в 150 тонн, спасательными лодками и каноэ. Но она превратится в обломки, если ее будет так бить о риф, а в случае непогоды ее понесет к атоллу и она погибнет в прибое.

На "Маоаэ" радио не было; у нас оно было. Но пока спасательное судно прибудет с Таити" у "Маоаэ" будет достаточно времени, чтобы разбиться вдребезги. Однако во второй раз в течение одного месяца риф у Рароиа упустил свою добычу.

К середине дня на горизонте на западе показалась шхуна "Тамара". Она была послана, чтобы захватить нас с Рароиа, и капитан и команда были немало удивлены, увидев вместо плота две мачты большой шхуны, беспомощно бившейся на рифе.

На борту "Тамары" находился французский администратор группы островов Туамоту и Тубуаи Фредерик Анне, которого губернатор прислал за нами с Таити, С ним на борту были французы - кинооператор и радист. Капитан и команда шхуны были полинезийцами. Анне - уроженец Таити, родители его - французы; он слыл превосходным моряком. Он взял на себя управление судном с согласия капитана-таитянина, который был рад избежать ответственности. "Тамаре" удалось обойти бесчисленные

подводные рифы и течения, и вскоре между обеими шхунами были протянуты два толстых троса. Анне принялся выполнять искусные и опасные маневры, в то время как прилив грозил выбросить оба судна на сушу, на коралловую отмель.

В самый разгар прилива "Маоаэ" сдвинулась с рифа, и "Тамара" отбуксировала ее на глубокое место. Но в пробоину "Маоаэ" хлестала вода, и "Тамара" на всех парах увела ее в мелкие воды лагуны.

Трое суток лежала почти затонувшая "Маоаэ" в лагуне; насосы работали день и ночь. Лучшие ловцы за перламутром из наших друзей ныряли под шхуну, латали ее свинцовыми полосами и задраили самые большие пробоины, чтобы только "Тамара" могла отбуксировать ее на судоверфь Таити.

Когда "Маоаэ" была наконец готова к отплытию, Анне провел "Тамару" через коралловые мели лагуны и причалил к острову Кон-Тики. Плот был взят "Тамарой" на буксир. Судно легло на обратный курс, к проходу в рифе Рароиа, с "Кон-Тики" на буксире, а за ним вплотную шла "Маоаэ", чтобы в случае катастрофы можно было спасти команду.

Прощание с Рароиа было более чем грустным. Все, кто мог двигаться, собрались на коралловые насыпи; они играли и пели наши любимые мелодии, пока шлюпка переправляла нас на "Тамару".

В середине толпы возвышался Тупухое, держа за руку маленького Хаумата. Хаумата плакал, и по лицу могущественного вождя Тупухое также катились слезы. Но они пели и играли еще долго-долго после того, как прибой заглушил для нас все звуки.

Провожавшие нас с песнями островитяне потеряли шестерых друзей. Мы, молча стоявшие на борту "Тамары", пока насыпь не исчезла за пальмами, а пальмы не исчезли в море, теряли сто двадцать семь друзей. У нас в душе все еще звучала печальная песня:

"Поделитесь с нами воспоминаниями, чтобы мы всегда были вместе, даже когда вы уедете в свою далекую страну".

Через четыре дня из моря вынырнул остров Таити. Он не был ниткой жемчуга с пучками пальм на горизонте. Перед нами вырастал дикий и величественный, вздымающийся в небо голубоватый горный хребет, с пиками, увенчанными венками из облаков.

Мы подходили все ближе, и у голубых гор появились зеленые склоны. Роскошная зеленая растительность юга спускалась по ржаво-красным склонам и утесам в глубокие лощины и долины, выходившие к морю. Берег приближался, и за полоской золотого песка мы увидели стройные пальмы, теснившиеся в долинах и вдоль берега. Остров Таити - вулканического

происхождения. Сейчас вулканы не действуют, а коралловые полипы образовали вокруг острова защитный риф, и море не размывает его.

Рано утром, минуя проход между рифами, мы вошли в гавань Папеете. Перед нами открылся вид на церковные шпили и красные кирпичные крыши, наполовину скрытые листвой гигантских деревьев и кронами пальм. Папеете - столица Таити, единственный город во Французской Океании. Это город развлечений, резиденция правительства и узловой пункт всех путей восточной части Тихого океана.

Мы вошли в гавань. Все население Таити ожидало нас и было на набережной, образуя живую пеструю стену. Новости на Таити распространяются с быстротой ветра: все хотели посмотреть на паэ-паэ, прибывший из Америки.

"Кон-Тики" было отведено почетное место, у самой набережной. Бургомистр города приветствовал нас, маленькая полинезийская девочка передала нам от имени полинезийского общества огромный венок - целое колесо из диких цветов Таити. Затем подошли девушки и повесили нам на шею благоухающие белые гирлянды цветов. Они приветствовали нас от Таити - жемчужины Южных морей.

Я искал глазами в толпе хорошо знакомую фигуру моего старого приемного отца на Таити - вождя Териероо, главу семнадцати местных вождей Таити. Он был здесь. Высокий, громоздкий, живой, веселый, как прежде, он весь просиял, увидев меня, и протиснулся сквозь толпу, крикнув мне: "Тераи Матеата!" Он постарел, но не потерял своего величественного облика вождя.

- Ты прибыл поздно, но вовремя, - сказал он улыбаясь. - Твой паэ-паэ на самом деле привез голубое небо - Тераи Матеата - на Таити, потому что теперь мы знаем, откуда пришли наши отцы.

Затем губернатор устроил в своем дворце прием и праздник в муниципалитете. Со всех сторон на нас сыпались приглашения от жителей гостеприимного острова.

В долине Папено вождь Териероо, как в старое доброе время, до войны, когда я был его гостем, устроил большое пиршество. Те из нас, кто не имел таитянских имен, получили их.

Это были беззаботные дни, полные солнечного света и плывущих облаков. Мы купались в лагуне, лазили по горам и танцевали "хулу" на траве под пальмами. Дни проходили, проходили и недели. Недели могли превратиться в месяцы, прежде чем на Таити придет пароход, с которым мы могли уехать домой, где нас ждали.

Утром пришло известие из Норвегии, что пароход "Тор-1",

водоизмещением в 4 тысячи тонн, получил приказ зайти из Самоа на Таити, чтобы переправить нашу экспедицию в Америку.

Рано утром норвежский пароход "Тор-1" вошел в гавань Папее. Французский военный корабль отбуксировал плот и поднял его на палубу соотечественника. Сирена зазвучала над островами. Коричневые и белые люди столпились на набережной и забросали палубу прощальными подарками и гирляндами цветов. Мы стояли у поручней и вытягивали головы, как жирафы, чтобы освободить лицо от растущей груды гирлянд.

- Если хотите вернуться на Таити, - крикнул вождь Териероо, когда замолк последний гудок сирены, - бросьте в лагуну венок, как только отойдет пароход!

И вот концы уже отданы, загудели моторы, винт полоснул воду, и мы заскользили вдоль набережной.

Скоро красные крыши исчезли за пальмами, затем и сами пальмы растаяли в синеве гор, которые медленно опустились в Тихий океан.

Волны разбивались одна о другую, но наши ноги были очень далеко от них. Белые пассатные облака плыли по голубому небу. Но мы уже не шли в том направлении. Мы не обращали больше внимания на силы природы. Мы возвращались в XX столетие, которое было так далеко, так далеко от нас...

Мы все шестеро были живы и здоровы, а в лагуне Таити волны играли шестью венками из белых цветов.

Примечания

1

17 мая - национальный праздник: День независимости Норвегии.

Секстант- прибор для определения углов при астрономических и навигационных наблюдениях. Употребляется для определения положения судна на море.

Морская миля равна 1,852 километра.

Инки - группа индейских родов, создавшая в XIII веке империю, в которую входили теперешние государства Южной Америки - Перу, Боливия, значительная часть Эквадора и Чили. Огромное государство инков просуществовало свыше 300 лет, вплоть до завоевания его испанскими конкистадорами в 1532-1533 годах.

Кечуа - группа индейских племен, покоренных инками. Инки объявили язык кечуа государственным в своей империи.

6

Каное-узкая, маленькая лодка, выдолбленная из дерева.

Explorers Club - клуб исследователей.

Сукре - денежная единица, равная примерно 50 коп.

Бандиты (исп.).

Пончо - плащ из яркой домотканой материи с прорезанным для головы отверстием

Бунгало - постройка легкого типа, приспособленная для жизни в тропиках.

Смертельно (исп.).

Ампир - стиль, появившийся во французской архитектуре и прикладных искусствах в начале XIX века.

Найтов - перевязка или соединение тросом бревен или двух других тросов.

Рея - поперечное дерево, подвешенное за середину к мачте. На нее привязывают парус.

Минутку (исп.).

Членов экспедиции (исп.).

Участников норвежской экспедиции (исп.).

Шкот - снасть, управляющая парусом.

Галс - курс корабля относительно ветра.

Ватерлиния - линия осадки при полной нагрузке судна.

Сплесневать - соединять две веревки или два конца лопнувшей снасти.

Табу - предмет или действие, на которые наложен запрет. По-полинезийски "табу" означает "нельзя".

Ацтеки - индейский народ, живущий в Мексике и господствовавший в ней до завоевания ее испанскими конквистадорами.

Штаги - тросы, поддерживающие мачту.

Килоцикл - тысяча циклов. Цикл - единица частоты переменного тока. В СССР цикл заменен равнозначной ему единицей, называемой "Герц".

Телетайп - буквопечатающий телеграфный аппарат, на котором передаваемая телеграмма отпечатывается буквами.

Майя - группа индейских племен и народов Центральной Америки, создавшая высокоразвитую культуру.

Анемометр - прибор для определения скорости ветра.

Пикша - рыба из семейства тресковых.

Степс - деревянное или железное гнездо, в которое вставляется основание мачты.

Выбленки - тонкие тросы, укрепленные поперек вант и образующие как бы веревочные ступеньки, по которым взбираются на мачту.

Доброй ночи! (англ.)

Вы говорите по-английски? (англ.)

Румб - в данном случае направление от человека, находящегося на плоту, на любую точку горизонта, указываемое компасом.

О кэй! Осталось 50 ярдов. Началось. Прощайте! (англ.)